ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

Журнал Сибирского федерального университета

Гуманитарные науки

Journal of Siberian Federal University

Humanities & Social Sciences

2022 15 (2)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки

2022 15(2)

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY
Humanities & Social Sciences

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directiory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор С.В. Хазаржан. Корректор И.А. Вейсиг
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

№ 2. 28.02.2022. Индекс: 42326. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.

http://journal.sfu-kras.ru

Подписано в печать 24.02.2022. Формат 84x108/16. Усл. печ. л. 12,0.
Уч.-изд. л. 11,5. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 15780.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

CHIEF EDITOR

Natalia Koptseva – Professor, Droctor of Philosophical Sciences, Head of Department of Culture Studies (SFU).

EDITORIAL BOARD

David G. Anderson, PhD, Professor, the North at University of Aberdeen, Scotland

Evgeniya E. Anisimova, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Alexander Y. Bliznevsky, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Gershons M. Breslavs, Associate Professor, Doctor of Psychological Sciences, Baltic Institute of Psychology and Management, International Institute of Applied Psychology, Riga, Latvia

Evgeniya A. Bukharova, Candidate of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Sergey V. Devyatkin, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, Veliky Novgorod

Hans-Georg Dederer, PhD, Professor, University of Passau, Germany

Sergey A. Drobyshevsky, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University; Krasnoyarsk

Maria A. Egorova, Professor, Doctor of Law, Kutafin Moscow state law University (MSAL)

Denis N. Gergilev, Candidate of Historical Sciences, docent, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Konstantin V. Grigorichev, Doctor of Sciences (Sociology), Irkutsk State University

Darina Grigorova, Candidate of Sciences (History), Professor, Sofia University "St. Kliment Ohridski"

Tapdyg Kh. Kerimov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Yekaterinburg

Alexander S. Kovalev, Doctor of History, docent, professor at the Department of Russian History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Modest A. Kolerov, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, the information agency REX, Regnum (Moscow)

Vladimir I. Kolmakov, Doctor of Sciences (Biology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Alexander A. Kronik, PhD, Professor, Howard University, USA

Liudmila V. Kulikova, Professor, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Pavel V. Mandryka, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Marina V. Moskaliuk, Doctor of Sciences (Arts), Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts

Boris Markov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg State University

Valentin G. Nemirovsky, Professor, Doctor of Sociological Sciences, Tumen State University

Nicolay P. Parfentyev, Professor, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk

Natalia V. Parfentyeva, Professor, Doctor of Art History, Member of the Composers of Russia, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk

Nicolai N. Petro, PhD, Professor of Social Sciences Rhode Island University, USA

Øyvind Ravna, Professor, Doctor Juris, University of Tromsø, The Arctic University of Norway

Roman V. Svetlov, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg University

Andrey V. Smirnov, Doctor of Philosophical Sciences, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy RAS, Moscow

Olga G. Smolyaninova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of RAE, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Aleksey N. Tarbagaev, Doctor of Law, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Elena G. Tareva, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Moscow State Linguistic University, the Higher School of Economics

Zoya A. Vasilyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Irina V. Shishko, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Evgeniya V. Zander, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

CONTENTS

Konstantin V. Grigorichev and Natalia P. Koptseva
At the Crossroads of Research Perspectives: from the Editors of this Issue **156**

Vladimir N. Davydov
Container in the North: The Use of Mobile Modules in Chukotka and Taimyr **161**

Konstantin V. Grigorichev and Yulia V. Elokhina
Not a City Yet, not a City Anymore: the Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City **169**

Maria L. Shub
The Image of the Past as an Object of Cultural Understanding. A New Conceptual Approach **179**

Kuralay B. Urazaeva, Veronica A. Razumovskaya and Gulnur Yerik
Translating «The Tale of the Fisherman and the Fish» into Kazakh: Pushkin in Other Culture **187**

Aleksandr N. Alekseenko, Zhanna S. Aubakirova and Viktor I. Dyatlov
The city in Nation-Building Projects: Soviet Autonomy in Siberia and Sovereign Kazakhstan **204**

Sergey V. Bereznitsky
Fine-Tuning Own World **220**

Tikhon K. Ermakov
Some Features of Organization of 2D Platformer Games' Space in Terms of Interaction Between Player and Space **234**

Sergey V. Ivlev
Socio-Political Communications in the Context of Ideological Discourse **244**

Olga A. Karlova and Oleg V. Myasoutov
Modern Youth Culture in the Discourse of Fyodor Dostoevsky's Philosophizing **254**

Konstantin B. Klokov
Retrospective Geography of Reindeer Husbandry as a Form of Traditional Use of the Tundra and Taiga Resources in the North of the Krasnoyarsk Territory **265**

Natalia P. Koptseva and Elina V. Pashova
Social Consequences of Climate Change: World Practices of Research and Forecasting **280**

Olga M. Khomushku, Maria S. Kukhta and Margarita Yu. Raitina
Conceptual Reconstruction of Creativity in the Context of Socio-Cultural Transformation **294**

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 156–160

DOI 10.17516/1997-1370-0901
УДК 3.30.303

At the Crossroads of Research Perspectives: from the Editors of this Issue

Konstantin V. Grigorichev[a] and Natalia P. Koptseva*[b]
[a]*Irkutsk State University*
Irkutsk, Russian Federation
[b]*Siberian Federal University*
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 01.02.2022, received in revised form 04.02.2022, accepted 05.02.2022

Abstract. The main themes and problems of the thematic issue of the journal devoted to philosophical, social, cultural and ethnic studies are considered. At present, an interdisciplinary approach is of particular value and significance, which is successfully implemented in the structure of the presented issue of the scientific journal of the Siberian Federal University «Humanitarian Sciences». The geography of the authors and the issues they raise in their articles are related to the solution of topical regional and interregional problems. The presented philosophical studies reflect the current state of philosophical ontology and epistemology. Ethnic issues are presented mainly on the basis of field research. Sociological articles are connected with the Siberian regions. Culturological studies are presented in a rather multifaceted way and also contain a significant regional component.

Keywords: philosophy, social anthropology, sociology, ethnology, scientific journal, modern research, regions.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: social structure, social institutions and processes, theory and history of culture, art, ontology and theory of knowledge.

Citation: Grigorichev, K. V., Koptseva N. P. (2022). At the crossroads of research perspectives: from the editors of this issue. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 156–160. DOI: 10.17516/1997-1370-0901.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: grigoritchev@yandex.ru, nkoptseva@sfu-kras.ru

На перекрестках исследовательских перспектив: от редакторов номера

К.В. Григоричев[а], Н.П. Копцева[б]
[а]*Иркутский государственный университет*
Российская Федерация, Иркутск
[б]*Сибирский федеральный университет*
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Рассматриваются основные темы и проблемы тематического выпуска журнала, посвященного философским, социальным, культурным и этническим исследованиям. В настоящее время особую ценность и значимость имеет междисциплинарный подход, который успешно реализуется в структуре представленного выпуска научного журнала Сибирского федерального университета «Гуманитарные науки». География авторов и проблематика, которую они поднимают в своих статьях, связана с решением актуальных региональных и межрегиональных проблем. Представленные философские исследования отражают современное состояние философской онтологии и гносеологии. Этническая проблематика представлена преимущественно на основании полевых исследований. Социологические статьи связаны с сибирскими регионами. Культурологические исследования представлены достаточно многопланово и также содержат значительный региональный компонент.

Ключевые слова: философия, социальная антропология, социология, этнология, научный журнал, современные исследования, регионы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001

Научные специальности: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы, 5.10.1 – теория и история культуры, искусства, 5.7.1 – онтология и теория познания.

Исследовательский взгляд социальных наук в последние десятилетия все чаще формируется на пересечении различных пространств и перспектив. Не случайно пространственный поворот в социальных науках, толчок которому дали два интервью Мишеля Фуко, был связан с совмещением перспективы властных отношений с идеей пространства как «привилегированного места для понимания того, каким образом действует власть» (Фуко, 2006). Тезис Фуко не просто предложил пространственную перспективу социальным исследованиям, но привнес в изучение социального целый радикально новый взгляд, породивший широкий спектр новых перспектив. Все они, в той или иной степени, были основаны на привнесении с социально-философский мир идей перспективы пространства и объектов. Здесь, на пересечении, казалось бы, не связанных перспектив появились новые научные направления, имена и школы.

В современных гуманитарных и социальных науках есть два основных сюжета: это поиск общей, интегральной проблематики и, напротив, внимательное погружение в тему, которая раньше казалась аспектом какой-либо более «важной» научной тенденции (см.Koptseva, Avdeeva, 2021; Avdeevaeta., 2020; Avdeevaeta., 2019).

Статьи предлагаемого читателю номера, при всей разности их сюжетов, географии, темпоральности и даже предметных рамок, связаны именно взглядом на предмет исследования из пересечения различных перспектив. Так, перспективы традиции и социальной модернизации в контексте Севера, специфики истории его освоения и наполнения его пространства рассматриваются в статье К. Б. Клокова. Специально отметим исследование В. Н. Давыдова, анализирующее парадоксальное пересечение феноменов мобильности и постоянства, подвижности и оседлости в освоении Севера через призму использования контейнеров в поселениях Таймыра и Чукотки. В контекст взаимодействия традиции, модерна и постмодерна погружены исследования шаманизма и традиционной обрядности С. В. Березницкого. В статье О. М. Хомушку с соавторами концептуальные реконструкции творчества погружаются в перспективу традиции и социально-культурных измерений. Возникающие новые образы прошлого в качестве объектов культурологического осмысления рассматривает в своей статье М. Л. Шуб.

Новой и чрезвычайно интересной проблеме посвящен текст Т. К. Ермакова, исследующего специфику игрового виртуального пространства. Здесь в фокусе исследовательского внимания не собственно игровой процесс в рамках уже традиционных gamesstudies, а включение игрока как связующего звена между двумерным пространством виртуальности и трехмерным пространством реальности, иными словами – практики формирования связей между виртуальными и реальными мирами.

Н. П. Копцева и Э. В. Пашова рассматривают интересный аспект социальных исследований северных и арктических территорий, связанный с психологическими последствиями изменения климата. Данная статья представляет собой определенную интеграцию проблематики экологии, психологии, социально-культурных исследований. Очевидно, что проблемы Севера и Арктики лучше всего анализировать именно в таком синтетическом ключе (см. Zamaraeva, et al., 2021).

Журнал Сибирского федерального университета неоднократно обращался к различным аспектам региональной антропологической проблематики, данное научное направление является приоритетом нашей журнальной политики. На страницах журнала представлены исследования в области политической, культурной, социальной антропологии, как правило, имеющие значительный региональный компонент.

Сложные социально-политические и социокультурные процессы современности в статьях номера погружаются в социально-философский контекст российского исторического и культурного опыта. С. В. Ивлев рассматривает современные социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса. Здесь актуальные проблемы формирования и использования идеологии в политической практике переплетены с практиками и стратегиями коммуникации между участниками политического процесса. Сходным образом О. А. Карлова и О. В. Мясоутов анализируют современную молодежную культуру, погружая ее в дискурс философских воззрений Ф. М. Достоевского.

В статье К. Уразаевой с соавторами поднимается проблема восприятия творчества А. С. Пушкина при переводе на казахский язык. В более широком смысле, автор ставит проблему интерпретации творчества в рамках иной культуры, адекватности перевода не текста как такового, а культурных смыслов и образов, способы сопряжения культур через перевод.

Проблема связи советского и постсоветского находится и в фокусе двух статей, выполненных в жанре городских исследований. В исследовании Ж. Аубакировой, А. Н. Алексеенко и В. И. Дятлова проводится компаративный анализ роли городов в опыте нациестроительства советских национальных республик и постсоветского Казахстана. При всей разности исторических процессов и идеологических контекстов, авторы обнаруживают глубинное сходство ситуации, заключающейся в целенаправленном формировании новой общности через конструирование города.

Городское пространство в обоих рассматриваемых случаях становится не только местом ассимиляции Чужака и выращивания городской модерности, но и механизмом радикальной трансформации хинтерланда. А в более широком смысле и общества в целом.

Близкая проблема, хотя и на совершенно ином материале, рассматривается в статье К. Григоричева и Ю. Елохиной. Анализируя типичные для советского и современного провинциального российского города пространства малоэтажной застройки, авторы показывают, что эти «не-городские» по архитектурному ландшафту и социальной организации локальности являются непременным атрибутом постсоветского города. Более того, именно наличие таких «неправильных», «не-городских» локальностей, имплицитно присущих постсоветскому городу, определяют его специфику.

Это позволяет поставить авторам более широкий вопрос о проблеме транзитности, темпоральности постсоветского, воплощенного в городском пространстве. Действительно, широко используемое прилагательное «постсоветский» (в мировой традиции – постсоциалистический) задает конструируемым понятиям сразу несколько глубоких ограничений. С одной стороны, это временность, переходность – постсоветский транзит должен рано или поздно закончится, что заставляет задавать вопрос о продолжительности этого этапа: когда постсоветский город перестает быть постсоветским? С другой стороны, это вопрос географических ограничений: являются ли постсоветскими города за пределами бывшего Советского Союза и Восточной и Центральной Европы (например, в Анголе)? Не менее важны и идеологические контексты: если советский город формировался под воздействием более или менее жесткой идеологии, то означает ли «постсоветское» процесс деидеологизации городского развития, и какова временная перспектива этого процесса? В качестве одного из возможных решений авторы статьи предлагают использовать концепт глобального Востока, позволяющего поставить под сомнение дихотомию конструкций глобальных Севера и Юга, по крайней мере, в перспективе урбанистических исследований. Здесь гибридность, эклектичность и одновременно динамичность города глобального Востока может быть, по мнению авторов, рассмотрена не в качестве признака переходности (от советского к какому-то иному городу), а как постоянное состояние. Это, в свою очередь, погружает проблему постсоветского города в гораздо более масштабную теоретическую перспективу.

Урбанистическая антропология представляет собой наиболее динамичную область современных антропологических исследований (см., например: Smolinaetal., 2018; Luzanetal., 2019; Zamaraeva, etal., 2019). Региональная урбанистическая антропология развивается достаточно активно. Тематика сибирских городов и ранее была представлена на страницах нашего журнала. В этом выпуске исследования сибирских городов введены в широкий глобальный контекст. Мы надеемся, что в будущем урбанистическая сибирская антропология будет представлена на страницах нашего журнала в самых разных аспектах.

Иными словами, представляемый номер содержит чрезвычайно широкий спектр исследовательских текстов, предлагающих читателю множество новых взглядов. Все они сформированы на пересечении нескольких исследовательских перспектив, что иногда выглядит парадоксально и неожиданно. Но всегда интересно. Жизненность и продуктивность каждой из них будет зависеть, прежде всего, от заинтересованности читателя.

Список литературы / References

Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Koptseva, N.P. (2020). Compensatory role of symbolic mediators in constructing ethnocultural identity. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(5), 702–715.

Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Metlyaeva, S.V., Pchelkina, D.S., Fil'ko, A.I., Koptseva, N.P. (2019). Dynamics of krasnoyarsk urban space in the early 21st century. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12(6), 953–974.

Foucault M. (2006). Prostranstvo, znanie i vlast' [Space, knowledge and power]. In: Foucault M. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews].* Vol. 3. Moscow: Praksis, 215–236.

Koptseva, N.P., Avdeeva, Y.N. (2021). On the history of science in the Russian empire (based on the analysis of the Journal «Nauchnoe Obozrenie» for 1898). In *Bylye Gody*, 16(3), 1473–1481.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 161–168

DOI: 10.17516/1997-1370-0896
УДК 394

Container in the North: The Use of Mobile Modules in Chukotka and Taimyr

Vladimir N. Davydov*
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

Received 01.12.2020, received in revised form 30.01.2022, accepted 05.02.2022

Abstract. People designed an iron container to rationalize cargo transportation on the sea. In the Northern regions, it has become a universal module for appropriation of space. When local people install it in a specific point, they use it as a stationary structure and a place for storing property, as well as for a temporary stay. Giving the examples of field research in Chukotka and Taimyr, the author examines the ways of using an iron container in the households of local people in situation of relative remoteness from the centers of resource distribution. Under the conditions of the Far North, it is gradually turning into a dominant module, replacing other buildings. Its special qualities, resistance to deformation, mobility, the ability to use it to perform a large number of everyday tasks – all this makes it a useful element of both local peoples' and newcomers households. Following John Urry's concept of offshoring, the author analyzes how the informal economy practices involve the inland communities, changing spatial practices and materiality in the Arctic. He argues that the appropriation of the northern territories by humans is a result of the creative use of modular systems, including both complexes of material objects used by nomads, and innovative mobile modules that allows use resources in the situation of harsh natural and climatic conditions more effectively.

Keywords: Arctic, Chukotka, Taimyr, infrastructure, mobility, built environment, storage space, iron container, containerization.

The present research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (No. 18–18–00309), project «Food in the Russian Arctic: resources, technologies and innovations».

Research area: ethnography, ethnology and anthropology.

Citation: Davydov, V.N. (2022). Container in the North: The use of mobile modules in Chukotka and Taimyr. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 161–168. DOI: 10.17516/1997-1370-0896.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: davydov.kunstkamera@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2738-4609

Контейнер на Севере: использование мобильных модулей на Чукотке и Таймыре

В.Н. Давыдов
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация: Металлический контейнер был изначально разработан для рационализации транспортировки грузов по морю. В Арктике его используют в качестве универсального модуля освоения пространства. Когда контейнер устанавливают в качестве стационарной постройки, он может стать местом для хранения имущества, а также помещением для временного пребывания. В статье на примере полевых исследований, проведенных на Чукотке и Таймыре, рассмотрены способы применения металлического контейнера местными жителями в относительной удаленности от центров распределения ресурсов. В условиях Крайнего Севера он постепенно превращается в доминирующий модуль, заменяющий и вытесняющий самодельные постройки. Особые свойства (устойчивость к деформациям, мобильность, возможность решения широкого спектра повседневных задач) делают его востребованным элементом хозяйственных практик местного и приезжего населения. Опираясь на концепцию офшоризации Дж. Урри, автор анализирует, каким образом неформальная экономика проникает вглубь континента, оказывая воздействие на стратегии использования пространства и материалов в Арктике. Автор делает вывод, что в освоении северных территорий человеком важную роль сыграло креативное применение модульных систем, включающих комплексы как материальных объектов быта кочевников, так и инновационных мобильных модулей, позволяющих более эффективно использовать ресурсы в суровых природно-климатических условиях.

Ключевые слова: Арктика, Чукотка, Таймыр, инфраструктура, мобильность, постройки, подсобные помещения, металлический контейнер, контейнеризация

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00309), проект «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений».

Научное направление: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Introduction

In Arctic settlements, one cannot help noticing a large number of metal items – stacks of empty fuel drums, pipes, parts of metal structures and old pieces of equipment as well as metal containers. For an outside observer all these metal objects may seem abandoned and forgotten. Yet local people often put old structures and their parts to good use. Domestic life and daily routines of people in northern villages are based on modularity. When moving, Arctic nomads use portable modules that allow to effectively utilizing available resources (Golovnev, 2017: 10–11).

Quite often inhabitants of the Polar Regions use the typical strategies. When travelling by water transport, they fill available space with metal modules – containers. We may call this process the containerization of the Arctic. In some areas especially near seaports, one can see huge pile-ups of these key elements for maritime freight transportation. At present metal containers

are used in the Arctic as multifunctional modules for space organization. People employ containers everywhere, but in the Northern regions, they have become one of the most important elements that help to manage surrounding space.

Containers have a number of characteristics which can be taken in account for their wide spread and practical use in the Arctic region. The main reason is their hybrid nature – they combine qualities of both permanently located and movable constructions. When people install this mobile module in a certain place, they may use it as a permanently located structure, for example as a storage for things, equipment and food or even as a place of temporary residence.

The present article explains how local people use iron containers in the Chukotka Autonomous Okrug and the Taymyrskii Dolgano-Nenetskii Raion (District) of the Krasnoiarskii Krai (Region). The article discusses field research in these regions that the author had being conducting within last 6 years. The total length of fieldwork comprising a period of about 10 months.

Who uses containers in the Arctic and why?

In Khatanga at the Taymyr Peninsula and in the urban-type settlement of Egvekinot in Chukotka containers are a typical part of the landscape. Local residents are used to them and see nothing out of the ordinary. In many settlements containers can be found practically everywhere. Often they are set close to each other forming clusters near houses. In Egvekinot they are arranged in lines like garages with narrow lanes between them. People living nearby in standard five-storeyed buildings use these containers as storages. These modules allow people to expand their living space and keep various things, appliances and other equipment outside their houses and flats.

People often use containers in addition to the existing sheds and garages, built from available materials and remnants of old structures. Not only local people use them in Amguema, but also people from remote coastal Nutepel'men village who come to this place and to the raion center from time to time. Most people keep in their containers transport equipment. Containers belong the sphere of male activities and often become a place for fixing vehicles. The position of each container is usually defined by the customary law and is not officially registered in any legal documents. Local people know which module belongs to whom and associate a container and its position with its owner.

Containers, which people use in Taymyr and Chukotka, vary in size. The practical needs usually determine their choice. People who have lots of equipment need larger containers or greater number of them. Containers made in various periods can be found side by side in one settlement. For example, in Egvekinot people still use containers produced during the Soviet period – metal frames covered with wooden boards.

In winter, the residents of Northern villages who live in flats and cottages often use containers as refrigerators – to keep their things and food frozen (Davydova, 2019). When people do not have a possibility to accommodate things and products in their flats, containers allow expanding storage space. Moreover, they preserve things, vehicles and food better than ordinary self-built sheds do. Containers restrict access to the enclosed space inside and to the property being stored or transported. Many people use them to protect their things from theft. Containers usually have only one entrance, while people can combine them into structures that are more complex.

Communities in the Arctic follow the principle of minimalism when it comes to resources (Golovnev et al., 2018). Containers fully conform with this principle because they do not demand any additional materials or efforts and are reliable enough to endure long and active usage.

Containers are widely used by fishermen and hunters in Chukotka and Taimyr. People often employ such «hunting or fishing containers» as utility rooms or portable cabins and place them not far from the hunting or fishing territories. In this case containers can be arranged either in groups (for example, to store boats, motors and fishing gear by a river) or as

standalone storage spaces. In Khatanga containers play an important role in fishing trade and water travel – they are used to store boats, fishing gear, motors and fuel drums. When placed on the river bank, people employ containers as lockable storage rooms allowing to manage recourses rationally – keep equipment close to the place of fishing to avoid transporting it from home every time.

Iron container as a dream a symbol of freedom

For many residents of Khatanga and Egvekinot the use of containers is associated with endless freedom because containers may be located practically anywhere. They can be moved from place to place with the help of specialized vehicles – tractors, prime movers and bulldozers that belong to public utility companies or private owners.

Local people use container in the Arctic as a combination of a garage and a transportable module. In that respect it is different from a permanently located garage designed to remain in the same place for a long time. Compared to it, a container serves as a means of achieving a relative freedom. It is an object that can be bought, sold, exchanged or moved to another place. At the same time, it is very practical at protecting things stored inside. Containers may be used to store almost any kind of material objects – from equipment, fuel and tools to clothes and food. The climate of the Northern regions allows using containers as refrigerators most of the year. In Chukotka, people often store food, meat and hides in containers. When discussing everyday matters local people often mention containers as parts of their dreams and plans for the future; they associate containers with wealth and good standard of living. They are a part of everyday life and can be used in addition to already existing buildings and structures.

Dream is an important part, motivating local people to perform everyday tasks and to stay in the remote northern regions (Simonova, 2020). One of the residents of Amguema who specializes in traditional techniques and technologies said that she wanted to put a container near her *yaranga* on the riverbank to keep reindeer skins there. She uses *yaranga* as an additional space where she can process hides, cook traditional food and entertain guests and tourists. A number of other informants mentioned that they were planning to buy containers to store their things and equipment.

How do containers arrive to the Arctic settlements?

Metal containers are entirely connected with water transport. They can only arrive to the Taymyr Peninsula and Chukotka by water. Large clusters of containers can be found near northern seaports. Containers arrive to these locations by sea and then people transport them inland by cars and special heavy equipment. For example, people deliver containers to Amguema located on the 91st kilometer of the Iul'tinskaia highway in Chukotka by motor transport.

The number of containers constantly increases – new ones arrive and the old ones get redistributed. This process can be explained by the fact that people use containers as a macropackage to deliver and distribute goods and it is easier to sell or just leave them at the place of destination than to bring them back to the starting point. So a certain amount of containers remains in Arctic settlements due to the standard shipment process. They are in constant demand because these mobile modules allow saving time and efforts that would be necessary to find materials and build permanent storages.

A great number of containers that are currently in use in Chukotka became delivered to settlements of indigenous people upon the initiative of the administration along with constriction materials necessary to build cottages using a Canadian construction technology. Sometimes local people order and organize the transportation of containers. In this case, they themselves decide where they want to install the containers – usually new modules supplement the existing structures. Quite often, they install containers on plots, which are not officially registered on cadastral maps, thus violating the official rules.

Containers are a part of local informal economy. They can be let and rented or sold to new owners. Amguema dwellers sometimes

resell containers to their neighbors. Such transactions are not very frequent and people do not register them officially. In 2018 the price of a container was 10 to 80 thousand rubles depending on its capacity and condition.

Containers are elements of the movements of local people and in the practices of supply chain of local shops. Some people buy their containers «on the mainland», fill them with the necessary goods, send along a shipping route to the port of Egvekinot and then move to villages by land transport. Local residents can buy or rent containers when they go to Vladivostok on vacation – in this case they fill containers with the goods they have bought and ship them to Egvekinot via a transportation company. Generally, people buy used containers. Goods and containers are much cheaper in Vladivostok than in Chukotka; though delivery to a remote location increases their cost. Local people often buy modern equipment, four-wheelers, and snowmobiles but construction of garages demand a lot of efforts, so containers are in constant demand and can be resold.

Containers as permanent structures

In Nutepel'men the administration distribute containers among local people and install them as additional storage units for fuel and other things instead of sheds. Thus, they became a part of official centralized village development and the plots occupied by the containers were marked on official plans and cadastral maps. In this context containers acquired the status of permanent buildings. They were located next to newly built cottages to store coal that would be used for heating. It was practical to keep coal close to the house entrance so that people would not have to go too far to get fuel. Containers filled up with coal became immovable permanent structures.

From the administrative point of view, each structure should be registered and fixed at a certain place. Yet, as it was mentioned above, residents of Arctic villages and settlements often buy or rent additional containers and move them at their own discretion. In this case the use and location of containers is defined by the needs of their owners and often differ from the initial plans of the administration.

Transformation of metal constructions

Though metal containers are difficult to remodel, local people manage to change their structure by adding new elements and joining containers together. They have moved and rearranged some containers to meet their needs. When a container is located in a certain place it can be transformed into a storage or living quarters. By installing windows and a heater and insulating the container, the owner can turn it into a kind of a construction trailer that can be used as a temporary living place.

Because of the shortage of building materials in Arctic villages, people sometimes use containers instead of various permanent structures. In Nutepel'men some people, especially those who have several modules, turned their containers into bath houses. For that purpose, they make a cold-proof entrance – they usually install an additional wooden wall with a small door behind the metal door. They install an iron stove inside to heat water for bathing and washing clothes. Special holes are made in the container for a water outlet and a chimney pipe. If there are enough materials the insides of the container are covered with wooden boards. Though there is a public bath in Nutepel'men, in winter it is often closed because the water pump and pipes get frozen. During these periods, local people wash in private container-baths.

Containers can be easily combined with other modules to form larger structures which are sometimes connected with each other. Local people can join several containers to create additional facilities. For example, in Chukotka they often put two containers side by side leaving some space between them and cover them with a roof so that the space between the containers could be used as a garage. That way they create a structure with three inner spaces where they can effectively arrange fuel and equipment. They often join different storages into one complex structure.

The space in such structures may be expanded not only horizontally but also vertically. For example, a second story may be built over a container. Several containers may be turned into a kind of multi-storeyed building. The ground floor is typically used as a ga-

rage. In Anguema one can find several samples of such structures with a greenhouse on the ground floor. Thus, a container becomes an «unfinished project» (Ssorin-Chaikov, 2016) and can be transformed by its owners in accordance with their needs as well as combined with other objects.

When people have a lack of standard containers, they come up with substitute storage units. They can use and create structures that function just like containers. For example, in Syndassko in Taymyr, on a sandy beach of the Khatanga Gulf, one can see metal tanks and metal boxes that are mostly used to store fishing gear and boat motors. Such structures are often found next to standard metal containers. In the Nutepel'men at the northern coast of Chukotka, local people manage to find new applications for any abandoned structure or equipment. One of the storage spaces used by the villagers is a helicopter. It was left in the village in 2017 after a hard landing – because of strong winds the helicopter crashed and the airline decided not to restore it. Airline representatives dismantled main parts and devices and left the frame in Nutepel'men. Village residents quickly made the most of it. With a tractor they moved it and placed by one of the houses. So the helicopter frame was turned into a store room just like a container.

Container as an element of offshore economy

Metal containers were initially designed to facilitate transportation of goods. They became a key element of freight transport and are used as movable modules to transfer food and other goods (Birtchnell et al. 2015). In fact, their creation made a revolution in freight transport and turned ports into cargo sorting centers. Water transport can deliver the largest amount of containers at one go. Huge container ships deliver them by sea to different parts of the world. So containers have become indispensable part of global logistics.

In the Arctic people began to use containers as universal storage modules setting the stage for the distribution of containers in seaside settlements and later – for their transportation further inland. According to John Urry the process of containerization is a part of offshore economy (Urry, 2018). A container is a movable module that allows transferring goods within such system (Ibid.). Modern container ships can deliver enormous amounts of goods. People living in the northern settlements acquire some containers that are no longer used for sea transportation. It is no secret that the Arctic is a place for offloading past due goods (Davydova, Davydov, 2020: 68). In most arctic villages and settlements visited by the author of the present article food products in the shops were past their expiration date. In fact, the goods sold in the Arctic cannot be considered proper goods and should have been disposed of by the seller. Yet such past due goods form a large part of commodity turnover in the northern regions.

Containerization is a part of offshore economy connected first of all with maritime freight transport (Urry, 2018). Past due goods officially do not exist and should be disposed of, but recycling process implies additional expenses. When such goods arrive to the shops in the northern settlements, their price is several times higher than the price of the same goods in Sothern regions. Realization of goods past their expiration date in the Arctic is explained not only by the difficulties of shipment and great distances but also by the fact that local people consider such goods as part of normal everyday live and see nothing uncommon in them.

Something similar happens to containers that are no longer used for freight transportation. Quite often, it is more beneficial to sell or just leave them in the Arctic than bring them back. Essentially containers are the same «past due goods» like the food products in northern shops. By selling containers that has served their purpose shipping companies avoid recycling them. Containers used by local people in the Arctic are rather old – they have their own «cultural biography» (Kopytoff, 1986) and have travelled a lot around the world. These decommissioned containers may be regarded as a tangible embodiment of offshore economy.

The analysis of markings and inscriptions on containers, for example, in Nutepel'men, shows that most of them came from Southeast Asian countries. In fact, most containers in Chukotka and Taymyr have come from abroad. After serving their purpose in the sea, they are

left on the shore and gradually moved inland in accordance with informal economy mechanisms. Actually, the process of filling the space with new material objects is a result of global processes, of the offshorization described by Urry, with the only difference that it physically takes place onshore. In remote locations food products and containers get new lease of life and their expiration date is considerably postponed. This «remoteness» becomes a category within the representation necessary to justify high prices for food and other goods in the Arctic. Surprisingly the «remoteness» allows increasing the price of a container, which has already travelled a lot – the price grows contrary to all reason and in spite on the container's wear and tear. Thus global economic trends through transport infrastructure make impact on the general changes in materiality and on the strategies of space management in the Arctic.

Containers as a part of creative process

Appropriation of space in the Arctic is a creative process. The lack of infrastructure does not hinder local people – they still manage to create spaces necessary for storage and redistribution of recourses. One of the peculiar features of this process is its modularity – creation of similar storage units with the same available materials. As soon as metal containers were introduced in the Arctic, they spread quickly and widely.

Containers became an ordinary element of local people's life and a return point within their everyday movements. A remarkable characteristic of such modules is their portability. It is very important for dynamic use of resources. There is a well-pronounced correlation between the transportation of material objects and the movements of people (Urry, 2012:98). People move the modules to the places where they need those most of all. In this respect, containers perform a function similar to that of portable structures. Yet people transport mobile dwellings of nomadic peoples in Chukotka and Taymyr (such as *yaranga*, tent or *balok*) more often than sheds and storages.

One should not see a container (just as the landscape where it is located) as something immovable and frozen in time (Ingold, 1993; 2002). It has its own peculiar temporality due to the fact that it remains at one place for a long time and that large numbers of such modules can be accumulated in the places of their active use. Physical properties of this object combined with the creativity of local people make it useful within everyday practices. Each material object has a certain potential of temporality, i. e. a number of qualities that enable particular usage and movement of this object. For example, a *yaranga* consists of easily demountable modules and allows people to roam from place to place at a fast pace taking the modules and other things with them. Containers are more difficult to remodel or move compared to mobile dwellings. In this case we can speak about «affordances» (Gibson, 1979) provided to people by a material object, i. e. certain physical qualities that define its ability to be moved and modified. A nomad camp implies constant movement and change of things. Nomads are segmented into autonomous units – certain «mobile molecules» which can be combined and disported (Golovnev et al., 2020: 12). Therefore, container fits to practical logic of nomadic people, which imply a similar segmentation of the material objects. Containers provide an opportunity to create the particular points while on the move, which mark the places of the intensive use. For nomads such places often become points of constant return within their movements.

Conclusion

During the Soviet and early post-Soviet periods containers could be associated with departure from the Arctic regions. Possession of a container was an important part of the dream to move «to the mainland». People packed their things and sent them to southern regions. However, at present, there is a considerable imbalance in the number of containers going in either direction – much more containers arrive to the North than go back. Furthermore, local people usually use containers not to transport cargoes but to optimize the storage in remote places.

Containers as movable modules for transportation and substitutes for permanently located storages have become an indispensable

part of urbanized spaces. This article covers the ways of how local people use and modify a container in Arctic settlements. In the North containers gradually become the most spread module replacing self-made structures. Their specific properties – strain stability, portability, adaptability for various purposes, etc. – make these mobile modules an indispensable element of households for both local people and newcomers. They provide means to expand household outbuildings and thus become a universal tool of space appropriation. One can state, that containers are «sedentarised» in the Arctic and people mostly use them as permanent structures, which however they can move in case of need. They change the materiality and design of infrastructure and gradually replace self-made sheds built by local people from available materials. At the same time, the appearance of containers in the Arctic is the consequence of the region's inclusion into the global economy. Wide spread of containers can be explained by the fact that they help to save costs and efforts when creating new infrastructure elements in remote areas. Thus, the development of the Arctic is the result of creative use of modular systems including both material object complexes of nomads and innovative movable modules that enables local people utilize resources in harsh climate conditions more effectively.

References

Birtchnell, T., Savitzky, S., Urry, J. (ed.) (2015). *Cargomobilities: Moving Materials in a Global Age*. London: Routledge. 250 p.

Davydova, E.A. (2019). Kholodil'nik, sol' i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke [Refrigerator, Salt and Sugar: Technologies of Getting and Processing Food in Chukotka]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2, 143–161. DOI: 10.17223/2312461X/24/8.

Davydova, E.A., Davydov, V.N. (2020).Puti pishchi: peremeshshenie i raspredelenie produktov na Chukotke [The Paths of Food: Mobility and Distribution of Foodstuffs in Chukotka]. In *Kunstkamera*, 1 (7), 67–73.

Gibson, J.J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin, 332 p.

Golovnev, A.V. (2017). Arkticheskii etnodizain [Arctic ethno-design]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2 (55), 6–15.

Golovnev, A.V., Kukanov, D.A., Perevalova, E.V. (2018). *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [*The Arctic: Atlas of Mobile Technologies*]. St. Petersburg: MAE RAS, 352 p.

Golovnev, A.V., Belorussova, S. Iu, Kisser, T.S. (2020). *Ocherki antropologii dvizheniia* [*Anthropology of Movement Essays*]. St. Petersburg: MAE RAN. 336 p.

Ingold, T. (1993). The Temporality of the Landscape. *World archaeology*, 25 (2), 152–174.

Ingold, T. (2002). *The Perception of Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London, New York: Routledge, 465 p.

Kopytoff, I. (1986). The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 64–91.

Simonova, V. (2020). Ob osvoennom prostranstve i neosvoenoi mechte. Faktory ottoka naseleniia iz Iuzhnoi Iakutii [Appropriated Space and Unappropriated Dream. Factors of outmigration from the Southern Yakutia]. In «*Deti devianostykh» v sovremennoi rossiiskoi Arktike* [«*Children of the Nineties» in the Contemporary Russian Arctic*]. Ed. by N.B Vakhtin and S. Dudeck. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 174–187.

Ssorin-Chaikov, N. (2016). Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia. In *Social Research*, 83 (3), 689–721.

Urry, J. (2012). *Sotsiologiia za predelami obshchestva: Vidy mobil'nosti dlia XXI stoletiia* [*Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 336 p.

Urry, J. (2014). *Offshoring*. Cambridge: Polity Press, 212 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 169–178

DOI: 10.17516/1997-1370-0897
УДК 316.334.56

Not a City Yet, not a City Anymore: the Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City

Konstantin V. Grigorichev* **and Yulia V. Elokhina**
Irkutsk State University
Russian Federation, Irkutsk

Received 29.12.2021, received in revised form 30.01.2022, accepted 05.02.2022

Abstract. The article considers the evolution of specific spaces of the Soviet and post-Soviet cities of Siberia and the Russian Far East, defined as the «private housing sector». Based on interviews and observations in the regional centres of Siberia and the Russian Far East, the authors show that in the Soviet city, the «private housing sector» is a locality where the architectural landscape, everyday practices, and the organization of communities are weakly associated with urbanism. This exclusion was consolidated by the system for placing urban infrastructure, which can be traced according to the data of urban GIS. At the same time, the specifics of cities enlargement in the Soviet period led to the close integration of such localities into the urban space. The evolution of the «private housing sector» in the post-Soviet period did not lead to the inclusion of such localities in the practices of urbanism. On the contrary, they develop predominantly along with the inner suburb model, reproducing non-urban architecture and everyday practices. Nevertheless, such localities continue to remain an integral part of the post-Soviet city, determining the eclecticism of its physical and social space. This lets us suggest that the organic inclusion of non-urban localities and communities in the urban space can serve as one of the key reasons for highlighting the «Global East» model of the city.

Keywords: post-soviet city, «private housing sector», suburbanism, global East

The article and the study were funded by RFBR, project number 20–011–00282 «Private houses sector» of the regional centers of Siberia and the Far East: structures and practices of everyday life of «non-urban» communities».

Research area: sociology

Citation: Grigorichev, K. V., Elokhina Yu. V. (2022). Not a city yet, not a city anymore: the internal suburbanization and the evolution of non-urban spaces of a Siberian city. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 169–178. DOI: 10.17516/1997-1370-0897.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: grigoritchev@yandex.ru

Еще не город, уже не город: внутренняя субурбанизация и эволюция негородских пространств сибирского города

К.В. Григоричев, Ю.В. Елохина
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. Рассмотрена эволюция специфических пространств советских и постсоветских городов Сибири и Дальнего Востока, определяемых как «частный сектор». На материалах интервью и наблюдений в региональных столицах Сибири и Дальнего Востока показано, что в советском городе «частный сектор» представлял собой локальности, в которых архитектурный ландшафт, практики повседневности и организация сообществ были слабо связаны с урбанизмом. Такое исключение закреплялось системой размещения городской инфраструктуры, что прослеживается по данным городских геоинформационных систем. Вместе с тем специфика разрастания городов в советский период обусловливала тесную интеграцию таких локальностей в городское пространство, хотя эволюция «частного сектора» в постсоветский период не привела к включению их в практики урбанизма. Напротив, они развиваются преимущественно по модели внутреннего пригорода, воспроизводя негородские архитектуру и практики повседневности. Тем не менее такие локальности продолжают оставаться неотъемлемой частью постсоветского города, определяя эклектичность его физического и социального пространства. Это позволяет предположить, что органичное включение негородских локальностей и сообществ в городское пространство может служить одним из ключевых оснований для выделения модели города «глобального Востока».

Ключевые слова: постсоветский город, «частный сектор», субурбанизм, глобальный Восток.

Статья и исследование поддержаны грантом РФФИ, проект 20–011–00282 «Частный сектор» региональных центров Сибири и Дальнего Востока: структуры и практики повседневности «негородских» сообществ».

Научная специальность: социология.

Introduction

The so-called «private housing sector» is considered to be an important legacy of Soviet urbanization, defining the appearance of many, if not most of the provincial cities of Russia. It represents vast space of low-rise and low-density single-family houses – a kind of «parallel city» (Holston, 1989), an invisible twin of the official image of the city that is similar to the massifs of slums formed in the fast-growing cities of China and India (Vakhshtain, 2014: 13). These vast urban areas and their communities, in fact, are beyond the focus of contemporary Russian urbanists and are not included in the image of the Russian city in the academic text and in the media. There is almost no «private housing sector» in the urban management, as the urban management tends to regard it, above all, to be a space resource for the growth of the city in the future. The municipal authorities see the «private housing sector» to be only a problem territory where there are almost no citizens and their communities.

Having formed mainly outside state support and direct regulation (the government encouraged individual housing construction only in the period of post-war reconstruction (Kalyukin, Kohl, 2020: 1775), the private housing sector has formed vast spaces even in the largest cities with the population of over one million, where the share of single-family houses is from 15 % to 45 % (Prelovskaja, 2017). In Siberia, during the Soviet period the construction of single-family houses remained on a significant scale until the second half of the 1960s (Dolgoljuk, 2008), the private housing sector occupies large territories that not only fill the gaps between blocks of multi-storey buildings, but also form whole areas with the specific non-urban organization of space (Grigorichev, 2019). These spaces, defined by municipal officials and city planners as a «development reserve», «development zones of built-up areas», along with their communities, as a rule, turn out to be «invisible» to the authorities (Bliakher, Ivanova, Kovalevski, 2021).

This view almost excludes not only the understanding of the specific traits of life and self-organization of local communities within the «private housing sector» of a Russian provincial city, but also the raising of the question of the «private housing sector» role in the historical and further development of a provincial Russian city. At the same time, the «private housing sector» is a vivid example of «non-urban» localities that are an organic part of the Soviet (Dyatlov, 2021) and post-Soviet cities (Grigorichev, 2019; Grigorichev, 2021a). These vast spaces, which do not fit the image of the «correct» urbanism, remain largely marginal in relation to the image of the city, represented both in the discourse of the authorities and in the mass consciousness. (Timoshkin, 2020) This is probably why the marginal «non-urban» localities of the Russian city, with the rare exception (Karbainov, 2018), do not draw interest among Russian researchers.

In our opinion, the study of marginalised urban spaces and urban informality makes it possible to go beyond the post-socialist discourse, linking it with the developed areas of urbanization (Galuszka, 2021). In this article, we attempt to demonstrate that the «private housing sector» largely determined the nature of the development of not only Soviet, but also the post-Soviet city, which cannot be adequately defined through the prism of established theories of urban development. Based on the ideas of comparative urbanism (Özgür et. al., 2020; Robison, 2011, 2013), we assume that the close integration of «non-urban» localities into the urban space not only on the periphery, but also in the central regions can be defined as the feature of the post-Soviet city, which characterizes a permanent state rather than transitional processes.

The article is based on studies of the «private housing sector» in the regional centres of Siberia and the Russian Far East (Irkutsk city, Omsk city, Khabarovsk city, Krasnoyarsk city, Birobidzhan city, and Tomsk city) conducted in 2020–2021. The main empirical material consists of a complex (43 units) of focused and biographical interviews with residents of the localities to be studied. Basically, the respondents are the second and the third generation of residents of such localities, as well as new settlers in the «private housing sector» (7 people). In addition, the materials of the observations conducted by the Flânerie method (Benjamin, 1968) and data analysis of urban geographic information systems («2GIS») were used.

«Not a city yet»: the «private housing sector» as an urban village

The «private housing sector» of a Russian city, although it was genetically linked to the pre-Soviet practices of shaping urban space, is nevertheless a product of the Soviet period. As Viktor Dyatlov emphasizes: «Before the Soviet regime, there were manor-type houses, areas of wooden slums existed (they even could predominate in a number), but there was no «private housing sector». The buildings became the «private housing sector» in the system of relations of the Soviet city» (Dyatlov, 2021: 20) Contrary to the ideas of the early XX century about the enlargement of single-family houses in Russian cities (Raevskij, 1918), by the early 1930s the concept of an individual house was maintained only as housing for privileged groups («for top management») (Meerovich, 2014: 245) The bulk of the «private housing

sector» was marginalized both by the notion of the temporality of such resettlement and by the ideas of labor-household communities as the basis for planning a Soviet city (Meerovich, 2008: 31)

Rapid urbanisation in 1930-the 1950s resulted in a powerful migration inflow of rural migrants to cities. This exacerbated the problem of providing housing for people in cities that had formed in the 1920s. Under these conditions, providing new dwellers of the city with housing was postponed for the future (Kotkin, 2002), on the one hand, due to the lack of resources, and on the other hand, within the framework of the implementation of the state housing policy as an instrument of domination. (Meerovich, 2008) However, even in this situation, the state did not consider the «private housing sector» to be a full-fledged part of the Soviet city. After short-term support of individual housing construction in 1946–1950 to overcome the consequences of World War II, the state again limited the possibilities for the construction of individual houses (Kalyukin, Kohl, 2020: 1775). In Siberian cities individual houses construction remained on a large scale until the 1960s, but in the 1970s it began to decline sharply (Dolgolyuk, 2008: 89). Nevertheless, even by the end of the 1980s, about 20 % of housing was in personal ownership in the cities of Soviet Russia (Kalyukin, Kohl, 2020: 1775), with the bulk of which consisted of single-family houses.

The architectural landscape of the «private housing sector» was formed mainly by uncomfortable housing with a predominance of buildings such as a village house, often transferred from villages. The prevalence of this type of dwelling not only determined the non-urban visuality of the «private housing sector», but also resulted in the complex of village practices of everyday life associated with dwellings and farmsteads (Grigorichev, 2021b). The system of economic interactions based on the elements of the gift economy (Mauss, 1970), is possible in the city only as a rudiment. (Harvey, 2018) However, in the Soviet city these practices were reproduced not only in the first and second generations of residents of the «private housing sector», but also in other urban communities (Barsukova, 2003) As a result, the communities that emerged in the modernization logic of urbanization reproduced the principles of self-organization and economic forms that dominated in the pre-modern society (Polaniy, 2002).

The limited access to urbanism was also consolidated in the system of placing urban infrastructure, focused primarily on urban areas with a high population density. This approach, justified from the point of view of urban planning, led to the emergence of vast spaces with minimal or even completely absent urban infrastructure in the cities. Since the layout of urban infrastructure facilities was fixed in the urban planning documents (general layout) for a long period of time. This meant, in fact, the institutionalisation of non-urban localities within the city space. The layout of educational, cultural, healthcare and leisure facilities that developed during the Soviet period is considerably preserved in the regional centres of Siberia and the Russian Far East that we studied to the present day.

A search in the city geographic information system 2GIS according to data from Irkutsk city, Khabarovsk city and Omsk city in the categories «Pharmacies», «Schools», «Public Healthcare Centres» and «Kindergartens» reveals that the density of elements of urban infrastructure in the areas of the «private housing sector» is sharply limited in comparison with the territories where multi-storey buildings dominate. At the same time, in the localities of single-family houses located in the city centre, framed by multi-storey buildings, such infrastructure elements are inclined to be placed on the periphery of the «private housing sector» and large streets. In the localities of the «private housing sector», located on the urban periphery, such infrastructure objects cannot be found at all.

This feature of the distribution of urban infrastructure for cultural and leisure facilities is especially noticeable. A search by the categories «Cinema», «Cultural Centres» does not reveal a single object in the localities of the «private housing sector» of Irkutsk, Khabarovsk, and Omsk. Libraries are a certain exception, but they are also located on the border of single-

family houses areas and multi-storey buildings, and in large spaces of the «private housing sector» they are completely absent. Thus, urban infrastructure, which significantly influences the possibility of an urbanistic way of life, is beyond the living space (Lefebvre, 2015) of the residents of the «private housing sector», and access to it was possible only if it entered the space of a «normal» city.

The distribution of urban facilities in combination with the prevalent practices of everyday life resulted in the paradoxical situation: while staying within the same city, residents of the «private housing sector» changed their lifestyle from rural to urban and vice versa during the day. Such «partial» or «temporary urbanism» not only distanced the residents of the «private housing sector» from the city, but also consolidated the place of non-urban localities into the urban space. The controversial incorporation of non-urban localities into the city was institutionalised by the practice of switching between lifestyles on a daily basis. The specific feature of the concentric growth of the Soviet city, with the construction corresponding to different epochs (Kalyukin, Kohl, 2020), led to the fact that quite often the switch to an urban lifestyle occurred on the way from the central part of the city (from the place of residence in the «private housing sector») to the outskirts (to the place of work). And the swich back to a non-urban lifestyle was associated with a return to central city areas.

As a result, the Soviet provincial city immanently included a complex of spaces that often occupied up to half of its territory, which were associated with urbanism neither by the architectural landscape nor by the way of life of its residents. The Soviet features of the urban sprawl did not imply the displacement of such localities to the periphery of the city, on the contrary, it allowed their preservation in the central parts of the city. The mixture of urban and non-urban spaces was typical for all regional cities of Siberia and the Russian Far East. This allows us to assume that the combination of urban and non-urban spaces and the mixed way of life determined by it was a significant feature of the Soviet city.

Not a city anymore: private housing sector as a space of internal suburbanisation

The «invisibility», «emptiness» (Filippov, 2009) of the vast spaces of the «private housing sector» for the authorities and researchers determine the invisibility of the modern processes to take place here. During the post-Soviet decades, the localities of the «private housing sector» were dynamically changing, moving farther and farther away from the image of a «village in a city», which was a mechanism and a symbol of the process defined by V. L. Glazychev as «slobodization of cities» (Glazychev, 1995). We can more or less confidently talk about the general trend of this process associated with a departure from rural practices of organizing living space (Grigorichev, 2021a) and local communities (Grigorichev, 2021b).

Such changes are captured well through the visibility of the «private housing sector», reflecting a wide range of options for transforming such «non-urban localities». Their common features are the horizontal vector of development and the preservation of commensuration to a person, however, the forms and pace of transformations are considerably different. Along with the actively changing localities of the «private housing sector», where typically rural and single-family houses give way to comfortable houses, there can be found places where the appearance and «the urban village» style prevail. These are contrasted with the compact, but well-visible areas of cottage settlements found in Irkutsk, Omsk, and Khabarovsk developing according to gated communities (Hirt, 2012) model in the logic of post-communist transformations (Gasior-Niemiec, Glasze, Pütz, 2003).

Our studies in Irkutsk, Omsk, Khabarovsk, Tomsk, and Birobidzhan in 2020–2021 made it possible to identify both compact localities of the transforming «private housing sector» and multiple dispersed cases of modernization of single-family houses. In the first case, as a rule, we observed the formation of «cottage settlements» that do not have a separate status, in contrast to similar formations on the periphery of the urban space or in the outer suburbs. Determining the exact number of such formations within even one city is an almost impossible

task due to both the scale of the «private housing sector» and the high dynamics of its transformation. We specified at least five such localities in Irkutsk, three in Omsk and Khabarovsk, two in Tomsk, and one in Krasnoyarsk and Birobidzhan.

They do not fully reproduce the gated communities model described by Sonia Hirt in relation to the post-socialist situation (Hirt, 2012). Unlike the «cottage communities» built outside the city limits, the boundaries between gated spaces and the surrounding space are quite permeable. «Out of service» berries, gaps in the fence, with pedestrian paths being laid through it, and not rarely, only the intended physical fence of the villages act not so much as a physical and symbolic border, but as a symbol of the permeability of this borderline. Social distance constructed primarily from the inside by the communities themselves, is also heterogeneous and permeable, as far as our field data can demonstrate. To a large extent, this is determined by the heterogeneity of the communities of most of these localities, in which, according to one of the respondents, «each creature in pairs» (a man, interview, Irkutsk, 2019). The unifying principle for such communities is rather the desire not for social homogeneity and isolation, but for a non-urban lifestyle: «to live in a city, but not like in a city» (a couple, Omsk, interview, 2021).

The strive for a non-urban lifestyle is especially noticeable in the few gated communities that are closest to the classical models, emerging within the urban space as an alternative to both the traditional «private housing sector» and multi-storey buildings. Such settlements, as a rule, appear in the most attractive recreational areas of the city, but in close proximity to the city infrastructure (a complex of cottages in the «Green Island park» in Omsk, the «Kazachya Gora» cottage village in Khabarovsk, «Birgard village» in Birobidzhan, and others). These settlements, on the one hand, remain a form of status consumption formed back in the 1990s (Humphry, 2002), but on the other hand, they turn out to be the most pronounced form of manifestations of a non-urban lifestyle within the city limits. Such a manifestation reveals itself in the contrast not only of the architectural landscape, but also of everyday practices: car parking (own garage for two-three cars versus packed parking lots near multi-storey buildings), recreation areas (the presence of own bathhouse and barbeque area versus the need to travel out of the city for residents of high-rise buildings), etc.

In our opinion, it is the combination of the manifestation of a non-urban lifestyle and status consumption that is significant, since it is fundamentally crucial for residents of such localities to realize both within the city, while maintaining the status of a city dweller. As a result, such «non-urban» localities are integrated into the image of the city and included in the local discourse as a marker of local differentiation and reformatting of urban space. In their interviews, city dwellers define urban areas through such localities and the modern development of a city. Along with multi-storey buildings, such localities shape the image of a modern provincial Russian city.

A similar process of creating new non-urban spaces in the city is related to the movement from multi-storey buildings to single-family houses outside the «cottage villages». Such examples can be found in all regional centres we studied (Irkutsk, Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Khabarovsk, and Birobidzhan). We specify two main options for such a strategy: 1) construction of a new or rebuilding of an old house in the private housing sector or on «free» land; and 2) construction of a house on a dacha area that is within the city limits. The first option is more widespread, and we have observed it in all the cities to study. The second option is more common in cities that experienced rapid expansion after the initial Soviet industrialization, as a result of which development circles of the city were formed, reflecting its growth in the Stalinist, Khrushchev, and Brezhnev eras (Kalyukin, Kohl, 2020) Thus, dachas emerged in the Khrushchev era on the urban periphery later found themselves inside the city in close proximity to transport and other urban infrastructure. After permission to register at the place of residence in dachas ('horticultural non-profit partnership') (Federal, 2017), such localities along with the «private housing sector» become attractive for the implementation

of a model of a non-urban lifestyle in the city. In both variants of the strategy implementation, a lifestyle, that is close to suburbanism, is shaped (Fava, 1956; Walks, 2013). This lifestyle is based on easy access to urban infrastructure and the status of a city dweller.

We assume that the spread of the strategy of moving from a multi-storey building to a single-family house is a reflection of the process of forming new values that determine the specific features of the city. Earlier, moving from a «private housing sector» to a multi-storey building meant the completion of urban migration (Grigorichev, 2021), the final transformation of a native of a village into a city dweller, and their acquisition of the right to the city. Nowadays the movement from high-rise neighborhoods to single-family houses is becoming a tool for gaining the right to a non-urban lifestyle, preserving the status of a city resident and access to urbanism. It is crucial that there is no manifestation of the non-urban status of residents of such localities. On the contrary, describing the differences between such a way of life and emphasizing its value as opposed to «living in an apartment», the dwellers of the new «private housing sector» stress their status as city dwellers.

As a result, expanding areas of the «inner suburbs» are being formed in the vast non-urban spaces of the Russian city, where suburbanism is gradually becoming the dominant way of life. The development of such spaces follows the logic of the dualism of urban and suburban lifestyles (Walks, 2013), but with the exception of car dependence, which is caused by the territorial position of the private housing sector, often located in the central districts of the city and, therefore, included in the public transport routes. The formation of the inner suburb as a variant of post-Soviet development is also observed in other post-socialist countries, for example, in Poland (Spórna, 2018). However, in Poland, internal suburbanization in the cities looks like the absorption of a «normal» city (Spórna, Krzysztofik, 2020), while in Russia it is more likely to be the preservation of non-urban localities in a new capacity.

In other words, the modern transformations of the «private housing sector» are not linked to its exclusion from the city by demolishing single-family houses and building multi-storeyed ones, as Soviet architects assumed. On the contrary, the evolution of the «private housing sector» turns out to be closely related to the further integration of non-urban spaces into the modern Russian city as its specific feature. If in the Soviet era the distinctive feature of such localities was the rural character of their architecture and everyday practices, nowadays suburbanism is becoming an attribute of their non-urban character.

Conclusions

The «private housing sector» that was an integral part of the Soviet city, seems to have determined its most important specific feature – the organic inclusion of non-urban localities into the urban space. Not corresponding to the city either in terms of the architectural landscape, or the way of life, or the basis of the formation of local communities, such localities shaped the specific characteristics of the Soviet provincial city, which cannot be imagined without vast spaces occupied by the «private housing sector». In urban narratives, these spaces are confidently opposed to the «centre», which acts as the represented space of the City and its standards. In this sense, the «private housing sector» found itself on a par with barracks areas, remote urban settlements, dacha areas, only nominally included in the city limits; but in the minds of residents, media, and the authorities, the localities of «private housing sector» are «not a city yet», and a space where «real» city will appear in the future.

These localities do not remain unchanged and are being intensively transformed following the changes in the economic system, urban planning, and other revolutionary transformations of the post-Soviet transit. However, these transformations are associated not with the dissolution of the «private housing sector» in the «common» urban space, but, on contrary, with the formation of new non-urban localities. The way of life emerging in these localities turns out to be much closer to suburbanism, and it contrasts the areas of single-family houses with the represented city («Centre»).

In other words, one of the specific features of a modern provincial Russian city is once again the organic inclusion of non-urban localities into the urbanized landscape. This combination reproduces the spatial and temporal hybridity of a post-Soviet (post-socialist) city, which T. Tuvikune proposes to consider not as a sign of transition (from the Soviet to some other city), but as a permanent state (Tuvikune, 2016: 138). This viewpoint based on the example of Tallinn (Ibid) allows us to propose a new theoretical perspective in which the post-Soviet city emerges from the shadow of the dominant regional concepts (Euro-American and Asian African ones).

In turn, this leads to the need for a new conceptualization of the city which is not included in the images of urbanization of the global North and the global South, for example, through the idea of the Global East (Müller, 2020; Trubina, 2020). Being nonidentical to «post-socialism» (Müller, 2021), this concept allows, on the one hand, to highlight the specific features of the post-socialist city (above all, its eclecticism arising from large-scale experiments), and on the other hand, to overcome the transitional and ideological contexts (Ousmanova, 2020) in its description.

We assume that despite all the paradoxicality of the comparison, the «private housing sector» and its transformations can serve as the same marker of the city of the Global East like the post-Stalinist architecture (Wolkenstein, 2020). In this perspective, the most important property of the «private housing sector» is not only the organic nature of its non-urban space in the modern Russian city but its eclecticism and dynamism. «Not a city yet» and «not a city anymore» do not just go hand in hand, but are closely linked by similar practices of access to urbanism, forming local communities and relations with the authorities. The changing architectural landscape of the «private housing sector» simultaneously demonstrates different epochs, economies, communities, closely integrated within the common space. This eclecticism, a combination of the incompatible things, in our view, can serve as one of the foundations of the definition of the city of the Global East which allows one to go beyond the temporal and spatial understanding of the post-Soviet city.

References

Barsukova, S. (2003) Setevaja vzaimopomoshh' rossijskih domohozjajstv: teorija i praktika jekonomiki dara [Networking Mutual Aid of Russian Households: Theory and Practice of the Gift Economy]. In *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2. 81–122 (in Russian).

Benjamin, W. *Illuminations: Essays and Reflections*. New York: Schocken, 1968. 278 p.

Bliakher, L., Ivanova A., Kovalevski A. (2021) «Pustye prostranstva» i ih obitateli v gorodah Dal'nego Vostoka Rossii (na primere goroda Khabarovska) [«Empty Spaces» and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: the Case of Khabarovsk]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 30(3), 150–173 (in Russian).

Dolgoljuk, A.A. (2008) Individual'noe zhilishhnoe stroitel'stvo v Sibiri v 1946–1970 gg. [Individual Housing Construction in Siberia in 1946–1970]. In *Opyt reshenija zhilishhnoj problemy v gorodah Sibiri v XX – nachale XXI vv. [Experience in Solving the Housing Problem in Siberian Cities in the XX – Early XXI Centuries]*. Novosibirsk: Parallel, 81–103. (in Russian).

Dyatlov, V.I. (2021) «Chastnyj sektor» sovetskogo goroda: doma, dvory i ljudi v slovah i obrazah [«Private sector» of the Soviet city: houses, yards and people in words and images]. In *Ojkumena. Regional researches,* 1(56), 19–29 (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 29.07.2017 N217-FZ «O vedenii grazhdanami sadovodstva i ogorodnichestva dlja sobstvennyh nuzhd i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law of Jul., 27, 2017 No 217-FZ «*On the conduct of gardening and horticulture by citizens for their own needs and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation*»] (in Russian).

Filippov, A.F. (2009) Pustoe i napolnennoe: transformacija publichnogo mesta [Empty and Full: Transformation of a Public Place]. In *Sociologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociology Review*], 8(3), 116–127. (in Russian).

Galuszka, J. (2021) Transcending path dependencies: Why the study of post-socialist cities needs to capitalise on the discussion on urbanisation in the South (and vice versa). In *Urban Studies*. October 2021. First Published Online.

Gasior-Niemiec, A., Glasze, G., Pütz, R. (2003) A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. In *East European Politics & Societies*, 23(2), 244–265.

Glazychev, V.L. (1995) Slobodizacija strany Gardariki [Slobodization of the Gardariki country]. In *Inoe. Hrestomatija novogo rossijskogo samosoznanija* [*Other. Reader on the New Russian Identity*]. M.: Argus, 63–68. (in Russian).

Grigorichev, K. (2019) «Private sector» of the Russian cities: from heritage of Soviet urbanization to the «inner suburbs». In: *«Suburban revolution» and peripheral urban territories in the post-soviet space*. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 125–129.

Grigorichev, K. (2021a) Dvojnik-nevidimka rossijskogo goroda: «chastnyj sektor» mezhdu slobodoj i vnutrennim prigorodom [The invisible twin of the Russian city: the «private housing sector» between the sloboda and the inner suburb]. In *Ojkumena. Regional researches*, 1 (56), 7–18 (in Russian).

Grigorichev, K. (2021b) From Stable «Temporality» to Permanent Variability: The Role of Reciprocity in the Formation of Communities in the «Private Housing Sector» of Russian Cities. In *Prace Etnograficzne,* 49(1–2), 103–116.

Harvey, D. (2018) *Socialnaya spravedlovost' I Gorod* [*Social justice and the city*]. Moscow: NLO-Book, 2018 (in Russian).

Hirt, S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City.* Oxford: Willey-Blackwell.

Humphrey, C. (2002), *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism. Everyday economy after socialism.* Cornell University Press, Ithaca & London.

Kalyukin S., Kohl S. (2020) Continuities and Discontinuities of Russian Urban Housing: The Soviet Housing Experiment in Historical Long-Term Perspective. In *Urban Studies,* 57 (8), 1768–1785.

Karbainov, N. (2018) Favely, gedzhekondu, «nahalovki»: skvotterskie poselenija v gorodah razvivajushhihsja i postsovetskih stran [Favelas, Gecekondu, Nakhalovki: Squatter Settlements in the Cities of Developing and Post-Soviet Countries]. In *Mir Rossii* [*Universe of Russia*], 27(1), 135–158. (in Russian).

Kotkin, S. (2002) Zhilishhe i sub#ektivnyĭ harakter ego raspredelenija v stalinskuju jepohu. [Housing and the subjective nature of its distribution in the Stalin era]. In *Zhilishhe v Rossii: Vek XX: Arhitektura i social'naja istorija* [*Housing in Russia: XX Century: Architecture and Social History*]. Moscow: Tri kvadrata, 2002. 105–106. (in Russian).

Lefebvre, H. (2015) – *Proizvodstvo prostranstva* [*The Production of Space*]. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Meerovich, M.G. (2008) *Nakazanie zhilishhem* [*Punishment by dwelling*]. Moscow: ROSSPJeN, 2008 (in Russian).

Meerovich, M.G. (2014) *Socgorod. Gradostroitel'naja politika v SSSR. 1926 – pervaja polovina 1930 gg.* [*Sotsgorod. Urban planning policy in the USSR. 1926 – first half of 1930ss*]. Irkutsk: IGU, 2014 (in Russian).

Müller, M. (2020) In Search of the Global East: Thinking Between North and South. In *Geopolitics,* 25(3), 734–755.

Müller, V. (2021) Vostok – delo tonkoe [The East is a Delicate Matter]. In *Sociologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociological Review*], 1, 9–24 (in Russian). Original English version available at www.martin-muller.net in the «Publications» section.

Ousmanova, A. (2020) The Debats on Post-Socialism and the Politics of Knowledge in the Space of the Plural «Post's». In *Sociologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociological Review*], 19(3), 44–69 (In Russian).

Özgür, S., Hoyler, M., Harrison, J. (2020) Doing comparative urbanism differently: Conjunctural cities and the stress-testing of urban theory. In *Urban Studies*. First Published October, 2020. doi:10.1177/0042098020957499.

Polanyi, K. (2002) *Velikaja transformacija: politicheskie i jekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time]. Transl. by S. Fyodorov, A. Shurbelev, A. Vasil'ev. Sent-Petersburg: Aleteia (in Russian).

Prelovskaja, J.V. (2017) *Metodika rekonstrukcii zastrojki tipa «chastnyj sektor» na jetapah razvitija goroda, na primere gorodov srednego Povolzh' ja.* Avtoref.diss. … kand. tehn. nauk: 05.23.22 [*Methods of Reconstruction of Buildings of the «Private Sector» Type at the Stages of City Development, on the Example of Cities in the Middle Volga Region*. PhD Thesis]. Moscow (in Russian).

Raevskij, M. (1918) Zhilishhnyj vopros na ob#edinennyh mashinostroitel'nyh zavodah [Housing issue at the united machine-building plants]. In *Jekonomicheskaja zhizn'* [*Economic life*], 42 (Dec., 26), 1. Cit. po: Meerovich M. G. Sovetskij gorod-sad i vedomstvennyj rabochij poselok. Gradostroitel'naja politika v SSSR. 1917–1929 gg. [Quoted from: M. G. Meerovich Soviet garden city and departmental workers' settlement. Urban planning policy in the USSR]. Irkutsk: IGU, 2014, 152 (in Russian).

Robinson, J. (2011) Cities in a world of cities: the comparative gesture. In *International Journal of Urban and Regional Research,* 35(1), 1–23.

Robinson, J. (2013) The urban now: theorising cities beyond the new. In *European Journal of Cultural Studies,* 16(6), 659–77.

Stanilov, K., Sykora, L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe.* Oxford: Willey-Blackwell.

Timoshkin, D.O. (2020) «Vas zdes' bol'she ne zhivet»: vnutrennjaja kolonizacija i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutska i Krasnojarska v gorodskih media [«You are no longer here»: domestic colonization and urban political regimes of Irkutsk and Krasnoyarsk in city-level media]. In *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz* [*Politeia. Politeia-journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics*], 1(96), 98–116 (in Russian).

Trubina, E. (2020) Global'ny Vostok I Globus. [The Global East and the Globe]. In *Sociologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociological Review*], 19(3), 102–129 (in Russian).

Tuvikune T. (2016) Strategies for Comparative Urbanism: Post-socialism as a De-territorialized Concept. In *International Journal of Urban And Regional Research,* 40(1), 132–146.

Vakhshtain, V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhdu jazykom i prostranstvom [Reassembling the city: between space and speech]. In *Sociologija vlasti* (Sociology of Power), 2, 9–38 (In Russian).

Walks, A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return. A. In *Urban Studies,* 50 (8), 1471–1488.

Wolkenstein, P. (2020) Poststalinskaya arlhitektura, obschii znamenatel' «Global'nogo Vostoka? [Is Post-Stalin Architecture common denominator of «Global East»?]. In *Sociologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociological Review*], 19(3), 148–154 (In Russian).

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 179–186

DOI: 10.17516/1997-1370-0899
УДК 008.001

The Image of the Past as an Object of Cultural Understanding. A New Conceptual Approach

Maria L. Shub*
Chelyabinsk State Institute of Culture
Russian Federation, Chelyabinsk

Received 23.02.2020, received in revised form 16.10.2020, accepted 05.02.2022

Abstract. Humanitarian scholars show increasing interest in the phenomenon of the past. It arises from the complex state of the modern sociocultural situation in general, and has a number of particular psychological, communicative, sociocultural, scientific and methodological, political and ideological reasons. The past as the subject of a list of sciences (from history to sociology), acquires a number of specific features in the field of culturology, one of which is constructability. The past, or rather the image of the past, helps to solve crucial cultural tasks. The past, therefore, exists in culture as sociocultural reflection on the past reality; it concentrates the dominant values and other cultural affirmations. In this article we define the image of the past as a set of constructed, historically variable, but locally stable, social representations of the past, which, on the one hand, reflect characteristic and relevant attitudes for a given culture, and on the other – have significant influence on their formation. Beside the constructability, the image of the past has other distinct features. It is indirect, i. e. characterized by the absence of direct references in reality, manifested in the form of «traces». Subjective, i. e. not based on verified facts and judgments. Sociocultural, i. e. conditioned by the parameters of the relevant culture. Value-based, i. e. the image of the past is an evaluation of the past, which implies some expressed attitude to it. Stable within the framed period of the certain culture. Furthermore, the past has a collective nature of existence, i. e. formed within a certain sociocultural community, and it has temporal duality, i. e. the image of the past belongs to the past in its temporal status and to the present in its value and normative content. The sociocultural conditions, which allow the past to become an independent area of temporal reality, are the distance; the past must create in the mind of a person or group a subjective sense of distance from the reality. Irreversibility; a person must perceive it as irrevocable, gone forever, as the Other, as compared to the present. In addition, the past must be in demand and valuable for the present (as a source of answers to the requests of time.

Keywords: culture, culturology, past, image, image of the past.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: shubka_83@mail.ru

The study was carried out within the framework of the grant program of the President of the Russian Federation for the state support of leading young Russian scientists – Doctors of Science (Competition MD-2020), the project «Memory Culture of Industrial Cities of the Russian Province: Memorial Strategies for Regional Identity».

Research area: culturology.

Citation: Shub, M. L. (2022). The image of the past as an object of cultural understanding: a new conceptual approach. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 15(2), 179–186. DOI: 10.17516/1997-1370-0899.

Образ прошлого как объект культурологического осмысления: новый концептуальный поворот

М.Л. Шуб
Челябинский государственный институт культуры
Российская Федерация, Челябинск

Аннотация. Актуализация исследовательского интереса ученых-гуманитариев к феномену прошлого обусловлена комплексным состоянием современной культуры, но может конкретизироваться через ряд наиболее значимых причин психологического, коммуникативного, научно-методологического, политико-идеологического и социокультурного порядка. Являясь предметом интереса целого ряда наук (от истории до социологии), в пространстве культурологии прошлое приобретает ряд специфических черт, главной из которых можно назвать конструируемость. Прошлое, точнее его образ, созидается культурой для решения наиболее значимых для нее в актуальности задач, существуя в ней как результат социокультурной рефлексии относительно минувшей реальности и концентрируя в себе доминантные ценностные и иные установки культуры. Под образом прошлого в контексте данной статьи понимается совокупность конструируемых, исторически изменчивых, но локально устойчивых, социальных представлений о прошлом, которые, с одной стороны, отражают характерные и значимые для данной культуры установки, а с другой – оказывают значительное влияние на их формирование. Наиболее значимыми сущностными параметрами образа прошлого (помимо упомянутой конструируемости) являются: опосредованность (отсутствие прямых референций в реальности, их присутствие в форме «следов»), субъективность (наполненность неверифицированным контентом), социокультурная детерминируемость (обусловленность параметрами актуальной культуры), ценностная окрашенность, коллективная природа бытования, устойчивость в рамках определённого периода существования культуры, темпоральный дуализм (принадлежность к сфере прошлого по своему темпоральному статусу и к сфере настоящего по своему ценностно-нормативному наполнению). Социокультурными условиями формирования образа прошлого выступают дистантность (осмысление прошлого как принципиально Другого по отношению к настоящему), необратимость (восприятие прошлого как тотально невозвращаемого, ушедшего навсегда), востребованность (прошлое должно помогать решать актуально значимые проблемы).

Ключевые слова: культура, культурология, прошлое, образ, образ прошлого.

Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности»

Научная специальность: 24.00.00 – культурные исследования.

Introduction

Reference to the past is extremely popular in modern humanitarian science. Such regard to this specific phenomenon has. In our opinion, a number of reasons.

1. Psychological reasons. In this case, we identify two aspects. First, we can explain the frequency of referring to the past by the fact that the galloping pace of modern society progress alongside with the revolutionary futurization of life create psychological discomfort for the average person who does not keep up with the pace of renewal, transformation and modernization of life. While referring to the past, such person obtains some certain stability, thus compensating the loss of a sense of familiarity in the culture.

Secondly, the appeal to the phenomenon of the past relates to the natural and timeless psychological need to oppose oneself to «the one-dimensional everyday life» (Assman, 2004), devoid of other dimensions of reality.

2. Communicative reasons. Increasing interest in the phenomenon of the past is associated with the emergence of new electronic, virtual forms of storing and transmitting information (including information about the past), which, according to Ya. Assmanis the third Cultural Revolution after the invention of writing and printing. The use of such technological innovations, on the one hand, allows creating an almost limitless «archive of the past», and, on the other hand, raises the question of developing a new strategy for remembering and forgetting (Assman, 2012).

3. Scientific and methodological reasons. Postmodernists. In particular, have accelerated the processes of democratization of history as a field of scientific knowledge and knowledge. Specifically, the discovery of previously unknown or classified historical facts together with the unveiling of their author's interpretations, even non-scientific ones, produced significant changes in the understanding of who and how can study the past. This creates a proliferation of actors engaged in historical science and intensifies the appeal to past problems.

4. Political and ideological reasons. The past is the subject of political manipulation and speculations (it should be noted it has always been). The slogan of democratization and pluralization of historical knowledge was put forward by postmodernists; however, the past continues to be an effective tool of management. To justify and reinforce modernity, people construct some «adequate» history. Such cultivated representations of the past serve to satisfy the current needs of the present, and help to eliminate the information, which has no use to the present.

5. Sociocultural reasons. The number of other circumstances explains the growing interest in the problem of the past. These include the so-called post-traumatic syndrome of modern culture, caused by the sociocultural upheavals of the XX century (both world wars and other armed conflicts, genocides, etc.). In this context, we receive the interpretation of the past in the categories of trauma, guilt, remorse, etc. This connects the understanding of past mainly with the «fear of oblivion», with the need to preserve the most objective information about these shocks, alongside with the desire to preserve the memory of them, to extract experience for an extremely long time (Kauganov, 2015).

The interest in the past also results from the strengthening processes of national, ethnic, cultural and group identification, based on

the shared historical destiny as a symbol of the group unity.

A number of researchers point to another reason for renewed efforts to study the past – artistic nostalgia. «Creative impotence» (Linde, 2009), the inability to create something new with breakthrough qualities in the field of culture, which leads to a different level of understanding of the world, generates its opposite in the form of conservation and museumification. In this context, the past becomes a powerful resource that reanimates the artistic existence of the present.

The interest in the past also manifests itself on an everyday and practical level. Speaking of the latter, we should recall the huge number of theatrical, film and song remakes and remixes that are gaining popularity in the media, based on the «reanimation» of the past.

Problem Statement

Thus, we can say that both scientific and everyday interest in the phenomenon of the past is caused not by the separate developmental domains of the modern sociocultural situation (local relevance), but by its complex state (systematic relevance). The crisis of identity, the rapid pace of progress and its consequences, global problems-all this turns into a need for a deep, systematic understanding of the past. Although not just past «in itself», but also as the reverse side of the present, the past as a mirror that reflects modernity. This approach allows the modernity to see itself in this mirror. In particular, its own problems, and ways to overcome them.

Conceptual basis of the research

The past is the subject of a wide variety of humanitarian sciences such as history, philosophy, archaeology, anthropology, and others. Perhaps, two most significant features that unite the diversity of humanitarian concepts of the past are the recognition of the recreated nature of the past, and the recognition of the crucial role of the present in its cognition.

In line with the culturally sensitive approach, the present plays the role of not just a source of influence on the past cognition, but also a source of its formation, precisely, the formation of the image of the past. Culture constitutes the image of the past in order to solve its most important tasks (social integration, formation of an identification platform, justification of power, etc.). The past, therefore, exists in culture as sociocultural reflection on the past reality; it concentrates the dominant values and other cultural affirmations.

In contrast to history, which is focused on the objective study of the facts of the past in their logical sequence (Hilton, Liu, 2017), culturology focuses on the value interpretation of the past, on reflecting its subjective perception within a particular sociocultural community. History struggles with the myths in the pattern of ideas about the past, while culturology accepts it. History examines the past as «a foreign country», as «a vanished world that is fundamentally different from the modern one» (Leont'eva, 2011), culturology seeks to overcome this distance, to revive the past and take it as a continuation of the present.

There are very few cultural studies aimed at a systematic understanding of the past as a cultural phenomenon and its conceptualization. Most cultural-oriented studies of the past are related to a distinct particular aspect of it, such as memorial, commemorative, historical, artistic, etc. As the exception we can mention the works of D. Louehntal «Past – the Forgotten Land» (Louehntal, 2004), and Ya. Assman «Cultural Memory. Writing, Memory, and Political Identity in Early Cultures» (Assman, 2004) and P. Nora «France-Memory» (Nora, 1999).

The title of D. Louehntal's work firstly captures the perception of the past as an alien world, as the Other one, separated from the present by an insurmountable gap. This kind of the past perception as an alien world, distant from the present one is only one form of attitude, field-proven by historical science. Secondly, D. Louehntal refers to another side of perception of the past; he call is «heritage» – a more familiar form of understanding the past as a familiar area of reality that is closer to the common person, understandable and comfortable. The researcher records the fundamental differences between the historical and «hereditary» approaches to the past in the following

way: «History explores and explains the past, which is progressively covered with a haze as time passes. Heritage simplifies and clarifies the past, while bringing modern goals and intentions to it… History implies one century looking upon another one. Heritage refers to the past as the heritage of the present century» (Louehntal, 2004).

Any appeal to the past (historical or «hereditary», which serves as an alternative to the former), according to D. Louehntal, is connected, first, with the benefits derived from it. These include awareness of recognition, confirmation of beliefs and actions, guiding examples, awareness of personal and collective identity, diachronic enrichment of the present experience, the ability to delay the onset of the present. However, work with the past also contains a number of threats, such as the need to displace traumatic experiences, to suppress the present from the great past and thus generate competition with it. This bipolar nature of the past gives rise to the same ambivalent attitude towards it. Accordingly, people may either censure, or honor the past, resent it, or develop a call of duty to it.

The main conclusion arrived at by D. Louehntal was that cognition of the past can only be based on a set of diverse, but meaningfully interconnected sources that allow only partially overcoming the influence of his own modernity on the research procedures. «Knowledge about the past is not «ready-to-use» copies of the past, but an eclectic, selective reconstruction of the latter, based on subsequent actions and perceptions, as well as on constantly changing codes by which we distinguish, symbolize and classify the world around us» (Louehntal, 2004).

The most striking example of a culturological approach to understanding the past is the so-called memory-studies, or the history of memory, the name for this area of humanitarian research as proposed by Ya. Assman. Memory, understood as a supra-individual phenomenon, as a cultural phenomenon, is a bridge between the past and the present, since society forms its own identity in the present through cultural memory and the ideas of the past stored in it. Pointing out the fundamental difference between the historical and cultural or memorative approach to the past, L. P. Repina notes: «In contrast to the actual history, the «history of memory» does not study the past as it is, but studies the past that remains in memories, that is in the tradition (historiographic, literary, iconographic, etc.). Therefore, the purpose of studying the «history of memory» it is not to isolate the «historical truth» from this tradition, but to analyze the tradition itself as a phenomenon of collective or cultural memory…» (Repina, 2010). «History of memory» is not concerned with comparing the content of memories with historical realities. Otherwise, its main function is to understand the reasons for the formation of historical realities, their contents and form, to analyze the cultural meanings and images that comprise the memory of the group, to research the ways of manifestation in the space of actual culture as well as mechanisms for forgetting and reanimating memories, and so on.

Ya. Assman, one of the classics of memory-studies, linked the formation of a particular image of the past with its own connective structure, existing in the depths of this culture. He defined it as a set of symbolic links that unite individual members of society into a group by integrating their past and present in the memory space (Assman, 2004). The connective structure is formed when group members follow established general rules and share values, while they have common past and ways to appeal to it.

Each kind of culture has its own type of connective structure. For example, traditional culture practiced «ritual coherence», based on imitation and preservation of the past. In its framework, the past was perceived as a mythological time (cosmological past, according to B. A. Uspensky), and the appeal to it was carried out through ritual repetition. The scientist called it absolute past or a variation of eternity.

The invention and dissemination of writing transformed the type of connective structure and the type of coherence, consequently transforming the form of reference to the past. Ritual coherence gave way to textuality, and imitation of the past and ritual repetition gave way to its interpretation and resurrection. Historical past replaced mythological past, arrang-

ing a series of events embedded in a rigid logic of cause-and-effect relationships.

Discussing the characteristic aspects of perceptions of the past, Ya. Assman named several important parameters equally manifested both in traditional and written cultures:

– Symbolic character (the memory about the past does not usually store specific events, places and characters orderly);

– Spatial and time relevance (the content of memory about the past must be clearly identified with time and place);

– Group relation (the content of memories must be related to a particular group, reflect its interests and requests) (Assman, 2004).

Summarizing the analysis of the concept by Ya. Assman we can cite his idea that places him in close quarters with many researchers of the past: there is no past as such, «there is only what society in a particular era is able to recreate in its current referential framework… it is reorganized by the changing framework of the present moving forward» (Assman, 2004).

The ideas of P. Nora, an outstanding French memory researcher, are very close to the ones of Ya. Assman. Like his colleague on the issue, P. Nora spoke about two main types of the past perception, traditional and modern (historical). The latter is a result of the gap, a «break» between past and present, between «before» and «after». Citing P. Nora: «We have moved from the idea of a visible past to an invisible one, from the stable past to the past, that we experience as a rupture, from the history seeking itself in the continuity of memory to the memory projected itself in the discontinuity of history» (Nora, 1999).

Constant and continuous actualization of the past in the present characterized the traditional perception of the past, based on repetition. Woven into the living fabric of the tradition, it constituted a part of the group's everyday existence, and therefore was not recognized as the past. Today, the living environment does not include past in itself; moreover, the actual culture as a whole keeps the distance with the past, so the only form of interaction with the past is its reconstruction.

According to P. Nora, the increased interest in recent decades in microhistory, research of mentality, customs, and everyday life, together with an attempt to enter the value-based, symbolic world of the past. In order to make it more understandable and close. Indicates the growing crisis in the perception of the past. The stronger the gap with the past, the more intensely we try to overcome it, if not in face, then at least illusorily, giving the appearance, a «hallucination» of unity with it.

Discussion

The considered concepts allow us to speak about the special status of the past as an object of culturological knowledge. In this perspective, it appears as the result of the construction of a past reality carried out in the context of an actual culture. The past ceases to be the past as such and becomes an image of itself.

An image in the broadest sense is «a subjective spiritual and mental reality that arises in the act of perceiving any reality. In the process of contact with the outside world… a subjective copy of objective reality» (Bychkov, 2011).

We define the *image of the past* as a set of constructed, historically variable, but locally stable, social (collective) representations of the past, which, on the one hand, reflect characteristic and significant attitudes for a given culture (i. e. can be determined), and on the other – have significant influence on their formation (i. e. can determine).

Image of the past has distinct features:

1. Constructed (i. e. has a reconstructed and/or newly created artificial character).

2. Indirect (i. e. characterized by the absence of direct references in reality, manifested in the form of «traces»);

3. Subjective (i. e. the image of the past is not the result of a rational understanding of history, its content is not always based on verified facts and judgments – on the contrary, it may include myths and legends, unverified facts, misinterpreted sources, etc.).

3. Sociocultural (i. e. conditioned by the parameters of the relevant culture);

4. Value-based (i. e. the image of the past is an evaluation of the past, which implies some expressed attitude to it).

5. Social (collective) nature of existence (i. e. formed within a certain sociocultural community).

6. Stable within the framed period of the certain culture (i. e. the change of the actual cultural context determines its transformation; the image of the past can act as one of the markers of sociocultural paradigm shifts).

7. Temporal duality (i. e. the image of the past belongs to the past in its temporal status and to the present in its value and normative content).

The present updates and adapts the image of the past for its own values and norms. As according to L. Fevr: «A person does not remember the past – he constantly recreates it. This applies to both an individual as an abstractness and to a person in the real life conditions as a member of society. Such person does not store the past in his or her memory in the same way that the Northern glaciers store frozen mammoths in their thickness for thousands of years. He or she learns and interprets the past only through the prism of the present» (Fevr, 1991). Therefore, the present interacts with the past, perceiving it as a resource for solving crucial issues of our time, as a tool for forming or maintaining relevant values and norms.

The most important condition for forming the image of the past is to confirm the autonomous temporal status of the past. In other words, to distinguish past as a phenomenon different from the present. To differentiate past and present is difficult, as a research problem, it requires special attention. Scientific views vary among the researches, but below we state the conditions, which allow the past to become an independent area of temporal reality.

Firstly, it is distance. The past must create in the mind of a person or group a subjective sense of distance from the reality.

Secondly, it is irreversibility. A person must perceive it as irrevocable, gone forever, as the Other, as compared to the present. «The past begins at the moment when the door that separates the past from the future slams shut. The object of the research can only be that which is locked down pretty tight and has become unreachable for us» (Assman, 2012).

Thirdly. In order to form an image of the past, the past must meet another requirement – it must be in demand and valuable for the present. Primarily as an archive of potentially significant knowledge, or even as a source of answers to the requests of time (in the gap theory, such a mission of the past, as shown above, is denied). Otherwise, the past would simply not exist, and the entire past reality was forgotten. According to L. Repina, «for events and characters to be part of the past and to have the status of the «past» (and not, for example, the status of old, outdated) means to be socially perceived in relation to the image of the past. In the categories of the past. Thus, it is not just the time, which separates an event or a character from the present. Other than that the event and character should have a constructed and legitimate image, alongside with the significant meaning of it in the categories of the past to obtain the status of the «past»… While countless superfluous facts and persons that do not fit into the meaning of the relevant syntagmas of the past are forgotten» (Repina, 2005).

Conclusion

Summing up the above, we can say that in the context of cultural understanding, the past is understood as a past reality (preceding the present), where the image of the past is the form of sociocultural representation, constructed and transmitted by a particular culture and at the same time defining its specific features. We called this theoretical and methodological basis for interpreting the past as *past-conceptuality*.

Unlike other humanities, whose subject of study is the past reality (history, archaeology, anthropology, etc.), cultural studies focuses not so much on the reconstruction of an objective picture of the past, but on the understanding of the image of the past constructed in the culture. This research perspective allows us not only to recreate the temporal picture of the world (ideas of the past), typical of a certain period of cultural development, but also to understand more deeply its values, norms, ideology and other parameters (ideas of culture bearers about themselves). Culturological understanding of the image of the past has a special heuristic potential in relation to the actual culture,

the study of which is complicated not only by its super liveliness, but also by the lack of historical distance «from itself». The «reflection» of the present in the «mirror» of the past. In its constructed image, helps to define the internal logic, laws and trends in the development of modern society more clearly. This aspect determines the importance of the image of the past for culturology as a science – both in the context of studying the history of culture, and in the context of solving applied problems of culturology.

References

Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mennost', pamyat' i politicheskaya identichnost' v rannih kul'turah* [*Cultural memory. Writing, memory, and political identity in early cultures*]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 368 p.

Assman, Ya. (2012). Transformacii novogo rezhima vremeni [Transformation of the new mode of time]. In *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New literary review*], 116, 16–31.

Bychkov, V. V. (2011). *EHstetika [Aesthetics].* Moscow, Akademichesky Avenue, 464 p.

Fevr, L. (1991*). Boi za istoriyu* [*Fights for the History*]. Moscow, Nauka, 633 p.

Hilton, D. J., Liu, J. H. (2017). History as the narrative of a people: from function to structure and content. In *Memory Studies,* 10 (3), 296–309.

Kauganov, E.L. (2015). «Spor Gol'dhagena» i reaktualizaciya problemy viny v FRG v 1990-e gody [«Goldkhagen's dispute» and a fault problem reaktualization in Germany in the 1990s*]. In *Observatoriya kul'tury* [Observatory of culture], 5, 116–121.

Leont'eva, O. (2011). *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX-nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the XIX beginning of XX centuries*]. Samara, Kniga, 448 p.

Linde, Ch. (2009). *Working the Past: Narrative and Institutional Memory.* New York, Oxford University Press, 249 p.

Louehntal', D. (2004). *Proshloe – chuzhaya strana [The Past is a Foreign Country].* St. Petersburg, Izdatel'stvo «Vladimir Dal'», 624 p.

Nora, P. (1999). *Franciya – pamyat'* [*France-Memory*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskii universitet, 333 p.

Repina, L. (2005). Koncepcii social'noj i kul'turnoj pamyati v sovremennoj istoriografii [Concepts of social and cultural memory in a modern historiography]. In *Fenomen proshlogo [Past phenomenon].* 122–170.

Repina, L. (2010). Predstavleniya o proshlom i svyaz' vremen v istoricheskom soznanii [Ideas of the past and link of times in historical consciousness]. In *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad [Images of time and historical representations: Russia – the East – the West].* 9–25.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 187–203

DOI: 10.17516/1997-1370-0900
УДК: 82-1-9; 821.512.122; 81'25

Translating «The Tale of the Fisherman and the Fish» into Kazakh: Pushkin in Other Culture

Kuralay B. Urazaeva[a], Veronica A. Razumovskaya[b] and Gulnur Yerik*[a]
[a]*L.N. Gumilyov Eurasian National University*
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan
[b]*Siberian Federal University*
Russian Federation, Krasnoyarsk

Received 25.10.2021, received in revised form 16.01.2022, accepted 05.02.2022

Abstract. Using the material of Alexander Pushkin's «Tale of the Fisherman and the Fish» translated into Kazakh, the ways of application and the principles of culture-oriented strategies choice, such as domestication, foreignization, and estrangement, as well as the cultural grid, are considered. They are examined as conditions for the creation of a text in another culture. Domestication prevailing in the Kazakh translations is a cultural adaptation of the original text to the target recipient, as far as Pushkin's works have been popularized, and a new genre for Kazakh literature – a literary fairy tale – has evolved. The idea of estrangement stems from domestication and means an impact from the national conceptual sphere. Rare cases of foreignization – in the form of loan translation and comments – are explained by the translator's desire to integrate effectively the original text into the target culture. The analysis focuses on the ways of transferring elements and lexis that are absent in the Kazakh culture by replacing them with the target value concepts. By comparing the Kazakh translations one can highlight the translation experience of A. Baitursynov as the most successful among the others. The translations turned out be successful due to the use of the strategies, among which estrangement plays a crucial role. The authenticity of translations is substantiated through conveying laughter poetics, targeting children and adults at a time, as well as transferring the original axiological concepts. The analysis of translation variance contributes to the understanding of how the original text can be integrated into the target culture. The findings of theoretical and historical poetics, linguopragmatics and linguoconceptology, translation studies and translatology create the prerequisites for developing new recommendations which ccould be used by translators of Pushkin's fairy tale into Kazakh.

Keywords: Pushkin, «The Tale of the Fisherman and the Fish», literary translation, other culture, the Kazakh language and culture, translation strategies

Research area: culturology, philology.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: yerikgulnur88@mail.ru, veronica_raz@hotmail.com
ORCID: 0000-0001-8341-7562 (Urazayeva); 0000-0002-0751-7964 (Razumovskaya); 0000-0001-7283-2402 (Yerik)

Citation: Urazaeva, K.B., Razumovskaya, V.A., Yerik, G. (2022). Translating «The Tale of the Fisherman and the Fish» into Kazakh: Pushkin in other culture. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 187–203. DOI: 10.17516/1997-1370-0900.

Казахские переводы «Сказки о рыбаке и рыбке»: пушкинский текст в другой культуре

К.Б. Уразаева[а], В.А. Разумовская[б], Г. Ерик[а]
[а]Евразийский Национальный университет
Республика Казахстан, Нур-Султан
[б]Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. На материале казахских переводов «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина рассматриваются способы применения и принципы выбора культуро-ориентированных стратегий, таких как доместикация, форенизация и остранение, а также культурная решетка. Они исследованы как условия создания текста в другой культуре. Преобладающая в казахских переводах доместикация обоснована как адаптация текста оригинала к восприятию адресата перевода, обусловленная популяризацией творчества Пушкина и освоением нового для казахской литературы жанра – литературной сказки. Понятие остранения обосновано как расширение доместикации и результат влияния национальной концептосферы. Немногочисленность случаев форенизации – в виде кальки и примечаний – объясняется стремлением переводчика к эффективной интеграции текста оригинала в культуру языка перевода. Предметом анализа стали способы передачи отсутствующих в казахской действительности реалий и лексических единиц посредством замены их ценностными понятиями родной культуры реципиента. Сопоставление казахских переводов – с позиции парадоксальной природы сказки Пушкина – позволяет выделить художественный опыт А. Байтурсынова среди других переводов. Успех переводов объясняется использованием рассмотренных стратегий и особым местом остранения среди них. Понятие аутентичности переводов сказки Пушкина обосновано в аспекте передачи смеховой поэтики, адресованности ребенку и взрослому, а также аксиологических концептов оригинала. Анализ переводческой дисперсии также позволяет дополнить представление о факторах интеграции оригинала в культуру языка перевода. Применение результатов теоретической и исторической поэтики, лингвопрагматики и лингвоконцептологии, переводоведения и транслатологии создает предпосылки для рекомендаций переводчикам сказки Пушкина на казахский язык.

Ключевые слова: Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке», художественный перевод, другая культура, казахский язык и культура, стратегии перевода.

Научная специальность: 24.00.00 – культурные исследования, 10.00.00 – филологические науки.

Introduction

The Kazakh translations complement the Kazakh Pushkiniana, allow to identify contact-typological and cultural relations between Russian and Kazakh literature and to investigate the impact of translation on the genre dynamics. Regarding that literary fairy tales are new for Kazakh literature, the considered translations help to fill the gaps in the history of literary translation. The analysis of Kazakh translations of «The Tale of the Fisherman and the Fish» (1834) is carried out relying on culture-oriented translation strategies: traditionally, there are domestication, foreignization, *estrangement and cultural grid* – the first two ones proposed by L. Venuti. Bearing in mind that the Russian and Kazakh languages are not linguistic relatives, translation variance appears to be inevitable, which, in turn, addresses the ways of laughter poetics conveying and the paradoxical nature of Pushkin's fairy tale in the grid of comparative studies.

Theoretical framework

This study of Kazakh translations of Pushkin's fairy tale involves consolidation of Pushkin's oeuvre studies, historical and theoretical poetics through the paradox of the genre in question, the fable-and-plot tied to the structure of the conflict.

In this way, the most careful attention is paid to the works of V. Nepomniashchy: as far as he defines, spiritual semantics is a fundamental feature of Pushkin's works (Nepomniashchy, 2019). Besides, his findings on the authenticity of Pushkin's narrative, considered on the material of a fairy tale, allow to interpret the protagonist as a man intended by God. Such scientific fruitfulness lies in the axiological foundations of Pushkin's worldview and explains the national and spiritual origin of the writer's tales.

A remarkable scientific heritage, built on Pushkin's tales, also involves M. Azadovskiy's ideas on how Pushkin treated folklore (Azadovskiy, 1936; Azadovskiy, 1936): literary, they prove that Pushkin used already existing plots to make them interpretable and comprehensible as «truly national» ones.

Then, to a certain degree, the article's methodology involves the ideas by I. Surat (Surat, 2001) proposed in the dissertation devoted to the literary specifics of Pushkin's fairy tale. Against the backdrop of current approaches to Pushkin's fairy tale, the novelty of Surat's view is in identifying common features in content and poetics. His ideas on reflecting aesthetic and ideological problems, and the links between national originality and folklorism, clarify the ways how Pushkin shifts aside from the fairy tale canon. Apart from that, his opinion on a transit model – an unrealized intention to «bring a French light comedy up in Russian environment» (Raskolnikov, 2005) – also pays a significant role when studying the fairy tale.

The modern scholars inscribe Pushkin's innovation for the literary fairy tales in the «classical folklore» paradigm (Sapozhkov, 2018). S. Sapozhkov proposes an attitude towards disclosing mentality through its genre and artistic nature. In his view, Pushkin quite cleverly created a model, which can be described as: «logic (antilogic) of the fool-hero/jester's behaviour in the everyday fairytale» (Sapozhkov, 2018: 400). The scholar also notes ideological nature and orientation of Pushkin's fairy tale on ridiculing the generally accepted norms of the world order.

To analyse the paradoxical nature and laughter poetics of Pushkin's fairy tale, it is important to find the plot-structure link in the conflict, which contributes to understanding the genre unity. Such approach relies on modern subjectology, addressed by I. Silantiev (Silantiev 2001; 2002; 2011; 2018). Revealing various semantic fable-plot relations has outlined the syntagmatic nature of the fable and the paradigmatic nature of the plot. His findings, applied to Pushkin's fairy tale, enable supplementing the modern theory of storytelling; characterising the function of laughter combined with the drama.

The translations are inevitably coming out of date, and thus, to be modernized, including current ideas about the literary translation's authenticity; these ideas, in turn, are based on the relationship between translation target, strategy and genre of the source text. When streamlining methodologically relevant decisions it is important to understand the translation

strategy as a decision that must be made by a translator (Hurtado, 1996/2001). Among L. Venuti's culture-oriented translation strategies foreignization and domestication are the instruments for our study (Venuti, 1994). When addressing domestication, the phenomena of restricted and full deconcretization, the use of semantic equivalents, free translation and textual explanation should be analysed, as well (Franco, 1996: 269). Foreignization, in turn, requires studying such translation techniques as transliteration, linguistic translation, translator's notes, extra-textual notes (Franco, 1996: 62). The strategy of *estrangement* is considered following on V. Shklovskiy interpretation of the term (Shklovskiy, 1983).

Thus, on the backdrop of these strategies, the role of the «cultural grid», which implies similarity among different cultures, is distinguished (Bassnett, Lefevere, 2000). As far as the analysis goes, this strategy contributes to building typological parallels in the context of formulaic poetics of the tale and literal reflection of the source.

In the research performed by V. Razumovskaya and Yu. Valkova all the mentioned translation strategies, and culture-oriented strategies, as well, are considered in general: the researchers focus on the conditions when domestication is prevailing in cases of «cultural grids dissimilarity». Hence, there is a systematization of intercultural barriers – a significant reason to use domestication. The scientists explain foreignization and its expansion by the importance of the «other». For the current study, it is significant that the scholars clarify estrangement in translation as «a complex of stylistic techniques aimed at creating a defamiliarized, foreignized perception in the reader; an actualization of an object or event, and decontextualization» (Razumovskaya, Valkova, 2017).

The study of culture-oriented strategies relies on modern scientific disciplines and relevant definitions. Thus, the differentiation between «Translation Studies» and «Translatology» supports an accurate scientific description. As opposed to Translation Studies, aimed at the translation poetics and its aesthetic criteria, translatology is focused on the psychology of creativity, translation activity, and changes in the socio-cultural function of translated literature (Zherebin, 2021: 263). The analysis of Kazakh translations of Pushkin's fairy tales satisfies the idea of creating a holistic, integrated approach through the synthesis of translation studies and translatology. Such unity is due to the relationship between national and author's concept spheres, and their influence on translation thinking and authenticity.

By analysing the Kazakh translations in the context of domestication, foreignization and *estrangement*, as well as *cultural grids*, we are to study the attitude of the Kazakh Pushkiniana to the «banalization» of Pushkin's fairy tales. Following E. Etkind, it began in France with de Rogier's translation and grew increasingly throughout the 19th century (Chelyshev, 2015). The influence of literary translation on the genre dynamics of Kazakh literature, enriching it with new themes, characters, genres, styles – metrics in poetical translation – suggests certain ways of mastering the fairy tale by the Kazakh writers.

A comparative analysis of the Kazakh translations of Pushkin's fairy tale highlights the genre canon and methodology of writers and translators' work. In this way, M. Riffaterre outlines the canon as a cultural dominant: «the canon is a cultural outcrop of the text, a framework for a certain type of workshop behavior in a given social context» (Riffaterre, 1995: 71).

Problem statement

Refreshing the Kazakh translations of Pushkin's fairy tale involves theoretical and historical poetics – in the aspect of new events conception – being integrated into the recommendations when choosing a translation strategy. This approach is explained by the existing picture in Kazakh translations of Russian classical literature. The studies of Kazakh translations of I. Krylov's works, prose by N. Gogol and A. Chekhov reveals one common feature, i. e., the subject of translation is the original fable. Accordingly, the techniques of language and play, Gogol's apophatic writing, Chekhov's ambiguous eventfulness (V. Typa) and manipulation techniques (V. Chaliy), which are dif-

ficult for literary translation, have led to the fable-oriented works (V. Tomashevskiy).

The current theme is relevant due to several reasons. As noted in Vatsuro paper, plot-and-conflict structure connection is clarified as another factor in the authenticity Pushkin's fairy tale literary translation; in the terms of subjectology – as the fable syntagma and the plot paradigmatics relation (Vatsuro, 1995). This approach explains differences in perceptions of Pushkin's fairy tale by children and adults: a child perceives the work through the prism of the fable, and an adult – the plot. The axiological semantics of the tale, built on archetypes, brightens the psychological motivation of the characters' behaviour; makes it possible to distinguish between the laughing and the dramatic. Such idea again determines the authenticity of literary translation. When studying the translations of A. Baitursynov, Z. Kabdulov, and A. Asylbek through the culture-oriented translation strategies a set of questions should be addressed: 1) the role of cultural grid, domestication, foreignization and *estrangement* as criteria for the Kazakh translations' authenticity is to be explained, 2) translation strategies are to be supported by the amount of fable and plot reflected, 3) the impact of authors (original and translation) on the addressee are to be compared and analysed.

Methods

The interpretation of literary translation – both as a process and a result – makes the considered Kazakh translations of Pushkin's fairy tale the subject of cultural transfer and of comparative literary criticism, as well. Cross-disciplinary and choice of the research object have challenged the article's methodology based on theoretical and historical poetics, subjectology, translation studies and translatology, linguopragmatics and linguoconceptology. All this explains the use of such methods as axiological, archetypal analysis, formal, hermeneutic, receptive, post-translational, and comparative analysis.

Discussion

The analysis of translation authenticity suggests investigating the translation strategy, its advantages / disadvantages, which allows identifying the role of genre instruments in Pushkin's fairy tale used to reflect the laugh poetics, paradoxical nature, and its targeting the audience. Revealing the parody's dual nature in the fairy tale draws attention to the correlation between the fable and the plot: speaking by the terms, this is the correlation of the fable syntagma and the paradigmatic plot (Silantyev, 2018).

By comparing the translation strategies of the Pushkin's fairy tale, we disclose the principles of the translation strategy in relation to the fable syntagma or paradigmatic plot. This view allows solving the problem: do the translations belong to translation variance; is there a translation derivation, or is the phenomenon of authentic translation reasonable and sustainable? Why, then, the translation is different from the original?

Supplementing the translation approach with the translatological one raises the issue of communicative context. In this context, V. Myrkin identified a set of private contexts that form: 1) linguistic context; 2) paralinguistic context; 3) situational context; 4) cultural context; 5) personal context (Myrkin, Prokurovskaya, Boldyreva, Solovey, 1994: 51–53). Extrapolation of the mentioned context types to translation strategies helps to study how the author influences the translation's recipient.

By analysing the cultural grid in Baitursynov's translation supports outlining a branched gradation. First, this is ritualization considered both as an element of style and a narrative technique: it can be reached by repeating the old man's gesture, expressing entreaty and requests to the Fish: *Тағзыммен қол құсырып, арыз айтып*[1](With folded pleading, making a request) (114) Second, the repetitions mark the stages in the development of Pushkin's storyline: in the description of the sea, the similarity of the cultural grid determines the literal reflection of the source text in the rhetorical formulas: *Болды ма жаның риза!* (literally: Now your soul is happy!) (116), *Болмаса өзің*

[1] Quoted in Байтұрсынов А. Шығармалары: Өлеңдер, аудармалар, зерттеулер. (Құраст. Шәріпов Ә..Дәуітов С.). – Alma-Ata: Жазушы, 1989–320 p; the page is in brackets.

шанаң, отырма (literally: If you don't have your own sleigh, don't sit down = Let the cobbler stick to his last) (116) – describing the old noble woman's dress. This is also a description of her scolding and screams: *Ұрсады келісімен шалға ақырып* (literally: Scolds, shouts at the old man) (14). Fourth, it is a way of creating a chronotope through the means of spectacular symbolism, i. e., visual images describing changes in the color and roughness of the sea. The symbolism is also conveyed in the dynamics when describing the sea. For example: *Жыбырлап* судың беті шимайланып (literally: Waves are running) (117), *Бұзылып* судың *түсі лайланып* (literally: The sea has darkened, silt rises to the surface from the bottom) (117), *Қарайып* теңіз *беті түнереді* (literally: The sea surface has darkened) (115). Fifth, translation authenticity is ensured by such a feature of the cultural grid as the similarity of the colour symbolism in influencing the translation's recipient. *Қара бұлт, қара дауыл* толқынды айдап (literally: Black clouds, black wind is driving waves) (117) – such description supports the unity of symbolism in folklore: the black colour symbolizes chaos and inevitable disaster.

As for the cultural grid, domestication strategies are more vivid. Domestication is an invitation to the Kazakhs' ideas about the house interior. The description of a time-worn dugout uses the accepted Kazakhs' unconscious, aimed at perceiving the dwelling through the vertical and horizontal axes. This is how the top and bottom are pictured: *Үсті шым, асты шұқыр жерден жырған / Баспана мекенінің сиқы тұрған* (literally: Above is sod, below is a hole, // Against all the odds, stands on the ground) (112). Let's compare it with the description of the old noblewoman's apartment: in Baitursynov's translation which follows the oriental tradition, the palace has decorative painting on the walls, and singing birds: *Салған үй салтанатты сәніменен, // Боялған, оюлаған мәніменен. // Сайраған бақшасында түрлі құстар / Келтірген көңіл хошын әніменен* (literally: The house is a solemn palace // Painted, covered with patterns / There are birds / I cheer up with my singing) (114). In other way, domestication is an access to the notions of estates and nobility among the Kazakh people, to social hierarchy: '*қарашекпен*' (peasants), '*ақсүйек*' (white-bones).

In domestication, one can also find additional interpretation from the author made to reveal the circumstances of the character's life. Thus, to make the reader sympathize to the protagonist, the translator notes the spouses' childlessness. Traditionally, one could not to invite childless spouses to festive celebrations. It reflects the superstition associated with the majorat, the interpretation of childlessness as a sin, and the mortality in nomadic life.

The chronotope embodies such added elements: *Жұмыстың тығыздығын, тезін айтты* (literally: She pointed out the urgency of the order) (117). These are examples of emphasizing the old noblewoman's power by the social details: she dreams to become a queen: *Тапсырды шалға жұмыс, әмір етіп* (literally: She instructed the old man, demonstrating her power) (115). The role of domestication in clarifying the meaning is reinforced through the Kazakh phraseological units, i. e., idioms and proverbs: *Сөз қатсаң, жыртылады жағаң* (literally: You can't keep your word, i. e. if you do keep the promise, your collar will be torn, i. e. you will be punished) (117). The idiom: *Көз салды жан-жағына мойнын бұрып* (literally: Someone is looking around, i. e. wiggles his neck) (117) conveys irony to the old man, which reflects the original idea.

In domestication, attention is paid to the morphological structure and word formation processes typical for the Kazakh language. This is a grammar example – reduplication as an instrument to emphasize the emotional impact on the reader: the use of words stemmed the root repetition. For example: *әп-әдемі* (very beautiful), *салып-салып* (hitting), *дәлме-дәл* (exactly), *тұрып-тұрып* (standing, standing), *жырық-жырық* (scratched), *аң-таң қалып* (being impressed).

In domestication, psychological motivation for the character's actions and behavior is obvious. The author's influence on the addressee is seen through the expressive vocabulary: *азап* (torment, suffering), the hero's state – *таңырқанып* (being impressed).

A separate domestication involves comic modality, expressed by the language play. Thus, Pushkin's *oaf* and *gump* find the following matches: *Ақымақ ... алжыған, кеткен есің!* (literally: stupid, crazy) (113), *Миы ашыған, құ көк сақал!* (literally: Sour brains, old man with a gray beard) (113), *адырағал* (literally: You goggle!), *миың ашып кеткен шіріп* (literally: Your brains have turned sour, rotted) (114). For greater negation the old woman treats the old man's public image, using a loan: *Қадірсіз мұжық деген ат халыққа* (literally: In humans' eye – a man deprived of respect). *Әдепсіз, ақылы жоқ, жарым* (literally: My ill-mannered, stupid old woman) (115) and *Ақымақ, әдебі жоқ, алжыған құл* (literally: A stupid, ill-mannered, mad servant) (116). The translator adapts the Russian fairy tale to the Kazakh by the commonly used vulgarisms. In the comic modality of translation, a remarkable psychological symbolism can also be traced: *Кемпірі шалға көзін бажырайтты* (literally: The old woman goggled her eyes) (113).

In the language play, irony and parody are also created by the family etiquette. The naming *қатыны* conveys not only a rude and common *a peasant wife*, found in everyday life, but also signs her belonging to the family (his wife). The translator also used another family category: *жарың* (your wife), where the inflection means not only *belonging*, but also conveys an allusion to the lack of will of the old man and the accepted family roles.

Playing with vulgarisms, aimed at transferring the robustious character, are reflected in the translations of Pushkin's *rage – crossing the borderline*. It has built the old woman character on her desires, dreams and ideas about a noble life: *Кемпірдің мұң-мұддесін* (literally: sadness, desires, intentions) (114). The author focuses the reader's attention when the old man becomes aware of how far the old woman's demands are mad; on the hero's guilty feeling for the claims of the old woman, which led the translator to choose the following: *Таянды жындануға кемпір жетіп* (literally: The old woman reached the peak in her madness) (115).

In the comic modality, the syntactic and stylistic role is assumed by irony, parodying the old woman through a rhetorical question: *Қатыны, қайтып келсе, болған ханым, // Қасына шал қалайша жолар енді?!* (literally: He returned, and his woman became a grand lady. // How dare the old man to speak to her?) (114). The irony lies in the use of repetition when describing the palace – intensification used in the meaning of generalization: *бәрі*' (everything): *Бәрі мол, бәрі байлық, бәрі ірі* (literally: Everything is enough, everything is rich, everything is large) (114). The description of the old woman's pose also contains irony and parody: *Паңсынып сыртқы есікте тұр кемпірі* (literally: In the pose of a defender, a guardian) (115). This is not just a state: the verbal participle explains the old woman's arrogance with her new social status. The irony is also reflected in the past-and-present opposition: *Бұрынғы мұжықтығы естен кетіп* (literally: I forgot the peasant life) (115). The ironic connotations are complemented by the Fish's comments on the old woman's desire to become a queen, and forgiveness to the old man's request: *Жүргізіп жұртқа әмірін мейілінше, // Айбынды болар патша жарың* (literally: Let her show the power to people, // Your old woman will be a queen) (116).

Domestication is also a search for equivalents from a set of concepts accepted in the Kazakh everyday life: for example, *шабарман* (a runner). Another symbol is the gesture *сапырып* – known to the Kazakh people as a rhythmic movement which helps to decrease the acidity of kumis (mare's milk) or cool the hot soup. Interestingly, the verb implies an unmentioned visual image through the movement's rhythm. This is also the addressing cliche *ақсақал, тақсыр* (sovereign), *қарт* (respect to the old ages).

Estrangement is explained as a result of the national conceptual sphere and a more complex type of domestication, which gives an opportunity to study the author's innovation. This thesis is supported by the phrases of speech etiquette, which are transparent semantically and communicatively: *Балыққа айт менен көп-көп сәлем!* (literally: Say my love to the Fish) (117).

In the Kazakh folk culture, the old man's age and his physical weakness are associated with respect and honour. Weakness is reflect-

ed using such trope as *әлі жоқ сөз қайырар* (literally: No strength – strength to answer against) (117). However, when the old man is being beaten, it inverses the national values. In this case the author influences the reader by the rhetorical question: *Ағына сақалының кім қарайды?* (Who will respect his gray hair) (116), rough treating and dynamic verb forms: *Желкелеп, сүйреп, жұлқып жұлмалайды* (literally: They pushed me out, dragging along the floor, pulling and pushing) (116). In the episode: *Шалды айдап алып келді дірдектетіп* (literally: They dragged a shaking, trembling old man) (117) – the event reaches its peak. The bottom-up value principles are emphasized by travesty, through the general lines: *Жұрт күліп: Шал екенсің, – деді, – жарым*, / *Ақылың кем болған соң, кімге обалың?* (literally: Dear, if someone has no brain, then who is to blame? = A bad workman always blames his tools) (116). Making the folk wisdom rhetoric addressed to the old man refers to the violation of norms, and evoke a sympathy for the old man through an indirect speech.

In the speech etiquette, among the rhetorical formulas, one should also note how the Fish calms the old man *қайғырма* (literally: do not be blue). The expression does not possess any axiological connotation of the original and is reflects consolation formulas typical for the Kazakh culture. The rhetorical strategy follows the speech etiquette norms accepted by the Kazakh people. For example, the formula of calming (consolation) when expressing condolences *сабыр ет* is fixed in the funeral and memorial rituals.

Estrangement is achieved by using formulas that unconsciously actualize the core concepts of the Kazakh people: *Күн көрген бишаралар / Болмапты төрт түліктен ырымға мал* (literally: Those who did not know the life of the tramp / Not having livestock) (112) – operates with the concept of *төрт түлік* – four types of domestic animals respected by the nomadic people, each of which has its own patron. Moreover, there is a didactic component presented in the formulas of wisdom: *Бұрынғы айтпап па еді мақалдарын?* (literally: Does not the old times teach us?) (116) is a rhetorical question reflecting didacticism as an etiological attitude towards the recipient. It is typical of the Kazakh mentality, folklore and the narrative system.

As a loss of the original axiology, *estrangement* is expressed in translation by the old woman's desire to become a queen. This is the state of dissatisfaction verbalized in the reduced use of the word '*жан*' (soul): *Жеткен жоқ жаным әлі ырзалыққа. // Ақсүйек дәрежесін азсынамын, // Патша етсін мені деген бір халыққа!* (literally: The old woman's soul is still not satisfied / It is not enough for her to be a white-bone, // She wants to become the queen) (115).

To understand the nature of *estrangement*, metaphysics-oriented speech manipulation techniques are also important. For example, the old man's manipulation: *Өлдім әбден тынышым кетіп* (literally: He finally lost his mind, my death has come). Among the manipulation techniques, one should also highlight the author's ironic: *Сақтасын долы қатын перісінен!* (literally: God, save me from the grumpy old woman!) (113), *Барады сүйегімнен сөккені өтіп* (literally: Her swearing sticks to my bones) (114).

Estrangement shapes the transformation of the original chronotope. For example, in the final episode: *Түсіріп таз кебіне бір-ақ күнде, // Қойыпты қу қақбасты Құдай ұрып* (literally: In one moment everything became the same // God has cursed the cunning, hated old woman!) (117) – is a translation derivation. Pushkin inweaved morality into the structure. Baitursynov sees the momentary, futility of the old woman's intentions and obedience of the old man as a payment from heaven. Hence the idiom '*қу қақбас*' (literally: childless, hateful, disgusting) lose its rudeness in relation to the old woman.

The ratio of culture-based strategies in the translation of Baitursynov «The Tale of the Fisherman and the Fish» is given in Fig. 1.

So, translational authenticity in Baitursynov's translation of Pushkin's fairy tale is achieved mainly with the help of two strategies – domestication and *estrangement*, while foreignization is a single case. The dominance of domestication is explained by the popularization of the fairy tale, the need to develop a

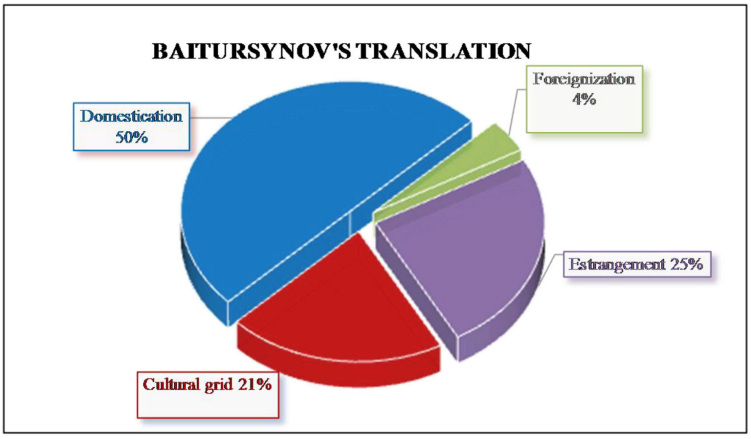

Fig. 1. Baitursynov's translation strategies

formulaic poetics, adapted to the Kazakhs. As far as the analysis goes, the role of the fable syntagma is performed by the cultural grid and domestication, and the plot's paradigmatics is supported by estrangement.

The findings allow considering domestication as additions from the translator derived from the literary translation authenticity. The examples of domestication distinguish the role of irony, parody, language, and literary play as the reflection of Pushkin's comic modality. In that case, the biggest part is given to phraseological resources of the Kazakh language, and estrangement means the impact of the national conceptual sphere, and a source of the author's style, as well as a more complex type of domestication.

In Z. Kabdulov's translation (1949), the cultural grid, as in other Kazakh translations of the tale, is directed towards the formulaic poetics, as well. This is a numeric symbolism, which acquires a sacred character (the old man throws the net three times); fable shifts in the description of the sea, foreshadowing changes in the action. At the same time, one should mark the use of brackets (translator's notes) in two cases: *Жатыр теңіз жай дем алып*[2] (literally: The sea is resting) (6). *Толқып жатыр жағаны ура* (literally: the sea surface is rising) (7). (*Жатыр теңіз буырқанып*) (literally: The sea lies hunched over) (9). (*Түнеріпті көк теңіз де*) (literally: The blue sea has darkened) (14). *Қара дауыл теңіз беті* (literally: The sea is reared by a strong wind) (17). The brackets that delimit the lines syntactically symbolize the author's intrusion, create psychological tension and prepare the reader for a cardinal turn.

The cultural grid influence can explain the examples of literal translations. So, the old man's saying: *Are you crazy?* (342), rhetorized in the meaning of the peak, has led the translator to use the image of «menduan» (henbane).

The literal reflection of the author's attitude towards the protagonist includes a self-assessment of the old man's behaviour – *батпадым* (did not dare). The axiology in performance characterizes his feeling of guilt. The way how the old woman: *ақымақ* (stupid), *кеше* (ignorant), *ашық ауыз* (gump) and the people: *Топас, алжыған шал* (literally: A stupid old man who has gone mad) (16) assess the old man is a literal transmission of «fools» and «gumps». At the same time, the old woman emphasizes the comparison degree (more than ever) in her behaviour and speech (syntactically underlined by the introduction of the author's remark in parentheses).

Repetition can be used as an element of the formulaic poetics for creating the characters' images. In Kabdulov's translation, these are repetitions in the speech of three characters, which become concrete formulas. In the old

[2] Quoted in: Kabdulov Z. Балықшы мен балық туралы ертегі. Мектеп кітапханасы. – Alma-Ata: Kazakh State Pedagogical Publishing House, 1949.– 20 p.; the page is in brackets. The Kazakh ұ is due to the year of publishing (1949).

man's speech, this is the formula of addressing the Fish *балық тақсыр* (literally: the mistress-Fish), the request *кешіре гөр, балық тақсыр* (literally: Sorry, the mistress-Fish). The old woman also repeats: *Тәжім ет балығыңа* (literally: Bend to your Fish) (7, 9, 13) – it is a demand and an order, if to bear in mind the old woman's attitude to the old man.

A repetition in the Fish's speech is the greeting to the Fisherman, *қартым*: not simply a respectful, a deference to the age: the inflection signs of relativeness (My Old Man). On the other hand, the parting words *Қайғырма құр* (literally: Do not grieve!) and *көп күйінбе* (literally: Do not worry too much!) with which the Fish sends the old man to the old woman – means more than just a sympathy – the Fish cheers the old man up, saying it is worthless to worry, to fear and feel guilty.

Two cases of translation loans – as the use of foreignization – do not identify the nature of the translational authenticity. Kabdulov's attempt to preserve the loans «*terem*» and «*bayar*»[3] is due to Kazakh lacks the realities and lexical matches. The author's notes are also seen as the examples of foreignization: the words mean the use linguistic units that can be perceived by the reader, which is also due to adaptation to the end recipient. So, the meaning of *terem* is an image of a high temple with many windows, like a *minaret*, which, in reverse translation, will be an exotism for the Russian language. The meaning of the word has something in common with the dictionary marks when explaining the meaning of *bayar* – in the notes, *vizir's bodyguards*. Obviously, the translator uses the concepts familiar from the fairy tale to complete the general meaning.

In Kabdulov's translation domestication prevails. The people's laughing remark is translated as *шоқ-шоқ!* – an onomatopoeic and vocative interjection, with the help of which the Kazakhs ride a horse. The use of interjections is required to enhance the author's influence on the reader – to chase an old person with an offensive name is to indirectly violate the respect. This is where domestication comes in.

One can also give the examples of a commoner named by the Fisherman and the old woman: if the old woman neglects the status *жай әйел* (literally: simple, socially ordinary woman), then the old man says *қарапайым*. This is a neutral name for a poor man. This is how a semantic transformation takes place, which is literally the use of the same words in opposite meanings. If to compare it with the Fisherman's bow in its gestural meaning: *Шал да оған тағзым етті* (literally: And the old man also bowed to her) (18) – this is a respect of the old man to the Fish, illustrating their relationship.

In Kabdulov's translation, domestication assumes different forms of language play, which characterize the heroes' performance. First, these are the ritualized speech formulas: *қарт* (old man), as a form of respect to old people, is accompanied by the lexeme *кәрі* (old). This is a literary role, a mask, opposed to the humiliating assessments said by the old woman. The Fish calls the old man: *қарт, қартым,* expressing not only closeness, but also compassion, sympathy for the hero. Secondly, these are the socially accepted idioms, explaining the use of colloquial vocabulary. They characterize the humorous influence and demonstrate the range of stylistic solutions taken by the translator: *Патша саған ойншық па* (literally: Should you be a queen or something?) (13). The Fisherman's naivety is translated in one word, *қатты* (he froze), reflecting the impression achieved by the Fish's response. These idioms are balanced by the axiological expressions. As a rule, this is a ritual wish determined by the word-of-mouth: *Жақсылыққа кенеле бер* (literally: May good luck be with you) (14).

The colloquial style of translation is erased by the idioms: *жолың болсын* (Have a safe journey!) – the old man says and lets the Fish into the sea; *урсып-сөкті* (to swear, beat with words) – this is how the old man expresses humiliation from the old woman. Being a method of how the translator psychologically influences on the addressee, the colloquial lexis is used in the description of the shock feeling: *тіл қатты* (became dumb), *шал болды мең-зең* (having a headache, exhausted). The conversation vocabulary characterizes the old man's assessments of the old woman: *долы қатын* (grumpy, angry, hysterical), *мүлде естен таңды, іссіз*

[3] The translator's spelling is preserved.

(completely crazy, brainless). This is how the old man expresses feelings of guilt and pleading for the expected reaction. And in this sense, one can see how the Fisherman manipulates the Fish, describing his disastrous situation. The old woman's behaviour, verbal and non-verbal, is also characterized by colloquial units: she blows the old man to his head: *қақ шекеден* (right in the crown). The description of actions and violence – a violation of the taboo in treatment – is also reflected using expressively coloured vocabulary: *Желкесінен сүйреп шалды* (literally: The old man was dragged by the neck) (16), *Шауып тастай жаздап қалды* (literally: The old man was almost hacked to death) (16). To reflect the old woman's orders, the metonymy '*құлақ тіксін*' (literally: Make him listen, heighten his hearing), a rough command, motivation: *Айттым болды, кет* (literally: Everything, I said, go out) (13).

Domestication is in words formed by reduplication: *жап-жаңа астау* (new-fresh trough); *шоқ-шоқ* – the onomatopoeic and vocative, at the same time. The search for matches in the Kazakh language to the realities also exemplifies domestication: *бекзат әйел – a noble old woman*, *шабарман – a foot-page*.

Kabdulov's translation strategy involves *estrangement*, as well. Few examples can indicate this strategy as a broaden meaning of domestication. For example, the Fisherman, amazed at the Fish's ability to speak, calls it '*бейне адам*' (orator). As the rhetorical Kazakh tradition says, the oral poetic word should be distinguished, so that this assessment marks a formulaic admiration. This is a kind of personification of the Fish's spiritualized; this is how the miracle experienced by the Fisherman, is reflected. The previously mentioned idea of communicative contexts highlights the role of paralanguage context as a focus on the Kazakh's unconscious.

Estrangement can be demonstrated by two different interpretations of the dugout – in the tale's beginning and in the end: in the outset, the reader's attention is paid to the dwelling by its disrepair and comfortless interior (*жер үйшік* – a dog booth) – a fact stated by the role of the opening part. In the end, the translator adds *опыр-топыр* and creates a new meaning, which usually signs a paradox. As a grammatical indicator of a crash or crisis, reduplication makes the dugout a symbol of the characters returning to the start, erasing the value of the opportunities they had received. The noun *босағa* (door jamb) gets a new meaning: while in the beginning it is a threshold, the border between the dugout and the outside world, then in the final *босағa* is symbolizes the house as a property. Thus, the return to the starting point acquires, on the one hand, the full meaning of a fairy tale where the characters are left with nothing; on the other hand, it reveals the tale's paradox, the ambiguity of results through double expectations. The ending does not only symbolizes a collapse of the old woman's desires and expectations, but also the human nature's paradox.

Estrangement is more difficult to trace in the ironic description of the Fisherman's obedience when the old woman expresses her last desire. On the one hand, the old man *батпады* (he did not dare), and on the other hand, there is an ironic determination that appeals to popular ideas about the stereotypes of how a man treat a grumpy woman: *Тіл қатарға жоқ қой еркі* (literally: A man should not compete in argument (with a woman)). An even more complicated case of estrangement is the reflection of speech images through silence and sound. So, the Fish's silence – as a non-verbalized refusal – is revealed by phraseological means of the Kazakh language: *тіл қатапстан* (to keep silent). The sound of the Fish splashing its tail: *шолп етті* is similar to the tinkling of a girl's silver jewels. The jewels sung in the Kazakh poetry are perceived as attributes of a female beauty, that is why the translator softens the refusal.

The findings on the strategies applied by Kabdulov are shown in Fig. 2.

So, Z. Kabdulov's translation is characterized mainly by domestication. It is explained by Pushkin's popularity, against the background of the taboo on the translations made by repressed authors (Baitursynov). It was actually the first translation of Pushkin's fairy tale in the Kazakh minds. The doubled parody differs from the one in Baitursynov's translation: for Kabdulov, the object of parody – not in a satirical, but in a humorous way – is the old man's

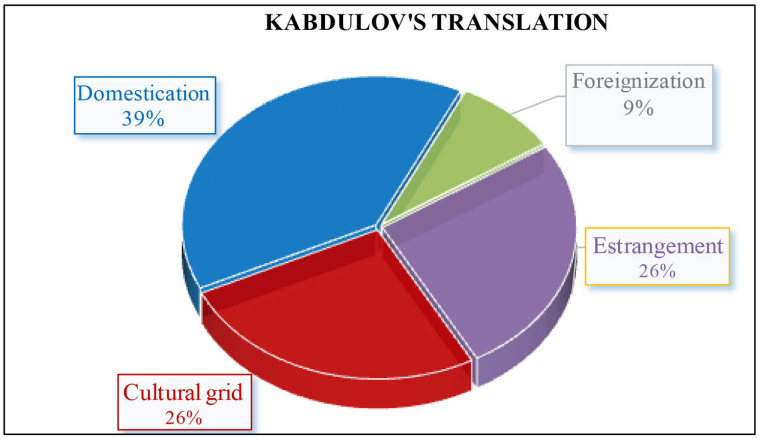

Fig. 2. Z. Kabdulov's translation strategies

image; the fairy tale targets one audience, neutralised by age. This is due to the reproduction of the fable. The paradigmatic nature of the plot is revealed upon careful reading; however, it is hidden behind the reader's unconscious perception of meanings that appeal to him/her.

As the two previously discussed translations, in the one of A. Asylbek (2016) the cultural grid is formed by literal translation: the idiom *Жегенсің бе меңдуана?*[4] (literally: Have you gone mad?) (271) and the proverb *Өз арбаңа мінбеймісің*? (literally: Let the cobbler stick to his last) (272). The cultural grid also determines the use of words in their direct meaning, e. g. when describing the dugout as a barn: *Тұрып жатты лашықта олар* (literally: They lived in a shack) (267); the everyday life of the characters: *Солғын өмір сүріп жатты* (literally: We lived an ordinary, routine life). The old man's actions are classified in correlation: *Кемпір мені жазалады, // Саған бар деп мазалады* (The old woman punished me, // She demanded that I go to you) (268). Here the verbs '*жазалады'* and '*мазалады'* literally mean: 'punished' and 'interfere' (demand). To quote Yu. Tynyanov's term «the poetic line's density», these two verbs are synonymous by the old man's dependence.

The translator's reference to the formulaic poetics is also explainable. First of all, it is a system of repetitions, which causes the use of sacred numbers (the net is thrown for three times). The translator is focused on the fable syntagma when depicting the sea, given in the original. However, in Asylbek's translation, the symbolism is set by the perception formed by mythopoetics. On the one hand, one can see the changes in the sea through the old man's eyes; on the other – the translator generalizes the landscape – this is both the sea and the land. The change of landscape scenes can be indicated by *Көк толқынды қайта көрді* (literally: I saw the blue waves again) (268); *Теңіз тулап, толқындады* (literally: The sea is running high, the waves are running) (269) – describes a trembling sea, with rippling waves on the surface; *Теңіз толқып, тулап жатты* (literally: the sea is in waves, it is smiting) (270) – a repetition of the state created by the lexeme *тулап* = *tremor, waves*. The use of *толқып* (wavering) emphasizes that spectacular symbolism formed by the waves. If to compare the same metaphor for the description of the old man's state: *Шал жүрегі тулап қатты* (literally: The old man's heart is beating faster) (270). A certain descriptive homogeneity is due to syntactic repetitions. Thus, the description *Көк толқынды қайта көрді* (literally: I saw the blue waves again) (271) appears twice in the text. In this translation the sacred colour *көк* is also repeated: in the Kazakhs's mind, there is three sacred colours – white, blue and green – have a symbolic meaning. Blue and green are

[4] Quoted in: Asylbek A. Көп томдық шығармалар жинағы. – Alma-Ata: «Тоғанай Т», 2016. Т. 2: Ертегілер: балаларға арналған ертегілер, аудармалар. – 276 p.; the page is in brackets.

denoted by one word –*көк*; blue is the colour of Tengri, the sky and the highest truth; green symbolizes the life circle and, in semiotics, the human procreation. The semantic core of *Көк түтек боп кетті далаң* (literally: The steppe was covered with gray smoke) (273) – is *түтек*, which means a *blizzard*. Visualization of a blue storm, into which the sea has turned, means the peak in the plot. The plot syntagma is also assumed by the protagonist's behaviour: *Кемпір шатақ шаққа жетті* (literally: The grumpy old woman barely endured) (270). The fable syntagma is also taken over by the old woman's repeated lines, which support the moving chronotope and cyclical nature of the old man's way: *Сен қайтадан балыққа бар, // Жеткіз маған анық хабар* (literally: You shall go to the Fish again, bring me a clear answer) (272).

Domestication is how the original axiology is transformed towards adaptation to the Kazakh people. In this regard, repetitions in the Fish's speech are interesting; they create a communicative field through two formulas: one of them is ritualized and has an emphasized axiological character – *Қайта бергін, Аллаға алғыс айта бергін* (literally: Returns are thank to God) (268). This formula is a technique for a dialogue with the old man. The translator's use of the axiological concepts of God and thanksgiving in the meaning of *divine mercy* demonstrates the scenes when the old man comes to the Fish by a will sent from above, obliging the Fish to make desires come true. In this regard, the communication also suggests a «feedback»: *Көңілдерің тасып-толар* (literally: Probably, you will be happy) (269). The second formula is *Қорынбаймын, // Не тілек бар – орындаймын* (literally: I will respect your words // What desire is there? I'll try my best) (271). The communicative context of the translation is determined by the Fish's speech, using the idea of readiness to fulfil the promise. This ritualized gesture is expressed through obedience: *Қорынбаймын, Не тілек бар – орындаймын?* The decision found by the translator is interesting. Only on the Fisherman's last visit the Fish calls him *шалым* (my old man). The agglutinative structure of the language signs of belonging: *my old man* – a moment of compassion.

Domestication is also manifested in the choice of matches verbalization. This is the assessment of the old man by the people when he is expulsed from the Palace: *ақымақ* (a screwup), *ашық ауыз* (gump), *ақылы жоқ сен бір қарға* (stupid man, a chaw-bacon) continue a series of similar assessments in other translations. Reduplication is reflected in *шалқып-толқып* – when describing the old woman's pose (she is lounging).

Asylbek's transaltion is characterized by careful attention to detailed portraits. They are influenced by ethical ideas of the people and Kazakh folk poetics. For example, the fear of the old man, caused by the old woman's face expression, is reflected by a direct assessment: *Келбетінен шал тұр қорқып* (literally: The old man is standing, frightened by the expression on her face) (269). As an addition, one can note that the old man is not in a hurry, opposed to the original text, and this feeling becomes stronger: *Шал асықпай келді бірден* (literally: The old man came immediately, without a haste) (268). The idiomatic behaviour of the old woman, in comparison Baitursynov's translation, is more restraint: *Қатты ұрысты кемпір тағы* (literally: Again the old woman is swearing) (268), *Ақымақсың сен бір тағы* (literally: You, stupid man!) (268). At the same time, there is a detail in the old woman's portrait – *Ақырады қабақ түйіп* (literally: shouts, frowning her eyebrows) (271) – provides the translator with the strongest authenticity.

As an element of domestication, the translator's additions identifies manipulation in the old man's speech: *Әбден өлер болдым, // Қайта-қайта келер болдым. // Мені ұрсып безектейді* (literally: I die, // I come again and again, // The old woman scolds and screams) (269). It is built on the feeling of subjective isolation. At the same time, manipulation also acquires the opposite semantic and stylistic tones: *Төгіп бізге мейіріңді, // Көрсет ізгі пейіліңді* (literally: Share your kindness with us, show your nature (essence)) (269). The old man's manipulation over the Fish is based on the idioms *Құлағың сал,* which means *lis-*

ten, together with *Барлық елге мәлім болмақ* (Will become a laughingstock) (270) is both a flattery to the Fish and a rational thinking. The Fisherman's speech manipulation also includes a sober assessment, which is not possible in the dialogs with the old woman: *Қысты кемпір құрып қалғыр* (literally: The damned old woman tyrannizes) (271). The idiom *құрып қалғыр* (damned), violence and aggressive behaviour of the old woman *қысты* (ordered, demanded) are softened in the old man's speech by the feeling of shame *Қатты ұялып келіп тұрмын* (embarrassed) and the metaphor *жан қиналып* (the soul hesitates). Similarly, the way of how the Fish participates and sympathizes for the old man is given: *Қысылып тұр жаның неге?* (literally: What does your soul worry about?) (273).

Domestication used by the translator causes rhetorization, characterized several modifications and stylistic decisions. The axiological concepts can be traced in the ritual parting words: *Құдай жақтап, жігерлі бол* (God be with you!) (267), or the assessment *шыдамадым* ('regret'). Rhetorization reveals itself syntactically: *Босқа қинап керегі не?* (Why bother yourself in vain?) (268). The metaphorically marked the Fish's debt to the old man is reflected through *Өтем алмай* (literally: Did not take as compensation) (268). The translator also metaphorically expresses the question as a way to anticipate the Fisherman's request: *Келді енді не тілегің?* (literally: What desire has led you this time?) (268). The old man's obedience and meekness are also noted through the metaphor. In the end, the Fisherman does not dare to blame the Fish: *Балыққа айып тағa алмады* (literally: Cannot demand from the Fish) (273); and the further action is translated as: *Әрең жетіп келді үйіне* (literally: Just barely got home) (273).

The author's irony lies in a rhetorical exclamation when the old man was sent to the farmyard: *Бұдан артық бақ қона ма?* (literally: Could there be more happiness than this?) (270). The chronotope is reconstructed through the idiom: *Күңдері жүр шарап құйып* (literally: The slaves walk and pour the wine) (272). The old man who does not dare to argue *Кемпірге шал бата алмады* (literally: The old man does not dare to say) (272). The old man says to the Fish the old woman's words: *Көп қинамай мына мені* (literally: Don't put any bother on me) (268) – the redirection of the old woman's speech reflects her unconditional power.

In Asylbek's translation, *estrangement* is created by the Kazakh sound-symbolism: in the description of the trough '*Сыңғыраған күйде тұрар'*(will ring) the sound is associated with the ringing silver, and here one can find a hidden irony, which reflects an attitude of the Fish to the old woman. Thus, the motive of rivalry is manifested indirectly.

Estrangement is also created by the structure of the tale's end. The paradigmatic nature of the plot is organized by three images: *лашық* (dugout), *астау* (trough), *кемпір* (old woman). The plot solution and the philosophical meaning are explained by the formula stating the author's maxim: *Айтатұғын сөз қалмаста* (literally: There is no point in adding anything).

The results of using the culture-based strategies by Asylbek are reflected in Fig. 3.

Thus, the significance of domestication is the main feature of Asylbek's translation; besides, there is no foreignization, which is explained by the good popularity of Pushkin's tales in the Kazakh people. However, as in other translations, the poetics of laughter is centred around the image of the old woman and her grumpy nature. The etiological and moral-descriptive nature of the fairy tale, as well as of Kazakh folklore in general, influenced the loss of the dual, paradoxical nature of the original work. The synthesis of the dramatic and the comic turned out to be on the periphery of translation, due to the ethical ideas and didactic attitudes of the genre. The difference between Asylbek's translation is attention to the portrait of the character and his/her speech.

The comparative analysis of all three Kazakh translations of «The Tale of the Fisherman and the Fish» are reflected in the Fig. 4.

Conclusion

When considering the translation strategies and studying the authenticity of Kazakh translations of Pushkin's fairy tale the authors of this work have relied on address-

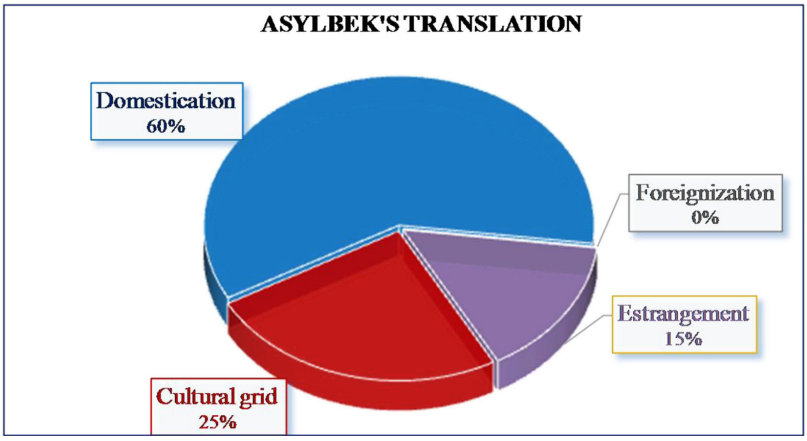

Fig. 3. A. Asylbek's translation strategies

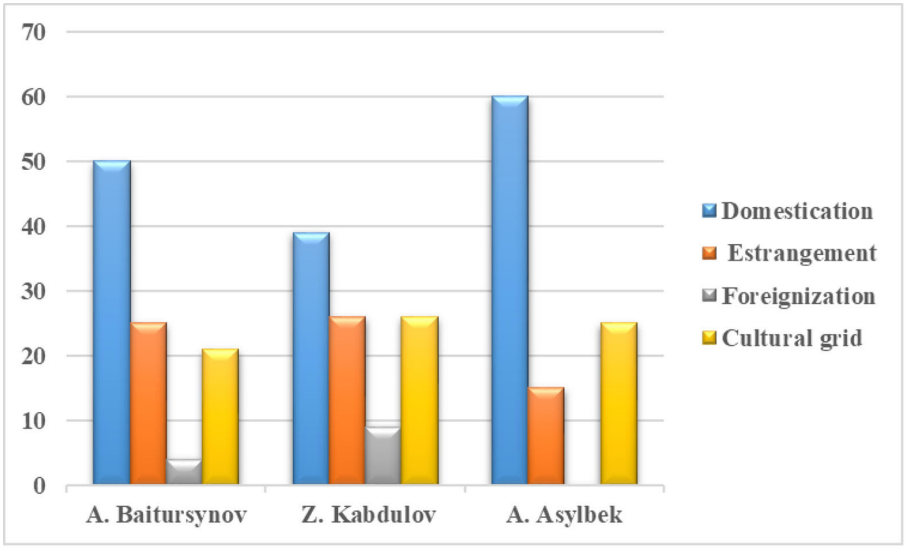

Fig. 4. Translation strategies for the Kazakh version of «The Tale of the Fisherman and the Fish»

ing the paradoxical nature and laughter poetics, on the one hand, and the relationship between the fable syntagma and the paradigmatic plot, on the other. The analysis of archetypes, axiological concepts has helped to establish Pushkin's deviations from the fairytale canon. The paradigmatism of the plot in translation is considered as the result of estrangement and of impact from the national conceptual sphere, which activates the Kazakhs' unconsciousness. The criteria for the literal authenticity, determined by such representation, explain the nature of translation derivatives.

The analysis of translation strategies has showed the role of cultural grid and its conditionality by the formulaic poetics. The leading role of domestication is justified by popularization of Pushkin's fairy tale in the Kazakh culture. The use of foreignization is explained by the lack of realities and corresponding lexical units in the Kazakh language. As literary translation of the Russian literature was enriching in the Soviet times, the translators started

to reject foreignization. The use of domestication and foreignization reflects the original fable syntagma.

The analysis of *estrangement* has revealed its fewness in cases, made it possible to consider it as an extended type of domestication. The connection between the paradigmatic plot and *estrangement* in translation has been explained. The influence of the national conceptual sphere on *estrangement* is shown through the mythopoetic ideas of the Kazakh people, ethical concepts, and rhetorical national tradition, activated at the unconscious level of the end reader. By comparing the Kazakh translations of Pushkin's fairy tale, one says about a special role of Baitursynov's translation, who equally combined the culture-oriented strategies. The translator approached, to best he could, the paradoxical nature of Pushkin's fairy tale through the correlation of the fable syntagma and the paradigmatic plot. Such attitude contributes to the ideas about the literal authenticity in translation and creates the ground for the criteria to assess the authenticity of Pushkin's fairy tale through laughter poetics, address to children and adults, as well as the ways of axiological concepts reflection. The results allow us to judge about the translation variance, which creates effective adaptation of the original text to the perception of the Kazakh reader.

References

Azadovskiy, M.K. (1936). Istochniki skazok Pushkina [Sources of Pushkin's Fairy Tales]. In *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii [Pushkin: Proceedings of the Pushkin Commission],* 1, 134–163. Available at: http://feb web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm (accessed 5 June 2021).

Azadovskiy, M.K. (1937). Pushkin i fol'klor [Pushkin and Folklore]. In *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii [Pushkin: Proceedings of the Pushkin Commission],* 3, 152–182. Available at: http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v37/v372152-.htm (accessed 5 June 2021).

Bassnett, S. (2000). Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. In *S. Bassnett, A. Lefevere. Topics in Translation*.

Chelyshev, Ye. P. (2015). Iz istorii postizheniya smyslov pushkinskogo teksta: problemy yazyka, ponimaniya i kul'tury perevoda [From the history of comprehending the meanings of Pushkin's text: problems of language, understanding and culture of translation]. In *Elektronnoye nauchnoye izdaniye Al'manakh Prostranstvo i Vremya 10 (1): Prostranstvo i vremya teksta*. [*Electronic scientific publication Almanac Space and Time: Space and Time of the text*], available at: http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227–9490e-aprovr_e-ast10–1.2015.61.php

Franco Javier, A. (1996). Culture-specific items in translation. *In R. Alvarez & M. Carmen Africa Vidal (Eds.), Translation, power, subversion*.

Hurtado Albir, A. (1996). La enseñanza de la traducciónd irecta «general»: objetivos de aprendizaje y metodología. In *Castellón, Universitat Jaume,* 1, 31–56.

Hurtado Albir, A. (2001). *Traducción y traductología. Introducción a la traductología.* Madrid, Cátedra, 695p.

Prokurovskaya, N.A., Boldyreva, G.F., Solovey, L.V. (1994). *Kak podgotovit' ritora. [How to train rhetorician].* Izhevsk, Ud.GU, 184 p.

Nepomniashchiy, V.S. (2019) *Sobraniye trudov: v 5 t. [Collection of works: in 5 volumes].* Moscow: MGIK, 4, 512 p.

Razumovskaya, V.A., Valkova, Yu. Ye. (2017). Domestikatsiya, forenizatsiya i ostraneniye v perevode: istoricheskiy aspekt [Domestication, Foreignization, and Estrangement in Translation: History of Application]. In *Vestnik NGLU [LUNN Bulletin].* 40, 111–123.

Raskolnikov, F.A. (2005). Satira, yumor i ironiya v tvorchestve Pushkina. [Satire, humor and irony in the works by Pushkin]. In *Literaturovedcheskiy zhurnal [Literary journal].* 19, 3–28.

Sapozhkov, S.V (2018). Zhanr narodnoy skazki v literaturno-kriticheskoy refleksii A. S. Pushkina [The genre of a folk tale in the literary-critical reflection of A. S. Pushkin]. In *Prepodavatel' XXI veka [21st century Teacher],* 3, 394–401.

Riffaterre, M. (1995). On the Complemettarity of Comparative Literature and Cultural Studies. In *Comparative Literature in the Age of Multilulturalism*.

Silantiev, I.V. (2002). Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. In *Kritika i semiotika [Criticism and semiotics]*. 5, 32–60.

Silantiev, I.V. (2008). *Poetika motiva [Poetics of Motive].* Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury, 296 p.

Silantiev, I.V. (2011). *Syuzhetologicheskiye issledovaniya [Case studies]*. Novosibirsk, Russian Academy of Sciences. Siberian branch. Institute of Philology, 248 p.

Silantiev, I.V. (2018). *Syuzhet i smysl [Plot and meaning].* Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury, 144 p.

Shklovskiy, V.B. (1983). *O teorii prozy [About the theory of prose].* Moscow: Sovetskiy pisatel’, 385 p.

Surat, I.Z. (2001). *Lichnyy opyt v lirike Pushkina i problema postroyeniya biografii poeta [Personal experience in the poetry of Pushkin and the problem of constructing a poet’s biography].* Dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk v forme nauch. dokl.: 10.01.01. [The dissertation of a doctor of philological sciences in the form of scientific report: 10.01.01.]. Moscow, 59 p.

Venuti, L. (1994). The Translator’s Invisibility: A History of Translation. Available at: https://doi.org/10.4324/9780203360064 (accessed 1 June 2021).

Vatsuro, V.E. (1995). Skazka o zolotom petushke: (Opyt analiza syuzhetnoy semantiki) [The Tale of the Golden Cockerel»: (Experience in the Analysis of Plot Semantics). In *Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and materials]*. 15, 122–133.

Zherebin, A.I. (2021). Komparativnye etiudy Iuriia Tynianova v svete teorii perevoda [Yuri Tynyanov’s comparative studies in the light of translation theory]. *In Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literature [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature],* 18 (2), 262–276.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 204–219

DOI: 10.17516/1997-1370-0905
УДК 94(470+574)

The city in Nation-Building Projects: Soviet Autonomy in Siberia and Sovereign Kazakhstan

Aleksandr N. Alekseenko[a], Zhanna S. Aubakirova[a] and Viktor I. Dyatlov[b]*
[a]*Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University*
Kamenogorsk, Kazakhstan
[b]*Irkutsk State University*
Irkutsk, Russian Federation

Received 29.12.2021, received in revised form 17.01.2022, accepted 07.02.2022

Abstract. The most important part of the Soviet socialist transformation, and after the collapse of the USSR, of its sovereign heirs, are nation-building projects. With huge, essential differences, they are brought together by a genetic connection with the Soviet past, the tools of social engineering and the format of state projects, the ethnic basis for understanding the nation being formed. Different in time and implemented by different actors, the Soviet and sovereign projects have similar roles of cities as a key instrument for the production of the nation. The purpose of the article is to compare the role of provincial cities in two projects carried out by the central authorities. For the Soviet era – the regional town of Verkhneudinsk, appointed to be the capital of Soviet Buryatia. On the example of Ust-Kamenogorsk in sovereign Kazakhstan – the implementation of the project of forming a nation-state in one of the regions of the country is considered. Different mission sources, different times and contexts – but a common situation where an ethnically and culturally different city must transform patriarchal traditionalist rural societies into modern nations, if using the well-known metaphor of the transformation of «peasants into French». Receiving new functions from the authorities, changing society, cities themselves are radically changing both in terms of the composition of the population and the nature of relationships in the urban community. They attract the «titular» rural population and form communities of a new type – «urban Buryats» and «urban Kazakhs». Their urban culture is created as a result of a complex synthesis of Russian and their own language and culture within the rigid framework of the urban economy, social structure, and lifestyle. New waves of rural migrants bring with them elements of traditionalism and a trend towards ruralization. There is a dynamic, often conflicting interaction between Russians, titular townspeople and newcomers – rural migrants within the framework set by the city and the policy of the authorities.

Keywords: nation-building, project, city, capital of autonomy, Ulan-Ude, Ust-Kamenogorsk, rural migrants, ethnicization of urban space.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: vikdyatlov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1169-412X (Alekseenko); 0000-0003-1179-5518 (Aubakirova); 0000-0003-3584-6009 (Dyatlov)

The article was prepared with the support of: RFBR, project No. 20-011-00282 “Private sector” of the regional capitals of Siberia and the Far East: the structure and practices of everyday life of “non-urban” communities” in terms of research in Russia; Grant research project “Assessment of the level of demographic security of the Republic of Kazakhstan (ARO8856205)”, funded by the Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in terms of research in Kazakhstan.

Research area: history of the fatherland.

Citation: Alekseenko, A.N., Aubakirova, Z.S., Dyatlov, V.I. (2022). The city in nation-building projects: Soviet autonomy in Siberia and sovereign Kazakhstan. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 204–219. DOI: 10.17516/1997-1370-0905

Город в проектах нациестроительства: советская автономия в Сибири и суверенный Казахстан

А.Н. Алексеенко[а], Ж.С. Аубакирова[а], В.И. Дятлов[б]
[а]Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова
Казахстан, Усть-Каменогорск
[б]Иркутский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. Важнейшей частью советской социалистической трансформации, а после распада СССР – его суверенных наследников, являются проекты нациестроительства. При огромных, сущностных различиях, их сближает генетическая связь с советским прошлым, инструментарий социальной инженерии и формат государственных проектов, этническая основа понимания формируемой нации. Разведенные во времени и осуществляемые разными акторами советский и суверенные проекты объединяет роль городов как ключевого инструмента по производству нации. Задача статьи – сравнить роль провинциальных городов в двух проводимых центральными властями проектах. Для советской эпохи – уездного Верхнеудинска, назначенного быть столицей советской Бурятии. На примере Усть-Каменогорска суверенного Казахстана рассматривается реализация проекта формирования нации-государства в одном из регионов страны. Разные источники миссии, разные времена и контексты – но общая ситуация, где этнически и культурно иной город должен, используя известную метафору о трансформации «крестьян во французов», превратить патриархальные традиционалистские сельские общества в современные нации. Получая от власти новые функции, меняя общество, города сами радикально меняются как по составу населения, так и по характеру взаимоотношений в городском сообществе. Они притягивают «титульное» сельское население и формируют общности нового типа – «городских бурят» и «городских казахов». Их городская культура создается как результат сложного синтеза русского и собственного языка и культуры в жестких рамках городской экономики, социальной структуры, образа и стиля жизни. Новые волны сельских мигрантов приносят с собой элементы традиционализма и тенденцию к аграризации. Происходит динамичное, часто конфликтное взаимодействие

русских, титульных горожан и новичков – сельских мигрантов в рамках, задаваемых городом и политикой власти.

Ключевые слова: нациестроительство, проект, город, столица автономии, Улан-Удэ, Усть-Каменогорск, сельские мигранты, этнизация городского пространства.

Статья подготовлена при поддержке: РФФИ, проект № 20–011–00282 «Частный сектор» региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности «негородских» сообществ» в части исследований в России; Грантовый научный проект «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан (AP08856205)», финансируемый Комитетом Министерства образования и науки Республики Казахстан в части исследований в Казахстане.

Научная специальность: отечественная история.

Важнейшей частью советской социалистической трансформации был проект нациестроительства. В его меняющихся со временем задачах были как создание «новой исторической общности – советского народа», так и – на пути к этому – развитие, а иногда и формирование локальных этнонаций. Важнейшим инструментом стало административно-политическое районирование страны по этническому принципу и институционализация этничности в целом. После распада СССР проекты по выстраиванию наций продолжились внутри суверенных государств. При огромных сущностных различиях в них много общего: генетическая связь с советским прошлым, инструментарий социальной инженерии, государственный формат, этническое понимание нации.

Разведенные во времени и осуществляемые разными *акторами* советский и суверенные проекты объединяет понимание роли городов как ключевого механизма формирования нации. Получая от власти новые функции, города сами радикально меняются как по составу населения, так и по характеру взаимоотношений в их сообществе.

Мы попытались сопоставить развитие двух провинциальных городов: уездного Верхнеудинска, назначенного в советскую эпоху – быть столицей советской Бурятии (перед ним стояла задача выращивания «социалистической нации» из разобщенного по племенам сельского бурятского населения) и Усть-Каменогорска, который в суверенном Казахстане призван участвовать в формирования нации-государства в одном из регионов.

Оба проекта базируются на этническом принципе, который заложен в основу и властных отношений, и структур повседневности. При общности стратегии этнокультурные задачи были поставлены разные. В советском варианте предполагалось на базе традиционной неписьменной культуры выстроить культуру высокую, создав для этого единый литературный бурятский язык и массовую литературу на нем, причем в многонациональном государстве, где русская культура и язык были общей платформой взаимодействия, управления и модернизации.

В Казахстане аналогичная задача была уже решена, поэтому основная цель состоит в том, чтобы привнести в европеизированный город основы традиционной культуры. Для создания нации город (при опоре на вчерашнее сельское население) должен выстраиваться с учетом казахских традиций, обычаев.

Разные миссии, разные времена и контексты – но похожая ситуация, в которой этнически и культурно *иной* город должен, используя известную метафору о трансформации «крестьян во французов», превратить патриархальные традиционалистские сельские общества в современную нацию.

Здесь мы прослеживаем перемены в городском пространстве, характере отноше-

ний и связей, вызванные реализацией этой программы, и ставим вопрос: насколько успешный и динамичный путь от Верхнеудинска к Улан-Удэ в Бурятии воспроизводим в Усть-Каменогорске? Каковы перспективы города – его языка, культуры, образа жизни, социальной и этнической структуры, характера взаимоотношений и социальных связей – в контексте нациестроительства?

Улан-Удэ – «советская столица национальной республики»

Процессы нациестроительства в советской Бурятии (Varnavskii et al., 2003; Skrynnikova et al., 2004; Amgolonova et al., 2005), динамика развития ее столицы (Istoriya Buryatii, 2011; Ulan-Udeh – 350, 2016; Panarin, 2005: 23–94; Baldano et al., 2017: 225–235) хорошо изучены. Мы рассмотрим роль столичного города в деле трансформации сельских полукочевых, разбросанных на огромных территориях племен в современную городскую общность.

В рамках советского проекта уездному торговому Верхнеудинску (с минимальным присутствием титульного населения, русскому по составу населения и культуре) было поручено стать столицей создаваемой бурятской национальной автономии. Патерналистскую функцию по выращиванию коренной политической и культурной элиты выполняли уполномоченные центральной властью представители (русские или русифицированные). Наличие или отсутствие национальных кадров учитывалось, но не имело первостепенного значения.

Какие же ресурсы имел для этого город? От прошлого ему досталась инфраструктура, в т. ч. железная дорога и депо, некоторая промышленность, развитая торговля, соответствующее население, пусть и уменьшившееся во время гражданской войны. Присутствовал немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу активный слой европейски образованной (через русский язык, культуру и систему образования) бурятской интеллигенции, которая получила большой политический опыт и влияние в ходе революции и во времена Дальневосточной республики. Тогда же подросла и коммунистическая бурятская элита, возглавившая проект. Национальный эксперимент советской власти объединил этот слой и город (Buriaty…, 2017). На выбор повлияло также срединное положение между разделенными огромными пространствами и культурными различиями восточными и западными бурятами.

Центральная власть наделяла столицы автономий дополнительными политическими и материальными ресурсами. Более высокий, чем у обычного областного центра, статус давал особое представительство на федеральном уровне (что открывало лоббистские возможности городу и представителям местной элиты), дополнительное финансирование соответствующих функций (наличие республиканского правительства, министерств и т. д.).

Формировалась особая инфраструктура города – политическая, образовательная, культурная. Создавались лифты (социальные, образовательные, карьерные) для титульного населения республики. В целях коренизации для него выделяли квоты при формировании властных структур, научной и творческой интеллигенции – вплоть до квот на бирже труда в период нэпа. Всю советскую эпоху существовали квоты для обучения в вузах центральных городов. Коренизация (Martin, 2011) – не просто прагматически циничный (для обеих сторон) временный союз советской власти с национальными элитами для победы в гражданской войне и не только инструмент продвижения идеи мировой революции. Выращенные посредством этой политики социалистические национальные кадры виделись инструментом установления внутреннего контроля и глубинной советизации формируемых наций, механизмом их модернизации и интеграции в советскую социалистическую общность.

Показательны неотъемлемые черты статусного города того времени, его «визитная карточка»: правильная планировка улиц, многоэтажные дома с современными удобствами, памятники (хотя бы в центре, который зачастую создавали заново). Стандартный комплект столицы включал

полный набор бюрократических структур с соответствующим штатом чиновников и служащих, систему высшего образования, театры, музеи, национальную прессу и издательство. Создавались активные и влиятельные творческие организации, академические институты с разными перечнями специальностей, но с обязательным гуманитарным компонентом. Педагогический институт (позднее – университет) и исследовательский институт гуманитарного профиля не только готовили кадры для модернизации, но и вносили огромный вклад в формирование и консолидацию местной административно-политической и культурной элиты.

Со временем прежние задачи стали неактуальными или считались решенными. Зато росло опасение по поводу набравших силу элит, имевших ресурс национальной мобилизации, вследствие чего проходили регулярные «чистки» и приступы борьбы с буржуазным национализмом. Но сворачивание курса на коренизацию не ликвидировало статуса национальных столиц. Их инфраструктура продолжала воспроизводить культурные и административные элиты и национальные дискурсы, формировать нации дальше.

В принципе, процесс нациестроительства бесконечен, но результаты советского проекта оценить можно. Индикаторами здесь будут следующие:

- урбанизированность (доля горожан в составе титульного населения республики);
- доля титульного населения в составе жителей столичного города:
- уровень его образованности (сравнительно с русским населением);
- доля в численности элиты города (властной, образовательной, культурной);
- социально-профессиональная структура и место в городском разделении труда;
- характер и уровень традиционалистских связей и отношений, их место в регулировании экономических, политических, культурных взаимоотношений и связей горожан;
- роль религии как маркера и механизма воспроизводства этнической культуры;
- язык городской жизни (русский или/и титульный);
- массовая культура (соотношение русского, общесоветского и коренного элементов);
- потенциал этнополитической мобилизации.

Верхнеудинск сменил название, став Улан-Удэ. Помимо этого произошли изменения в этническом составе и социальной структуре в связи с массовым притоком нового населения, значительную часть которого составляли буряты. За 1989–2002 гг. доля этой группы в населении Бурятии выросла с 24 % (249500) до 28 % (272910), а в Улан-Удэ – с 21 % (74243) до 29 % (103742) (Petrova, 2009: 109–110).

В тот же период сложилась классическая городская инфраструктура столицы: от органов власти до музеев и театров. Специально формировались новые социально-профессиональные группы: номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Сельское же население стало материалом для социальной инженерии. И все это происходило в контексте социалистической индустриализации.

Со временем появилась многоуровневая система образования – от детских садов до высших учебных заведений. По данным переписи 1970 г., доля лиц с высшим образованием у бурят составила 54 человека на 1000 (у русских же – 27 человек). В 1994–1995 учебном году буряты составляли 54,6 % студентов республики, их доля среди преподавателей вузов – около 70 % (Varnavsky, 2003: 107–132, 111, 115). Одним из следствий этого стал высокий уровень социальной мобильности.

По данным Комитета госслужбы, кадровой политики по работе с местными администрациями РБ (1995 г.), доля бурят среди руководителей министерств, госкомитетов и их подразделений была 52–65 %, среди судей городских судов – 71 %, в налоговых инспекциях – 72 %, в Бурятском научном центре – 68–82 % (Petrova, 2009:

144). По оценке Ю. Б. Рандалова, среди собственников и руководителей закрытых акционерных обществ (АО) 62 % являются бурятами, в открытых АО – 40 %, в обществах с ограниченной ответственностью (ООО) – 47 %. Также буряты составляют 52 % руководителей индивидуальных частных предприятий, 71 % владеет крестьянскими фермерскими хозяйствами (Buriaty, 2004: 569).

Одновременно развивается литературный бурятский язык, на котором публикуются СМИ и художественная литература. Благодаря этому выстраивается соответствующая издательская база. Устный народный эпос «Гэсер» становится письменным текстом, литературным произведением современного типа, базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации. Огромное значение придается его переводам на русский язык (Dugarov, 2007: 5–11).

Известный бурятский ученый и общественный деятель Т. М. Михайлов констатировал: «Буряты…в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь средоточие национального духа» (Mikhailov, 1996: 18–25).

Столичные функции способствовали радикальной реорганизации городского пространства. Формировались элементы и маркеры не только социальной, но и этнической сегрегации. Старый Верхнеудинск (32616 жителей в 1929 г.) состоял из деревянных (96 %) одноэтажных (95 %) домов, где не было водопровода, канализации (к 1940 г. электрифицировано только 40 % квартир и домов). Каменными были несколько многоэтажных купеческих домов, магазины и лавки, Гостиный двор на центральной площади, базарная площадь, одноэтажные присутственные места, несколько храмов (Plekhanova, 2016: 64–69; Breslavskii, 2012: 22–30).

Постепенно на окраине старого города был выстроен новый центр в конструктивистском стиле из комплекса административных зданий и культурных учреждений. Он символично расположен на возвышенности над традиционным центром и продолжается Проспектом Победы с «домами специалистов» для формирующейся элиты, преимущественно (но не обязательно) бурятской. На многих его домах – «сталинках» стены покрыты мемориальными досками, отражающими всю политическую и культурную историю республики. Это символ «настоящего города», контрастирующий с «частным сектором» (Alekseeva, Galindabaeva, 2014: 20–32).

В послевоенные годы начался массовый приток сельских мигрантов. Зачастую они концентрировались в отдельных районах, обычно пригородных. Б. Жимбиев описывает ситуацию, когда в 1960-е годы захватным методом возник пригород, получивший характерное неофициальное название «Шанхай». В основном его населяли буряты, которые воспроизводили элементы деревенской жизни – вплоть до содержания домашнего скота (Zhimbiev, 2000: 60).

Так формировались символы не только социальной, но и этнической сегрегации. С одной стороны, пригороды, заселяемые мигрантами из деревень (не обязательно, но по преимуществу бурятами), с другой – элитные дома специалистов с преобладанием бурят.

Этническое маркирование элитных или, напротив, маргинальных городских районов было, конечно, совершенно неофициальным и во многом стереотипным. Но оно соответствовало общему тону отношений и взаимодействий, в основе которых лежал принцип институционализации этничности. Официальные открытые (это важно для советского периода) установки на квоты для «националов» в составе элиты, этнически маркированные льготы и ограничения делали привычным и законным подобный взгляд и в других сферах жизни.

Учет этнической принадлежности на всех уровнях (официальных и неофициальных) становился нормой. Здесь возникает вопрос о наличии (или отсутствии) как минимум двухобщинного населения, в ко-

тором взаимоотношения между горожанами, их социальные связи детерминируются принадлежностью к группе, причем у каждой общины есть свои символы, лидеры, сети и отношения, зачастую – ниши в разделении труда, а также этнически окрашенные районы города, организованные по национальному признаку кланы – в политике, администрировании, профессиональной сфере, в криминале или молодежных группировках.

Вряд ли существует однозначный ответ на этот вопрос в силу текучести ситуация. Скорее можно говорить о противоречивых и не ярко выраженных тенденциях. На ранних этапах урбанизации буряты были новичками в городской жизни и культуре, хотя и с элитным статусом титульного населения. Они были и остаются в количественном меньшинстве. Им были свойственны социальные (элита – пауперы) и культурные (образованные – необразованные) разрывы. Горожане сложно относятся к сельским мигрантам-бурятам, которых часто пренебрежительно называют головарами (Buriaty, 2008: 133–148). Вместе с тем у приезжих существует острая потребность в совместных усилиях и коллективистских практиках для адаптации к городской жизни и для освоения ее ресурсов. Отсюда – активизация и инструментарное использование родоплеменных и семейных сетей и связей поверх социальных и культурных границ.

По словам польского антрополога Збигнева Шмыта, «… практика родства и этнических связей конституирует бурятских мигрантов в группу. С другой стороны, элементы, приписываемые этнической группе, такие как язык, религия, традиции хозяйствования, могут исчезнуть или быть заменены в чистый символ – признак группы. Но все-таки я не представляю себе бурята, который перестал бы спрашивать – «Ты с какого района?» (Shmyt, 2013: 178).

В 1990-е годы эти неформальные отношения были институционально оформлены созданием землячеств, зарегистрированных в качестве юридических лиц. По оценке Кэролайн Хамфри, «… хотя их публичные цели обычно связаны с развитием культуры, они играют также роль сетей взаимопомощи и инструмента лоббирования» (Humphrey, 2010: 125). Несмотря на то что землячества как территориально-родовые группы жестко привязаны к определенным внегородским территориям, их реальные центры и лидеры концентрируются в Улан-Удэ. Отношение к ним довольно противоречиво. Для многих они выступают в качестве инструмента этнокультурной консолидации, маркера этнической идентичности. Но есть и оценка землячеств как проявления трайбализма, родового противостояния, препятствия на пути этнической консолидации (Buriaty, 2004:577–587).

Не менее сложна и противоречива оценка этнической составляющей в деятельности молодежных группировок 1970–1980-х годов, которые были важным институтом социализации нескольких поколений горожан (Karbainov, 2009:132). Не случайно изложение в одной из газет города (Makhachkeev, 2010) текста статьи Кэролайн Хамфри по этой теме вызвало бурную и нервную дискуссию в интернете. Протест вызвал тезис о том, что «корни феномена – в конфликте между русской рабочей молодежью («городские») и бурятскими парнями из окружающей сельской местности («деревенщина»). Последние, в ответ на «расистское» презрение со стороны русских, демонстративно называли себя восточными кличками – «чанкайшистами» или «хунхузами» (Humphrey, 2010: 269). Масса откликов ветеранов движения и серия исследовательских статей (авторами некоторых были тоже ветераны) говорит скорее в пользу оценки Николая Карбаинова: «Если в 1960–1970-х годах для движений улан-удэнской молодежи было характерно деление их по социально-этническому принципу, когда чавы – это в основном жители рабочих поселков, русские, а чуваки – жители благоустроенных районов, буряты, то в 1980-х годах состав группировок становится всё более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения» (Karbainov, 2009: 140).

С развитием рыночных отношений меняется конфигурация внутренних границ от внутригородского противостояния по районному и/или этническому принципу к отторжению «головаров» – новичков, сельских парней, агрессивно осваивающих городское пространство. И здесь стоит привести большую, но важную и яркую цитату из монографии бурятских исследователей: «Новая волна (точнее было бы сказать, цунами) сельской миграции в город в постсоветских условиях рыночной экономики резко изменила ситуацию явного и неявного противостояния… Сегодня сельская молодежь, бросая вызов устоям городской культуры, делает это как будто в отместку за свою былую и вынужденную маргинальность. Свою чуждость нормам и условностям городской культуры они выражают в весьма агрессивной, вызывающей форме или, во всяком случае, настойчиво подчеркивают ее … В этом кураже сельчан культивируется комплекс абсолютной полноценности». Ответную агрессивность и неприязнь среди городской молодежи «вызывают не вообще сельские жители (половину сельского населения Бурятии составляют русские старожилы и староверы), а именно выходцы из бурятских улусов» (Buriaty, 2008: 141–142).

Городская культура функционирует на базе русского языка, который, будучи языком всего городского сообщества, а не отдельной этнической группы, деэтнизируется, перестает восприниматься как собственность или маркер отдельных этнических групп или даже лингвафранка. Многие горожане говорят по-бурятски, во время переписей населения называют его родным, но, как отмечает крупнейший специалист по этой проблеме Г. А. Дырхеева, «… при относительно высоком проценте признавших родным бурятский язык количество активно им владеющих резко сократилось» (Dyrkheeva, 2002: 31). Это можно интерпретировать как манифестацию этнической идентичности, показатель того, что переход на русский язык не признак ассимиляции, а показатель нового, синтетического качества бурятского сообщества. Есть, однако, и устойчивое мнение о том, что потеря бурятского языка, даже двуязычие с преобладанием русского языка – это прямой путь к ассимиляции (Dyrkheeva, 2003; Dyrkheeva, 2002; Iazykovoe soznanie, 2016).

Довольно многочисленные бурятские мигранты в странах Европы и Америки могут в зависимости от ситуации идентифицировать себя в качестве русских (выходцы из России, русскоязычные), монголов (как части монгольского культурного мира), сибиряков, буддистов и, конечно, бурят. Они воспроизводят и земляческий принцип самоорганизации, но уже по стране проживания (Migratsii i diaspory, 2017: 102–118).

Процессы модернизации ведут к формированию устойчивых групп городского населения поверх этнических границ – по уровню и качеству образования, по профессии и сфере занятости. И без того не очень отчетливое этническое разделение труда в городской экономике постепенно размывается. Высокий уровень урбанизированности, образованности и профессиональной конкурентоспособности может вести к индивидуализации, утере интереса к жизненно важной ранее роли общинных связей при адаптации к городской жизни. Укрепление индивидуально выстраиваемых взаимоотношений по профессии, образованию, социальному статусу и т. д., конечно, не мешает использованию в городской жизни родоплеменных и семейных связей– как дополнительного инструмента в борьбе за городские ресурсы.

Явно выражена тенденция формирования территориального сообщества, оценивающего столичный статус в качестве общего и ценного ресурса всех горожан, независимо от этничности. В качестве показателя можно назвать болезненную, этнически не окрашенную реакцию на идею губернизации, укрупнения регионов, на тенденцию к утрате символических маркеров федерализма.

В любом случае языковая и социокультурная ситуация, отражающая глубокие процессы преобразований в городе, не спо-

собствует формированию двухобщинной модели взаимоотношений.

Усть-Каменогорск в проекте суверенного нациестроительства

В основу развития суверенного Казахстана положен проект формирования современной нации на этнической казахской основе. Огромным препятствием для этого была социально-демографическая структура, так как большинство казахов проживало в селе. Городские сообщества, где они были в меньшинстве, формировались на основе русского языка и культуры. И хотя задачи создания единого литературного казахского языка, высокой и массовой культуры, системы образования, национальной элиты были решены в советскую эпоху, это не привело к консолидации общества.

«Советский модернизационный проект в Казахстане… разделил казахов на два не связанных между собой мира. В одном из них осталась традиционная казахская культура, в другом возникла русифицированная культура советского индустриального города… Русифицированный город был отключен от казахского мира» (Kadyrzhanov, 2019). По словам Олжаса Сулейменова, «… в ауле традиционно сильно родоплеменное сознание. Если ты с детства погружен в никем не разбавленную казахскую среду, ты и не знаешь, что ты казах. Этот обобщающий этноним в твоем сознании занимает не первое место. Прежде всего – имя рода, потом – племени. А тот, кто родился и вырос в городе, с малых лет приучается осознавать себя казахом … Таким образом, в Казахстане аул воспитывает родоплеменное сознание, город – национальное и, вместе с тем, интернациональное» (Sultanbaeva, 2019).

Для реализации суверенного проекта нациестроительства требовалось добиться количественного преобладания казахов, урбанизировать их, создать в городах казахское большинство, «… отражающее традиции казахского народа» (Baiandarov, 2010). Это могли сделать сельские жители, являющиеся, по словам Н. А. Назарбаева, «генетическим олицетворением нации» (Nazarbaev, 2002). «Казахский мир» должен прийти в русифицированный город и, адаптируясь, изменить его: «40 % населения на селе, как у нас, не должно быть. Такого нет нигде в мире. Может остаться 15–20 %, и мы должны быть готовы к этому» (Nazarbaev, 2003).

За счет высокой рождаемости, этнически выраженной иммиграции, оттока неказахского населения в 1989–2009 гг. удельный вес казахов в общей численности населения вырос с 39,7 % до 63,1 %, в городском населении – с 26,6 % до 55,9 % (Statisticheskii, 1991: 7–9; Perepis', 2010: 11–23). Их доля среди студентов выросла за 1970–1989 гг. с 40 % до 54,2 % (Narodnoe khoziaistvo, 1990: 218; Itogi, 1992: 176–185), к 2020 г. – до 86,5 % (429353 из 486209 человек).

Изменялась структура занятости. В 1989 г. в промышленности было занято всего 13 % казахов (Itogi, 1992: 3). Согласно переписи 2009 г., их доля в государственных структурах составляла 73,9 %, в финансах – 63,5 %, в образовании и здравоохранении – 64,9 %, в строительстве – 52,7 %, на транспорте и в связи – 51,0 %, в торговле – 48,6 %, в промышленности – 44,0 %. (Zaniatost', 2010: 147–148). Система этнического разделения труда постепенно размывается, а вслед за ней и традиционный образ жизни.

Эти изменения фиксируются во властном дискурсе: «Мало кто заметил, что… казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но и по существу… Сегодня уже во всех сферах бизнеса, менеджмента, информационно-технологической сфере, в наиболее престижных сферах широко представлено городское казахское население. Этот сдвиг принципиально важен для понимания того, что происходит в обществе. Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации» (Nazarbaev, 2006).

Постепенно количественные сдвиги в структуре населения в результате сельско-

городской миграции начинают переходить в «качество». У городов появляется новая миссия – стать центрами притяжения и модернизационной трансформации. Они признаны казахами «своими» и включены в национальные социокультурные приоритеты. Сложнее – с модернизацией казахского населения на этнической городской основе.

И здесь чрезвычайно показательна языковая ситуация. В справке Института языкознания АН Казахской ССР для ЦК Компартии Казахстана отмечалось, что хотя по данным переписи 1989 г. более 98 % казахов указали в качестве родного языка казахский, «… на самом деле число не знающих или плохо знающих казахский язык достигает почти половины казахского населения. В городской языковой среде наблюдалось еще более удручающее положение» (Abylkhozhin, 2019: 422). За 1999–2009 гг. доля казахов, владеющих русским языком, выросла с 75,0 % до 92,0 (Natsional'nyi, 2000: 6–8; Natsional'nyi, 2010: 329). В 2014–2020 гг. удельный вес детей, обучающихся на русском языке, повысился с 30,6 % до 31,5 % (Asylbekov, 2021).

При этом «новые горожане» связаны с селом множеством родственных, экономических, культурных нитей. На начальных этапах городского существования конструируется своеобразное общество, базирующееся на традиционной основе: «… это проявление функционирования так называемой большой семьи, то есть целого семейного клана. А также неформальные объединения, основанные на родоплеменных признаках. Так что можно сказать, что социальную активность в Казахстане определяют сильные формы традиционного общества, слабые формы постиндустриального общества и очень слабые формы индустриального общества» (Shibutov, 2013).

Эта противоречивая динамика остро ставит проблему взаимной адаптации сельских мигрантов и городских сообществ, сельской и городской культур, казахского и русского языка. Характер (и даже вектор) этого процесса тесно связан с демографической и социально-профессиональной дифференциацией, большим региональным разнообразием. Города также различаются по истории формирования, функциям и структуре населения. Их можно условно разделить на два типа по особенностям взаимной адаптации горожан и мигрантов (столицы требуют отдельного анализа): «автохтонный» и «европейский».

К «автохтонному» можно отнести города с преобладанием административно-распределительных функций, где достаточно давно сложилась городская казахская культура, всегда был сравнительно высоким удельный вес казахского населения, велика роль казахского языка: Актау (Шевченко), Атырау (Гурьев), Семей (Семипалатинск), Кызылорда (Кзыл-Орда), Шымкент (Чимкент) и т. д. Сюда идет интенсивный приток сельского населения, городское пространство здесь скорее этнизируется, чем модернизируется.

«Европейский» тип – русскоязычные промышленные города с соответствующей структурой населения (Усть-Каменогорск, Караганда, Павлодар, Петропавловск и т. д.). Они консервируют русскую (отчасти и советскую) культуру, приспосабливают к себе сельских мигрантов. Здесь в роли «принимающего» общества выступает нетитульное, в основном русское, население, а функции «гостей» выполняют казахи – «титульные» в стране. Вопрос «Кто к кому должен адаптироваться?» приводит к различным и весьма неоднозначным сценариям. Важнейшие городские социальные ниши (властные структуры, образование, экономика и т. д.), многие десятилетия функционировали на «советской» основе и были максимально русифицированы. Инерция этого наследия быстро не преодолевается.

Именно этот вариант мы рассмотрим на примере Усть-Каменогорска, административного центра Восточно-Казахстанской области. Его историческое развитие сформировало особый состав населения, структуру экономики, образ жизни, закрепленные в названиях улиц, памятниках и других символах, фиксирующих этнокультурные предпочтения «старого» городского населения.

Основанный в 1720 году, Усть-Каменогорск на протяжении XVIII–XIX вв. играл роль военно-административного и торгового центра, форпоста Российской империи. В советские годы здесь построен комплекс предприятий цветной металлургии, горно-металлургический институт АН КазССР, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института цветных металлов (ВНИИЦВЕТМЕТ), проектный институт Казгипроцветмет, два вуза, пять техникумов.

История и промышленная специализация города предопределили динамику этнического состава населения (табл. 1). Первыми жителями были казаки, сибирские крестьяне, ссыльные. Послевоенный бурный рост происходил за счет миграции из-за пределов Казахстана и внутриобластной миграции русского населения. Последнее полностью доминировало в Усть-Каменогорске вплоть до конца советского периода, когда начинает расти численность казахов. В годы независимости эта тенденция радикально усиливается, что наряду с оттоком русских привело к увеличению доли казахов к 2020 г. до 46,8 %. В силу демографической динамики в ближайшие годы приток новых горожан из села должен вырасти.

Индустриальная структура занятости при этом сохраняется, но выросла доля занятых в торговле (17,8 %) и «прочих услугах» (12,2 %), т. е. преимущественно в малом и среднем бизнесе.

Статистики по этнической структуре занятости в открытом доступе нет. Косвенные данные (интервью, визуальные наблюдения, материалы СМИ) позволяют предполагать, что сложились два полюса наибольшей этнической концентрации: **1) государственное управление** – перевес казахов. **2) промышленное производство** – перевес русских. Однако казахи активно заполняют все профессиональные и социальные ниши, в т. ч. и в промышленности,

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Усть-Каменогорска
Table 1. The number and ethnic composition of the population of Ust-Kamenogorsk

Годы	Все население	В том числе					
		Казахи		Русские		Другие	
	Численность	Численность	%	Численность	%	Численность	%
1897	8721	656	7,5	7325	84,0	740	8,5
1926	13909	684	4,9	11381	81,8	1844	13,3
1939	20141	1645	8,2	16549	82,2	1947	9,6
1959	159335	7045	4,4	133618	83,9	18672	11,7
1970	230340	11830	5,1	199240	86,5	19270	8,4
1979	274716	19019	6,9	232166	84,5	23532	8,6
1989	322781	34097	10,6	263179	81,5	25505	7,9
1999	320234	62136	19,4	238057	74,3	20041	6,3
2009	298866	79313	26,5	203499	68,1	16054	5,4
2021	348832	163296	46.8	174211	49.9	11325	3,3

Источники: Первая всеобщая перепись, 1905 г.: стр. 54–55
Всеобщая перепись населения, 1926 г.: стр.15–18
Всеобщая перепись населения, 1939 г.: 336–558. Таблица 27.
Итоги всесоюзной переписи населения, 1962 г.: стр. 41–42
Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г.: стр.13,
Данные Восточно-Казахстанского 1991 г.: стр. 235
Итоги переписи населения, 2001 г.: стр.43
Данные департамента статистики, 2009 г.
Численность населения, 2021 г.

где они уже преобладают среди инженеров. Активно идет замещение и в рабочих коллективах. О перспективах свидетельствует ситуация с подготовкой кадров: из 5 тысяч студентов Восточно-Казахстанского технического университета (ВКТУ) казахи составляют 75–80 %. Занятия ведутся на казахском и русском языках, но 30–40 % казахов обучаются на русском языке. В магистратуре обучение организовано в основном на английском языке.

Останутся ли русский язык и русская культура атрибутами города – вопрос открытый. Пока стремление к попаданию в социально значимый слой требует от вчерашних сельчан не только образования и овладения профессией, но и знания русского, а часто и английского языка.

Этому способствует и визуальное пространство города, которое во многом формирует тип взаимоотношений его жителей. Ономастика и архитектура современного Усть-Каменогорска сформированы в советский период и этнической нагрузки не несут. Иными словами, этнизации городского пространства не произошло. После трех десятилетий независимости подавляющее большинство улиц носит «*досуверенное*» название. Названия магазинов, торговых центров, кафе и т. д. в центре города представлены на русском и английском языках, это говорит о том, что малый бизнес ориентирован на полиэтничное пространство «третьего места» (Oldenburg, 2014). Таким образом, Усть-Каменогорск демонстрирует вариант развития казахстанского городского пространства по «европейскому» типу. Казахи из села должны были «встраиваться» в русифицированную городскую среду, одновременно привнося в нее элементы национальной культуры. Постепенно сформировался полиэтничный русскоязычный слой из городских казахов и русских, но он видоизменяется в результате сокращения европейской части и увеличения доли сельских мигрантов. Следствием стало появление симптомов рурализации городского пространства, что тревожит коренных «усть-каменогорских» казахов, не приемлющих манеру общения, бытовое поведение «новых горожан». И если проблема межэтнических противоречий, важная для 1990-х годов, постепенно теряет остроту, то проблемы и конфликты становления казахского городского общества становятся все более актуальными.

Заключение

Сравнение провинциальных городов, задача которых – быть инструментом урбанизации и модернизации патриархального иноэтничного сельского населения округи, дает возможность выявить многие важные механизмы и последствия проектов нациестроительства.

Для уездного торгового Нижнеудинска/Улан-Удэ и мощного индустриального центра Усть-Каменогорск ситуации различны. В первом случае – это прямое назначение столицей автономии со стороны центральной власти и адресное наделение политическими, властными, экономическими, символическими ресурсами. В другом – участие, наравне с другими городами, в урбанизации и модернизации сельского общества в рамках общегосударственного проекта. Здесь нет персонального поручения и адресных ресурсов. Принципиально отличается контекст. Выстраивание бурятской автономии проводилось в многонациональной стране как часть общего проекта институциализации этничности, где сложно и противоречиво взаимодействуют параллельно проводимые процессы нациестроительства в рамках всего государства и в отдельных национальных административно-политических образованиях. В постсоветском суверенном Казахстане реализуется проект формирования государства-нации на казахской этнической основе.

Объединяет эти кейсы логика проектов, идея социальной управленческой инженерии и, что особенно важно для данного текста, понимание решающей роли города. Миссия урбанизации и модернизации «титульного» населения возложена на культурно, а также этнически иные города. Это изменяет (иногда радикально) исторически сложившуюся траекторию их

развития. Города стали мощными центрами притяжения «титульного» сельского населения и формирования на его основе общностей нового типа – «городских бурят» и «городских казахов». Их «новая» культура создается как результат сложного синтеза русского и собственного языков, культуры в жестких рамках городской экономики, социальной структуры, образа и стиля жизни.

Это сообщество настороженно относится к новой волне сельских мигрантов, которые активно, иногда даже агрессивно, вторгаются в город, принося с собой элементы традиционализма и тенденцию урализации, становятся самостоятельным актором взаимоотношений. И это значительно меняет вектор процесса нациестроительства. Происходит динамичное, часто конфликтное взаимодействие титульных горожан, русских и новичков – сельских мигрантов – в рамках, задаваемых городом, а также политикой власти.

В силу исторических факторов город может менять свои функции и статус. Иногда быстро, внезапно и радикально. Это может сопровождаться изменением демографической, этнической и социальной структуры населения, образа жизни и характера взаимоотношений в городском сообществе. В рассматриваемых случаях данный процесс этнически маркирован. Это может отражаться в топонимике, этнической сегрегации пространства (или образе такой сегрегации), в этнически окрашенной системе разделения труда, в характере и стиле взаимоотношений простых горожан с элитными группировками. Формируется синтетическая городская культура, оппозиционная сельской.

И все это в динамике, взаимодействии различных и разнонаправленных тенденций с непредопределенным результатом. С открытым финалом – если можно вообще говорить о финале в таком процессе, как нациестроительство.

References

Abylkhozhin, Zh.B. (2019). *Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i ne sostoiavshikhsia deklaratsii (1953–1991 gg.) [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)].* Almaty, 422 p.

Alekseeva, M.S., Galindabaeva, V.V. (2014). Formirovanie konstruktov elitarnosti v kontekste protsessov sotsial'noi segregatsii gorodskogo prostranstva (na primere prospekta Pobedy v g. Ulan-Ude) [Formation of constructs of elitism in the context of processes of social segregation of urban space (on the example of Pobedy Avenue in Ulan-Ude)]. In *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology],* 3,20–32.

Amgolonova, T.D., Elaeva, I.E., Skrynnikova, T.D. (2005). *Buriatskaia etnichnost' v protsesse sotsiokul'turnoi modernizatsii (postsovetskii period*) [Buryat ethnicity in the process of socio-cultural modernization (post-soviet period)]. Irkutsk: Radian, 246 p.

Asylbekov, Zh. (2021). Ugrozhaiut li kazakhskomu iazyku smeshannye shkoly? [Are mixed schools threatening the Kazakh language?]. In *Qmonitor [Qmonitor].* 9.02.

Baiandarov, S. (2010). Novye podkhody v konsolidatsii obshchestva: problemy i aspekty [New approaches in the consolidation of society: problems and aspects]. In *Kazakhstanskaia Pravda [Kazakhstanskaya Pravda].* 26.02.

Baldano, M., Diatlov, V., Kirichenko, S. (2017). Gorod, stavshii Domom. Ot uezdnogo Verkhneudinska k stolichnomu Ulan-Ude [The City that became Home. From the uyezd Verkhneudinsk to the capital Ulan-Ude]. In *Druzhba narodov [Friendship of peoples].* 6, 225–235 p.

Breslavskii, A.S. (2012). *Postsovetskii Ulan-Ude: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991–2011 gg.) [Post-Soviet Ulan-Ude: cultural space and images of the city (1991–2011)].* Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 156 p.

Buriaty (2004) [*Buryats*] Ed. by L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaia. Moscow: Nauka, 633 p.

Buriaty v etnopoliticheskom prostranstve Rossii: ot imperii do federatsii (2017). *[Buryats in the Ethnopolitical space of Russia: from the empire to the federation]*. Ed. by P.K. Varnavskij. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 320 p.

Buriaty: sotsiokul'turnye praktiki perekhodnogo perioda (2008) *[Buryats: socio-cultural practices of the transition period]*. Ed. by P.K. Varnavskij. Irkutsk: INO-Tsentr (Informatsiia, nauka, obrazovanie), 346 p.

Chislennost' naseleniya Kazakhstana po otdel'nym ehtnosam na nachalo 2021 goda (2021) [The population of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2021]. Komitet po statistike Ministerstva natsional'noj ehkonomiki. Nur-Sultan, 2021.

Dannye Vostochno-Kazakhstanskogo oblastnogo upravleniya statistiki (1991)[Data from the Department of Statistics of East Kazakhstan region]. Ust'-Kamenogorsk, 1991.

Dannye departamenta statistiki Vostochno-Kazakhstanskoj oblasti (2009)[Data of the Department of Statistics of the East Kazakhstan region]. Ust'-Kamenogorsk, 2010.

Dugarov, B.S. (2007). Buriatskaia geseriada – pesn' vo vremeni i prostranstve [Buryat Geseriada – a song in time and space]. In *Abai Geser Bogdo khan. Buriatskii narodnyi epos [Abai Gesar Bogdo Khan. Buryat folk epic]*. Aginskoe: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 696 p.

Dyrkheeva, G. A. (2003). *Iazykovaia situatsiia i iazykovoe zakonodatel'stvo v Respublike Buriatiia [Language situation and language legislation in the Republic of Buryatia]*. Moscow: Izdatel'stvo RUDN, 50 p.

Dyrkheeva, G.A. (2002). *Buriatskiiiazyk u usloviiakhdvuiazychiia: problemy funktsionirovaniia i perspektivy razvitiia [Buryat language in conditions of bilingualism: problems of functioning and prospects of development]*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 189 p.

Humphrey C. (2010). *Politicheskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii (antropologicheskie ocherki*) [*Political transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays)]*. Moscow: Natalis, 384p.

Iazykovoe soznanie i iazykovye ustanovki zhitelei prigranichnykh raionov vostoka Rossii: na primere Respubliki Buriatiia i Zabaikal'skogo kraia (2016) [Language consciousness and language attitudes of residents of the border regions of the East of Russia: on the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory]. Ed. by Eh.V. Khilkhanova, G.A. Dyrkheeva, L.M. Lyubimova, D.B. Sundueva. Moscow: Nauka,174 p.

Istoriya Buryatii: v 3 t. T. 3 – XX–$5X1 vv. (2011) [The history of Buryatia: in 3 vols. 3 – XX–$5X1 centuries].Ed. by B.V. Bazarov. Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 464 p.

Itogi perepisi naseleniya 1999 g. po Vostochno-Kazakhstanskoj oblasti (2001) [Results of the 1999 population census in the East Kazakhstan region]. T. 2. Almaty, 43 p.

Itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1989 g. (*1992). [Results of the All-Union Census of 1989]*T. 2. Alma-Ata. 3 p.

*Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959 g. Ed. by Kazakhskaya SSR*1962 *[Results of the All-Union Population Census of 1959, Kazakh SSR]*. Moscow, 13 p.

Itogi Vsesoyuznoj perepisi 1970 g. (1973*).[Results of the All-Union Census of 1970]*. T. 4. Edited by Moscow, 235 p.

Kadyrzhanov, R. (2019). Raskolotyi mir kazakhov: k chemu privela rusifitsirovannaia modernizatsiia? [The split world of Kazakhs: what did Russified modernization lead to?]. In *Central Asia Monitor [Central Asia Monitor]*. 13.03., available at: URL: https://news-front.info.

Karbainov, N.I. (2009). «Ei, khunkhuz, kuda idesh?! Zdes' bratva i ty umresh!»: «ulichnye voiny' v Ulan-Ude [«Hey, hunkhuz, where are you going?! Here the lads and you're gonna die!»: «street wars» in Ulan-Ude]. In *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku [Youth Street groups: an introduction to the problems]*. Moscow: Institute etnologii i antropologii RAN, 340 p.

Kazakhstan 2009 goda: kratkieitogi (2010). *[Kazakhstan 2009: summary results]*. Astana. 11–23 p.

Makhachkeev, A. (2010). Molodezhnye bandy Ulan-Ude [Molodezhnye bandy Ulan-Ude]. In *Inform Polis [Inform Policy] available at: https://www.infpol.ru/122029-molodezhnye-bandy-ulan-ude/).*

Martin, T. (2011). *Imperiia «polozhitel'noi deiatel'nosti'. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939.[The Empire of «positive activity». Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939].* Moscow: ROSSLEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina', 666 p.

Migratsii i diaspory v mongol'skom mire: strategii i praktiki transkul'turnogo vzaimodeistviia (2017) *[Migrations and Diasporas in the Mongolian world: Strategies and practices of transcultural interaction].* Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 414 p.

Mikhailov, T.M. (1996). Natsional'noe samosoznanie i mentalitet buriatskogo Naroda [National identity and mentality of the Buryat people]. In *Sovremennoe polozhenie buriatskogo naroda i perspektivy razvitiia [The current situation of the Buryat people and prospects for development].* Ulan-Ude,18–25 p.

Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana za 70 let (1990) *[The national economy of Kazakhstan for 70 years].* Alma-Ata, 218 p.

Natsional'nyi sostav naseleniia Respubliki Kazakhstan. Itogi perepisi naseleniia 1999 g. v Respublike Kazakhstan (2000) *[The national composition of the population of the Republic of Kazakhstan. Results of the 1999 population census in the Republic of Kazakhstan].* T.1. Almaty, 6–8 p.

Natsional'nyi sostav, veroispovedanie i vladenie iazykami v RK. Itogi natsional'noi perepisi naseleniia 2009 g. v RK. (2010) *[National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan. Results of the 2009 National population census in the Republic of Kazakhstan].* Astana, 329 p.

Nazarbaev, N.A. (2002). Ob osnovnykh napravleniiakh vnutrennei i vneshnei politiki na 2003 g. Ezhegodnoe poslanie k narodu Kazakhstana [On the main directions of domestic and foreign policy for 2003 Annual message to the people of Kazakhstan]. In *Kazakhstanskaia pravda [Kazakhstanskaya Pravda].* 30.04.

Nazarbaev, N.A. (2006). V kazhdom serdtse – rodnaia strana [There is a native country in every heart]. In *Kazakhstanskaia Pravda [Kazakhstanskaya Pravda].* 25.10.

Nazarbaev, N.A. (2003). Vazhno sblizhenie interesov obshchestva, biznesa i vlasti [It is important to bring together the interests of society, business, and government]. In *Rudnyi Altai [Rudny Altai].* 4.11.

Oldenburg, R. (2014). *Tret'ye mesto: kafe, kofeyni, knizhniye magazine, bary, salony krasoty I drughiye mesta «tusovok» kak fundament soobschestva[Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of «hangouts» as the foundation of the community].* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 456 p.

Panarin, S. (2005). Etnopoliticheskaia situatsiia v Respublike Buriatiia [The ethnopolitical situation in the Republic of Buryatia]. In *Baikal'skaia Sibir': iz chego skladyvaetsia stabil'nost'.* Moscow – Irkutsk: Natalis, 23–94 p.

Perepis' naseleniia Respubliki Kazakhstan 2009 goda: kratkieitogi (2010) *[Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009: summary results].* Astana, 11–23 p.

Petrova, E.V. (2009). *Russkoe naselenie v etnosotsial'noi strukture respublik Sibiri [Russian population in the ethnosocial structure of the Republics of Siberia].* Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 332 p.

Pervaya vseobshhaya perepis' Rossijskoj Imperii. 1897 g., Semipalatinskaya obl. (1905) *[The first general census of the Russian Empire. 1897, Semipalatinsk region].* Sankt-Peterburg, 54–55 p.

Plekhanova, A.M. (2016). Verkhneudinsk v 1920-e gg.: ot uezdnogo goroda tsarskoi Rossii k stolitse sovetskoi respubliki [Verkhneudinsk in the 1920s: from the county town of Tsarist Russia to the capital of the Soviet Republic*].* In *Ulan-Ude – 350 let. Istoriia, prostranstvo, obshchestvo [Ulan-Ude – 350 years. History, space, society].* Irkutsk: Ottisk, 64–69 p.

Sarsembaeva, G. A. (2018). Kazakhi v sovremennom gorodskom prostranstve (na primere g. Ust'-Kamenogorska) [Kazakhs in modern urban space (on the example of Ust-Kamenogorsk)]. In *Mir Bol'shogo Altaia [The World of the Big Altai].* 4, 558–575 p.

Shibutov, M. (2013). Sindrom vyuchennoi bespomoshchnosti [Learned helplessness syndrome]. In *Central Asia Monitor [Central Asia Monitor].* 30.09.

Shmyt, Z. (2013). «*Modern Nomads»: Antropologicheskie ocherki sovremennykh buriatskikh migratsii v Rossii [«Modern Nomads»: Anthropological sketches of modern Buryat migrations in Russia]*. Irkutsk: Ottisk, 192 p.

Skrynnikova, T.D., Batomunkuev, S.D., Varnavskii, P.K. (2004). *Buriatskaia etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii (sovetskii period) [Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)]*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 214 p.

Statisticheskii sbornik po otdel'nym pokazateliam Vsesoiuznykh perepisei naseleniia 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg.(1991) *[Statistical collection on individual indicators of the All-Union Population Census of 1939, 1959, 1970, 1979 and 1989.]*. Alma-Ata, 7–9 p.

Sultanbaeva, Z. (2019). Olzhas Suleimenov: «prokliatoe proshloe?» [Olzhas Suleimenov: «The cursed past?»]. In *Central Asian Analytical Network (CAAN)[Central Asian Analytical Network (CAAN]. 30.01. available at: https://www.caa-network.org/archives/15137)*

Ulan-Udeh – 350. Istoriya i sovremennost' (2016) [Ulan-Ude – 350. History and modernity]. Ed. by B. V. Bazarov. V 2 t. T.2. XX–XX1 veka. Irkutsk: Ottisk, 364 p. URL: https://docviever.yandex.kz/

Varnavskii, P. (2007). Etnichnost' i individual'nye strategii osvoeniia obrazovatel'nogo prostranstva v Buriatii [Ethnicity and individual strategies for the development of educational space in Buryatia]. In *Sistema vysshego obrazovaniia v sotsial'nom razvitii Tsentral'noi Azii [The system of higher education in the social development of Central Asia.]*. Moscow–Irkutsk: Natalis, 107 p.

Varnavskii, P.K., Dyrkheeva, G.A., Skrynnikova, T.D. (2003). *Buriatskaia etnichnost' v protsesse sotsiokul'turnoi modernizatsii (konets XIX – pervaia tret' XX vekov) [Buryat ethnicity in the process of socio-cultural modernization (the end of the X1X – the first third of the XX centuries)]*. Irkutsk: Ottisk, 244 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Kazakhskaya ASSR (1928) *[All-Union Population Census of 1926. Kazakh ASSR]*. T. 8. Moscow, 15–18 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g.(1939) *[All-Union Population Census of 1939]*. Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Kazakhstan. F. 1562. Op. 336. Ed. 558. Tabl. 27. L. 41–42.

Vostochno-Kazakhstanskaia oblast'. Itogi natsional'noi perepisi naseleniia Respubliki Kazakhstan 2009 goda (2011) *[East Kazakhstan region. Results of the national population census of the Republic of Kazakhstan in 2009]*. T. 3. Statisticheskii sbornik. By red. A. A. Smailova. Astana, 117–120 p.

Zaniatost' naseleniia v RK. Itogi natsional'noi perepisi naseleniia 2009 g. v RK(2010) *[Employment of the population in the Republic of Kazakhstan. Results of the 2009 National Population Census in the Republic of Kazakhstan]*. T. II. Stat. sbornik. Astana, 147–148 p.

Zhimbiev, B. (2000). *History of the Urbanisation of a Siberian* City *[History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude]*. Ulan-Ude. Cambridge: The White Horse Press, 121 p. DOI:

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 220–233

DOI: 10.17516/1997-1370-0903
УДК 39: 930.85

Fine-Tuning Own World

Sergey V. Bereznitsky*
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 02.02.2022, accepted 07.02.2022

Abstract. The article discusses the possibility of using the concept of fine-tuning as a complex cosmogonic process of the emergence of the Universe and intelligent life, to study the qualitative change in some modern components of the culture of life (territorial development, crafts, beliefs and rituals, contacts with neighboring and alien ethnic groups) of communities of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region. As a result of the long-term multifaceted activity of individual representatives of the Nivkh ethnic group, the fundamental problem of using a certain section of the sea coast as a territory for fishing, economic, ritual and festive activities was solved. The fine tuning of social, legal, ethnic and cultural factors made it possible not only to revive traditional crafts, but also to assign a special protected status to this territory, to give it the character of a category of a place of memory, a link between previous generations of the Nivkh ethnic group and their modern descendants.

Keywords: fine tuning, transformation of reality, creation of comfortable living conditions, indigenous peoples of the Amur and Sakhalin.

The work was written at the expense of the RSF grant No. 18–18–00309 «Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic and environmental changes» (supervisor V. N. Davydov). The paying organization is the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.
The author thanks V. N. Davydov (Deputy Director of the MAE RAS for Research) for suggesting the idea during the work of the Northern Anthropological Seminar: to consider cardinal changes in the society of the indigenous peoples of the Amur and Sakhalin based on the concept of «fine tuning». Special gratitude is expressed by the author to the Nivkh informants who shared their original knowledge in the field of modern fishing activities, life and worldview of their ethnic group.

Research area: etnology, antropology, ethnography.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: svbereznitsky@yandex.ru

Citation: Bereznitsky, S.V. (2022). Fine-tuning own world. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 220–233. DOI: 10.17516/1997-1370-0903

Тонкая настройка своего мира

С.В. Березницкий
Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Показана возможность использования концепции о тонкой настройке как сложном космогоническом процессе возникновения Вселенной и разумной жизни для исследования качественного изменения некоторых современных компонентов культуры жизнедеятельности (освоение территории, промыслы, верования и ритуалы, контакты с соседними и пришлыми этносами) сообществ коренных народов Амуро-Сахалинского региона. В результате длительной многогранной деятельности отдельных представителей нивхского этноса была решена фундаментальная проблема пользования определенного участка морского побережья в качестве территории для промысловой, хозяйственной, обрядовой и праздничной деятельности. Тонкая настройка социальных, юридических, этнических и культурных факторов позволила не только возродить традиционные промыслы, но и присвоить этой территории статус особо охраняемой, придать ей характер категории места памяти, связующего звена предыдущих поколений нивхского этноса с их современными потомками.

Ключевые слова: тонкая настройка, преобразование действительности, создание комфортных условий жизнедеятельности, коренные народы Амура и Сахалина.

Работа написана за счет гранта РНФ № 18–18–00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В.Н. Давыдов). Организация-плательщик – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.
Автор благодарит В.Н. Давыдова (заместителя директора МАЭ РАН по научной работе) за подсказанную им во время работы Северного антропологического семинара идею: рассмотреть кардинальные изменения в обществе коренных народов Амура и Сахалина на основе концепции «тонкой настройки». Особая благодарность выражается автором нивхским информантам, поделившимся оригинальными знаниями в сфере современной промысловой деятельности, быта и мировоззрения своего этноса.

Научная специальность: 5.6.4 – этнология, антропология и этнография.

Введение

В соответствии с космогоническими концепциями, которые разработали в своих трудах канадский философ John Leslie, американский физик-теоретик Lee Smolin, наша Вселенная и разумная жизнь в ней могли возникнуть в результате тонкой настройки (Fine Tuning the Universe) – особого сложного процесса, направляемого самой Вселенной, при котором произошло точно определенное соединение физических и химических элементов с единственно возможными и необходимыми параметрами, величинами, константами пространства, времени, энергии, массы, скорости, гравитации (Leslie, 2002: 3–6, 28–33, 35–53, 63, 99, 192 and ets.; Smolin, 1997: 37, 43, 53–54, 105, 311; 2006: 98–99, 216–217 and ets.). Смолин Ли творчески развил принцип достаточного основания немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716), по которому все сущее не находится в пространстве, а погружено в сложную сеть взаимосвязей. По мнению Смолина Ли, наша Вселенная возникла в результате эволюционного принципа самоорганизации молекулярных и галактических подсистем в соответствии с фундаментальными законами тонкой настройки (Smolin Li, 2014: 297, 302). При этом феномен возникновения является самым важным понятием в мире коммуникаций, где связи первичны по отношению к пространству. Субъекты мира могут быть лишь частично автономны, но их поведение определяется связями, соединяющими их в постоянно изменяющуюся сеть. Индивиды, системы, Вселенная вовлечены в процессы, протекающие во времени (Smolin Li, 2014: 27–30).

Постановка проблемы и теоретические основы

Если интерполировать гипотезы философов и физиков в сферу гуманитарных наук, то тонкая настройка будет означать скачкообразное изменение качественного, смыслового, знакового состояния прежней системы природных и социальных координат, коммуникационной сети между различными этносоциальными стратами. Тонкая настройка – это процесс разработки человеком или сообществом механизма выстраивания и дальнейшего освоения ими своего максимально понятного, производительного и комфортного мира, включающего в себя такие компоненты, как архетипы, ментальные структуры, знаковые системы, законы, жизнеобеспечивающие технологии, артефакты, предметы, вещи, домашних и диких животных. В этом процессе происходит освоение человеком предмета и превращение последнего в вещь.

Свой мир подразумевает хронотопическую субстанцию, отличающуюся культурными, этническими, социальными, классовыми, корпоративными, юридическими ценностями. Это особое состояние отдельного этноса или его части, локального сообщества, коллектива охотников, рыболовов, собирателей, скотоводов, кочевников, земледельцев, отдельных представителей этих структур.

Для разработки выбранной темы исследования весьма плодотворной попыткой является использование тезиса французского философа Бруно Латура о том, что акторно-сетевая теория (АСТ) может служить в качестве метода развертывания деятельности актора по выстраиванию своего социального мира. По мнению Латура, главным вкладом этой теории в социальную науку стала возможность постепенного продвижения АСТ к сравнительной антропологии, возможность трансформации социальных проблем, территории, региона, реальности в ситуативную циркуляцию, в которую органически входят природа и пространство (Latur, 2017: 201–206, 208–209, 210, 211). Известно, что акторно-сетевая теория задумывалась как механизм устранения теории социального конструктивизма. Сети включают в себя людей, материальные объекты, нечеловеческих живых существ, характеристики и объекты, которые делают последних похожими на людей (Yurchak, 2018: 8). В традиционном менталитете нивхов, равно как и других коренных народов Амуро-Сахалинского региона, этой проблемы, в отличие от европейцев, никогда не существовало, так как не было

в мировоззрении в комплексе верований и ритуалов непреодолимых границ между людьми и животными, реальными и мифическими, существовал механизм превращения людей в животных и обратно. Культ животных необходим нивхскому обществу для сохранения традиций, для освящения хозяйственной деятельности, важного соотношения сакральных компонентов в жизнеобеспечивающих технологиях.

Как справедливо подчеркивал американский антрополог Эдуардо Кон, между людьми и природой нет непреодолимой границы, однако, чтобы не стать для ягуара просто добычей, куском мяса, нужно быть с ним равным, необходимо показать зверю наличие силы. И здесь главным является именно контекст того, что зверь может видеть человека в разных ракурсах: как добычу, как равного и как угрозу, он интерпретирует разные образы человека, но интерпретирует не как человек, а как ягуар. Человеческое сообщество объединяет с животными, растениями, другими формами живого мира именно наличие представления об окружающем пространстве, которое формирует сущность всех живых существ (Kon, 2018: 27–28, 34).

Несомненный интерес представляет антропологический метод французского антрополога Филиппа Десколы по решению проблемы адаптации разнообразных живых существ, которые не только приспосабливаются к жизни в мире, но и меняют его, создавая между собой и окружающей средой связи, помогающие соединять разнообразные явления. Парадигма Десколы заключается в том, что вместо антропологии культуры (которая, по мнению ученого, уже устарела и неспособна решать вопросы современной науки) должна появиться антропология природы (Deskola, 2012: 9, 12).

В контекст тонкой настройки вполне можно включить понятие семиозиса, в соответствии с которым происходит процесс означивания, преобразования информации из реального мира в знаковую форму. Семиозис – это процесс, который охватывает всю сферу человеческого опыта, он может превратить в знак самого человека, создав при этом нечто совершенно новое (Kiryushenko, 2001: 26). По мнению американского философа, одного из основателей семиотики Чарльза Мориса, семиозис – это знаковый процесс или знаковое поведение (Moris, 1983: 119). Семиозис также определяется как процесс порождения и функционирования абстрактных знаков и материальных объектов, используемых для обозначения данных знаков. В качестве знаков могут выступать абстракции и реальные предметы, явления, свойства, отношения, действия. Знаки создаются и используются в процессе приобретения, хранения, переработки и передачи информации. Однако знак может стать таковым только в особом процессе или знаковой ситуации – семиозисе. Другими словами, семиозис – это процесс, в котором нечто функционирует в качестве знака.

Американский философ Чарлз Сандерс Пирс (1839–1914), рассматривая знак как объект, репрезентирующий или замещающий нечто другое в человеческой деятельности, разработал схему: «объект – знак – интерпретанта». Интерпретанта, по мнению Пирса, означает способ употребления знака человеком, или действие, которое знак оказывает на человека. Кроме этой триады еще необходим интерпретатор, то есть человек, субъект, который производит и интерпретирует знаки в сообществе интерпретаторов по определенным правилам. При этом специфика деятельности сообщества состоит в непрерывно продолжающемся семиозисе, процессе передачи знаков от одного интерпретатора к другому. Объект или окружающая сообщество реальность всегда наполнены совокупностью знаковых опосредований. Несмотря на умозрительность и философичность концепции Пирса, в ней есть четко выявляемый прагматизм, реальный факт того, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а символ сможет оказать влияние не только на мысль, но и на поведение человека, социума, как интерпретаторов этого символа (Pirs, 1983: 152–154; Yakobson, 1983: 116; Gutner, Bernshtejn, 2020). Пространственные объекты, любые обозримые явления

природы, вовлекаемые в человеческую деятельность, обязательно наделяются культурными смыслами и значениями. Составляющие их хронотопические отношения могут служить не только символами отвлеченных идей, знаками сакральных объектов, но и индексами событий, сигналами к действиям, моделями других пространственных кодов и преобразований (Chertov, 1999: 140).

Разрабатывая свою новую антропологию, в которой отсутствует радикальное разделение между людьми и другими живыми существами, Эдуардо Кон также использует понятие семиозиса как системы создания и интерпретации символов, знаков, системы, не только пронизывающей живой мир, но и объединяющей всех живых существ в сеть сложных отношений (Kon, 2018: 38).

Ниже будет рассмотрена деятельность сахалинских нивхов по реконструкции своего былого промыслового мира с использованием символа сакральной территории отдельной морской косы, принадлежавшей ранее их предкам, оставившим остатки своих жилищ в виде западин, могилы с погребальными сооружениями, передавшими опыт отношений с окружающим миром, рыбами, птицами, морскими животными.

Обсуждение

Коренные народы Севера – не музейные экспонаты

Противоречия общероссийского масштаба между властями, чиновниками, политиками и коренными народами Севера заключаются в отсутствии до сих пор Федерального закона о территориях традиционного природопользования, который реально позволил бы аборигенам контролировать добычу полезных ископаемых, биологических ресурсов, извлекать из этого пользу, финансовые средства и возможности для дальнейшего позитивного развития этноса.

Из размышлений президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации Г. П. Ледкова о результатах 25-летней деятельности Ассоциации можно выявить некоторые факторы, соответствующие в целом дискурсу тонкой настройки своего мира. В качестве такого, прежде всего, следует назвать получение коренными народами Севера правового статуса в российском и международном масштабах. Другими словами, в юридическом отношении коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока стали реальным институтом, имеющим право выдвигать и добиваться осуществления законопроектов, рассматривающих улучшение экологического, экономического, социального положения аборигенов, защиты исконной среды их обитания и традиционного образа жизни, традиционного природопользования, сохранения самобытной культуры: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Лидеры общественного движения коренных народов представлены во всех ветвях исполнительной и законодательной власти, в том числе в Государственной Думе, Совете Федерации, региональных и муниципальных законодательных собраниях, входят в состав Общественной палаты Российской Федерации и регионов. Однако более важным и актуальным Г. П. Ледков считает возникновение у северян нового мировоззрения, понимания того, что хрупкая северная цивилизация со своей особой философией может быть сохранена только усилиями самих аборигенов. Время иллюзий прошло, коренные народы Севера перестают быть «музейными экспонатами». Сегодня бессмысленно плакать, негодовать или пассивно ждать помощи от властей, чиновников, зарубежных спонсоров. Необходимо все делать своими

силами посредством создания из числа северян оптимального количества юристов, специалистов в сфере экологии, добычи полезных ископаемых, установления контактов с добывающими компаниями, удовлетворяющих нефтяников, газовиков, с одной стороны, оленеводов, охотников и рыбаков – с другой. Последнее сделать чрезвычайно трудно, так как здесь встречаются взаимоисключающие технологии. Одна основана на необходимости создания финансовой базы для дальнейшего геополитического, стратегического, экономического, оборонного развития России. Другая предусматривает традиционное, непромышленное, высокоэкологическое использование природных ресурсов для хозяйственной деятельности оленеводов, охотников, морских зверобоев и рыболовов. Высокообразованные специалисты из числа коренных народов Севера помогут: снизить высокий процент безработицы в среде своих сородичей; обеспечить занятость традиционными промыслами не менее чем сорока процентов от общей численности коренного населения; разработать специальные программы по финансированию родовых общин, упростить доступ аборигенов к водным и земельным ресурсам; развить сопутствующую инфраструктуру. Возможно, они смогут остановить протекающий на протяжении последних пятнадцати лет негативный для коренных народов процесс изъятия из законодательства, из Земельного, Водного и Лесного кодексов, отдельных норм, связанных с промышленным освоением территорий коренных малочисленных народов Севера, но не в пользу последних. Режим наибольшего благоприятствования сохраняется лишь для разработчиков недр, а народы Севера лишаются безвозмездного пользования землей, лесом. Проблема заключается в невозможности однозначного, четкого и понятного определения того, что такое традиционная хозяйственная деятельность, что такое места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера. При советской власти принадлежность к коренным народам Севера определялась просто – графой в паспорте. От этого зависели различные льготы, компенсации, права, социальная пенсия, квоты при поступлении в высшее учебное заведение. Теперь Пенсионный фонд при установлении социальной пенсии требует предоставить документы, подтверждающие принадлежность человека к коренным народам Севера. Приказом Минприроды РФ от 2011 г. предусмотрена при выдаче охотничьего билета аборигенам особая отметка о том, что охотничий промысел осуществляется без разрешений в целях ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления. Однако в жизни получить такую отметку практически невозможно. Чиновники управлений по охране объектов животного мира требуют предоставления судебного решения, подтверждающего право на льготы. Необходимо максимально упростить процедуру доказательства этнической принадлежности к коренным народам Севера. Большие проблемы наблюдаются и в сфере родовых общин. Предварительно планировалось, что община является некоммерческим объединением, в котором люди на своей территории занимаются хозяйством. Однако в связи с ликвидацией колхозов и совхозов общины вынуждены заниматься коммерческой деятельностью для того, чтобы обеспечить населенные пункты на Севере продуктами питания, оплатить услуги ЖКХ. Поэтому характер деятельности и статус общин нужно пересматривать. Необходимо узаконить порядок проведения этнологических исследований, чтобы они проходили перед началом промышленного освоения территорий коренных народов. Нефте- и газопромышленники противодействуют этому законопроекту, так как считают, что он принесет им убытки. Арктику будут осваивать, но это можно делать без уничтожения территорий коренных народов, нужно сохранять баланс интересов в северных широтах. Несмотря на проблемы, Россия смогла сохранить самое крупное оленье стадо в мире, кочевую

культуру, традиционные промыслы. В целом у коренных народов Севера должно быть право на развитие: они не музейные экспонаты (Ledkov, 2015: 8–15).

Тонкая настройка сахалинскими нивхами их промыслового мира

Как пример тонкой настройки своего мира можно привести факт решения сахалинскими нивхами проблемы с территориями традиционного природопользования (ТТП) (ПМА-2019)[1].

На побережье Восточного Сахалина, на косе Пластун, в заливе Ныйво, до последней четверти XX в. существовало родовое стойбище Ныйво. Нивхи жили здесь многие сотни лет, ловили рыбу, зверя, охотились, строили жилища, здесь же хоронили своих покойных. Периодически эта территория становилась не только местом проживания переселенческих этносов, но и местом международной деятельности. Так, на основе соглашений 1925 г. СССР и Японии была создана совместная концессия по разработке в течение 45 лет нефтяных и угольных месторождений Северного Сахалина. Одно из нефтяных месторождений находилось в окрестностях ст. Ныйво (Istoriya Sahalina, 2008: 412). В 1927 г. постановлением Сахалинского окружного революционного комитета был утвержден Ныйский сельский совет в с. Ныйво в составе Охинского района, в который в те годы входил и теперешний Ногликский район. В середине 1940-х гг. в Ныйво была открыта вечерняя школа сельской молодежи. Береговую линию охраняли пограничники пограничной заставы. Успешно работал рыболовецкий колхоз «Ныйво», который вместе с упраздненными мелкими заводами сел Чайво и Пильтун в середине 1960-х гг. был объединен в колхоз «Восток» в пос. Ноглики, куда постепенно стали переезжать и нивхи Ныйво. За рыболовецким колхозом были закреплены промысловые участки, на которых колхозники занимались сезонной добычей рыбы и морских животных в соответствии с нормами плана по добыче и сдаче государству даров природы. После «перестройки» 1980-х гг. нивхи очень тяжело и долго привыкали к новым экономическим отношениям в стране (Roon, 1999: 182–197; Roon, Сирина, 2003: 68). Часть стариков оставались в прежних, старых поселках, не желая переезжать в районный центр в специально выстроенный рыболовецкий колхоз «Восток» (Roon, 2002: 156–157; Sokolovsky, 2002: 160–187; Kul'tura i resursy, 2015: 85).

Постепенно началась вторая волна освоения этой территории: люди приезжали сюда для кратковременного, одноразового промысла и жили в брезентовых палатках. Известный общественный деятель и первый нивхский писатель В. М. Санги стал инициатором разработки положений трех базовых законопроектов, призванных защитить исконную среду обитания и культуру коренных народов Севера, включивших в себя главные постулаты: о гарантиях прав, о территориях традиционного проживания и об общинах. Этот процесс происходил в очень тяжелые для всей России 1990-е гг. Санги стал бороться за права нивхов, чтобы они могли жить в своем привычном мире, в естественной среде обитания, чтобы им было доступно море, морские звери, рыба, реки, тайга и тундра, чтобы они вновь занялись транспортным собаководством, знали родной язык и традиции. Но для этого нужен был мировоззренческий прорыв, новое видение и комплексное решение проблем в масштабах всей страны с учетом того, что государство не будет отказываться от добычи нефти, газа, других энергоносителей, золота, алмазов в Арктике, в северных регионах. Поэтому нужно было параллельно решать экологические проблемы среды обитания коренных народов, но для этого необходимо объединить народы Севера, чтобы они смогли сами управлять своими территориями. Было принято решение

[1] Сбор этнографического материала осуществлялся в июне 2019 г. в Ногликском районе Сахалинской области на территории двух нивхских хозяйствующих субъектов: Семейной (родовой) общины коренного малочисленного народа «Нивхи Сахалина» и Национально-производственного кооператива. Родового хозяйства «Лиманзо». Обеими структурами, расположенными на косе Пластун Ныйского залива восточного побережья Сахалина, в окрестностях пгт. Ноглики, руководил К. Б. Лиманзо, нивх 1965 г. р., место рождения с. Чайво.

о создании Ассоциации народов Севера в 1990 г. В апреле 1992 г. был подписан Указ Президента РФ № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». Это был реальный прорыв в сфере создания нормативной базы для обеспечения выживания коренных народов Севера России.

К сожалению, быстрых реальных достижений не получилось. Землю в пользование всем коренным народам Севера никто отдавать не собирался. Наиболее предприимчивые представители нивхского этноса стали создавать кооперативы. В 1989 г. В. М. Санги создал первый нивхский кооператив «Ых Миф», в который вошли одиннадцать рыболовецких бригад, объединенных и структурированных по семейному принципу. Потом они все постепенно стали самостоятельными общинами как юридические лица, каждая бывшая бригада стала общиной. Однако кооперативы не смогли дать возможность нивхам осуществлять традиционную деятельность, не стали основой их хозяйственной жизни. Проблемы были связаны с тем, что земля продолжала оставаться в государственной собственности, следовательно, члены нивхских кооперативов не могли свободно пользоваться дарами тайги, рек, моря. Сахалинские нивхи столкнулись с этой проблемой в начале 2000-х гг., когда в Российской Федерации шли активные процессы создания новой идеологии, политической системы, новых экономических отношений на основе рынка.

Один из наиболее успешных сегодня руководителей общины К. Б. Лиманзо рассказал, что территория косы Пластун в тот период считалась общей для всех промысловиков. Любой мог охотиться и ловить рыбу в летний период для личного потребления. Его семья на нынешнем месте промысла, на косе Пластун, обосновалась в 1972 г.: жили в палатке, ловили рыбу и делали ее заготовки на зиму.

В 1997 г. К. Б. Лиманзо организовал, зарегистрировал свое родовое хозяйство «Лиманзо» и начал активно обустраиваться на этом месте. Сначала был построен временный сарай. Механизм освоения этой территории был основан на принципе первенства: кто первый оформил документы на этот участок, тот и строил здесь здания и сооружения для своего кооператива. Между всеми ногликскими нивхами по этому поводу никогда не было никаких конфликтов, как и споров внутри общины. Между тем появилась проблема механизма переуступки квот на вылов лососевых пород для личного потребления членами общин: городской представитель коренных народов Севера может передать свою квоту рыбакам, документальную и правовую базу которых проверяют соответствующие силовые органы и постоянно спрашивают об этих переданных квотах. Кроме того, если семья является смешанной в этническом отношении, то передачу квот рыбаку, не относящемуся к коренным народам, нужно оформлять нотариально (Mamontova, 2012: 138), даже если квота передается от мужа жене и наоборот. Русские, которые живут рядом с нивхами в тех же поселках на протяжении нескольких поколений, мало отличаются от коренных народов по своему образу жизни (Kul'tura i resursy, 2015: 90–91). Однако менталитет нивхов значительно отличается от европейского, ведь рыба для нивхов не только основная пища, но и символическая ценность, а занятие рыболовством рассматривается ими как неотъемлемая черта принадлежности к нивхской культуре, рыба является важнейшим культурным опытом, эмоцией, локальной философией, персонажем мифологии и традиционных верований, она во многом влияет на формирование культурных ценностей и социальных отношений (Simonova, Davydov, 2014: 3; Culture and resources, 2015: 90–91; Gashilova, 2018: 79–94).

До сих пор оставалась проблема и с правом на землю. Под конкретный кооператив она не отдавалась, так как по-прежнему считалась общенивхской. Но раз конкретный нивх со своей семьей вложил в эту землю капитал, построил причал, вешала, домики и т. п., то у других нивхов по этому вопросу есть понимание, что те-

перь территория занята и этот выбор все должны уважать. Информанты подчеркивали именно этот бесконфликтный аспект как особенность внутриэтнических отношений нивхов, способность всегда найти мирный выход из самого трудного положения.

Территорию, на которой находится родовое хозяйство, руководитель не может передать своим детям по наследству. Потому что право передачи территории должно осуществляться по соответствующему федеральному закону о ТТП, которого до сих пор нет. Тот законопроект, который имеется, включает в себя только самые общие положения, без конкретики. Более того, даже если в центре и создадут такой федеральный закон, то он должен быть подтвержден на местах, на региональном и муниципальном уровне. В Сахалинской областной думе этот вопрос поднимался много раз. Но всегда местные власти находили массу противоречий между отдельными главами Федерального закона и потому не могли подтвердить его на региональном уровне. Проблема заключается в том, что в Федеральном законе прописано, что коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока имеют права на землю, на воду, на биоресурсы, но все эти ресурсы находятся в ведомстве разных министерств, которые сами трактуют этот Федеральный закон в выгодном для них свете. Для того чтобы уйти с этой мертвой точки, требуется еще один Федеральный закон, который смог бы объединить все эти три ресурса: воду, землю и биоресурсы. Нужно, чтобы все эти три министерства подчинились этому «главному» закону, но для этого необходим компромисс между чиновниками указанных министерств, которые только с высоких трибун говорят о том, что в России КМНС имеют все права на землю, могут охотиться и ловить рыбу, а на деле это законодательно не оформлено, так как реально промысловые участки принадлежат крупным рыбодобывающим компаниям, имеющим не только необходимое оборудование, морской рыбодобывающий флот, но (что, наверное, является самым главным фактором) и возможность влиять на московских чиновников и на результаты выделения квот.

И тогда нивхи Ногликского района, одного из семи районов Сахалинской области, пошли другим путем. Именно тогда можно выделить начало процесса тонкой настройки своего мира. Они единственные на Сахалине из коренных народов сумели найти выход из этого законодательного тупика. Началось все с координации усилий многих нивхов, разных ветвей власти, различных учреждений, коллектив инициативной группы был полиэтническим во главе с нивхами. Осенью 2013 г. в пгт. Ноглики состоялась решающая, смыслообразующая встреча нивхов с чиновниками Сахалинско-Курильского территориального управления (СКТУ), агентства по рыболовству Сахалинской области, управления коренных народов Севера аппарата губернатора и правительства Сахалинской области, представителями Регионального совета КМНС, АКМНСС и ДВ РФ по Сахалинской области. Именно в этот день нивхи добились воссоздания своего былого мира, так как был окончательно и положительно решен вопрос об организации традиционного рыболовства в Ныйском заливе: «О промысле кеты в Ныйском заливе для рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера». Комиссия по регулированию вылова анадромных видов рыб выделила нивхам в вечное пользование на рыбопромысловом участке предприятия «Восток-Ноглики» (бывший рыболовецкий колхоз «Восток») часть территории Ныйского залива от восточного устья р. Тымь до мыса Аге на удалении ста метров от берега косы Пластун. Большую роль сыграло решение Собрания муниципального образования «Городской округ Ногликский» от 02.04.2013 № 239 «Об утверждении Положения «О порядке образования местных территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов, проживающих на территории муниципального образования «Городской округ Ногликский» и по-

становление мэра муниципального образования «Городской округ Ногликский» от 14.05.2013 № 170 «Об образовании межведомственной комиссии по территориям традиционного природопользования местного значения». В протоколе № 43 от 20 сентября 2013 г. заседания Комиссии по регулированию добычи (вылова) анадромных видов рыб в Сахалинской области были указаны конкретные точки установки ставных неводов и другие подробности рыболовства и хозяйствования нивхов на косе Пластун.

В ноябре 2014 г. руководители и представители нивхских общин Ногликского района, родовых хозяйств коренных народов Севера Сахалинской области разработали на областной конференции «Традиционная хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области как основа сохранения этносов» резолюцию о том, что этнообразующей и этносохраняющей базой для дальнейшего устойчивого развития коренных этносов Сахалинской области являются исторически сложившиеся виды традиционной хозяйственной деятельности: рыболовство, оленеводство, охота, собирательство дикоросов, собаководство, художественные промыслы и народные ремесла. Для этого различные ведомства и учреждения Сахалинской области должны обеспечить увеличения лимитов на вылов водных биологических ресурсов для удовлетворения личных нужд представителей коренных народов Севера Сахалинской области; провести мониторинг рыбопромысловых участков в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера Сахалинской области для выделения дополнительных мест традиционного рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

На основе этой резолюции и муниципальной законодательной базы Ногликского района было создано постановление о традиционной хозяйственной деятельности КМНС. И главным, решающим термином и понятием здесь стало слово «хозяйственная деятельность». То есть вместо безуспешных требований территорий традиционного природопользования нивхи разработали проект и требование о выделении территорий для традиционной хозяйственной деятельности КМНС, что не противоречило имеющимся законам в Ногликском районе.

Выводы

Таким образом, в результате законодательного прорыва произошла тонкая настройка нивхами своего мира: всю косу Пластун длиной 18 километров отдали нивхам в вечное пользование для занятий их традиционными хозяйственными промыслами. С тех пор рыба и морские животные добываются только для личного потребления без права продажи. Находиться на этой территории могут только нивхи. Все остальные народы Сахалина и России не имеют права здесь строить хозяйственные или иные постройки и заниматься промыслом. Не относящиеся к нивхскому этносу люди могут приезжать сюда только по приглашению для исследовательской работы или на празднование духов воды, духов – хозяев местности в летний сезон, когда общинники приглашают многочисленных гостей: представителей иных этносов, чиновников администраций, корреспондентов местных газет, радио и телевидения, представителей сахалинских нефтедобывающих компаний «Сахалин-1», «Сахалин-2», которые часто выступают спонсорами этих мероприятий. Благодаря деятельности В. М. Санги был возрожден традиционный нивхский праздник «Питул», который сегодня проводится в летнее время нивхскими родами Тымовского и Ногликского районов. На р. Тымь и морском побережье нивхи проводят обряды обновления природы, благодарения главного нивхского доброго существа *Курна*, дающего людям все необходимое для жизни. Этот праздник возрождает также межродовые, межплеменные, межсемейные связи, помогает налаживать деловые контакты представителям нивхских общин

(Sangi 2015: 16–21). Занятия традиционной хозяйственной деятельностью позволяют нивхам обеспечивать себя в достаточной мере водными и морскими биологическими ресурсами. Рыба лососевых пород добывается в соответствии с разрешенными нормами: каждый представитель КМНС на Сахалине имеет право заготавливать для собственных нужд 300 кг рыбы до следующего сезона: 195 кг кеты и 105 кг горбуши. Дальнейшая ее переработка происходит в виде заморозки в холодильных ларях объемом 300 кг, вяления нескольких сортов юколы, копчения, засолки рыбы (в среднем 50 штук на семью), засолки лососевой икры. Эта норма распространяется даже на новорожденных младенцев. Однако для того, чтобы получить и освоить эти лимиты, нужно пройти долгий, сложный, утомительный процесс оформления заявки. Начинается эта работа в январе, чтобы получить разрешение на вылов в августе. Готовые заявки сдаются в Сахалинско-Курильское территориальное управление (СКТУ). Каждый член семьи должен оформить такую заявку самостоятельно. Поэтому представителям Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, сотрудникам районной администрации, приходится помогать людям разбираться в этих хитросплетенных бюрократами сетях, учить их пользоваться интернетом, изучать и понимать смысл указа Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 25.07.2019 № 442 о том, что Сахалино-Курильское территориальное управление Росрыболовства информирует юридических лиц и индивидуальных предпринимателей об установлении процедуры заключения договора пользования рыболовным участком для промышленного рыболовства в отношении анадромных видов рыб, для традиционного рыболовства КМНС, для промышленного рыболовства во внутренних водных объектах и организации любительского и спортивного рыболовства. Коренным народам сегодня нужно знать, что этот приказ вступил в силу с 26 августа 2019 г. Именно поэтому с этой даты и начинается прием заявлений от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В конце декабря каждого года СКТУ издает свой указ по управлению, и в нем четко указывается номер документа, объем разрешенных лимитов для каждого представителя КМНС. В январе наступившего года в районном управлении рыбоохраны люди лично получают листы учета. Человек подписывает документ, подпись заверяется печатью. Затем этот лист учета нужно взять с собой на промысел и записывать в него каждую пойманную рыбу. Этот процесс жестко контролирует пограничная служба ФСБ. Затем до 20 декабря заполненный лист вылова каждый рыбак должен сдать в СКТУ.

Каждая семья заготавливает до следующей путины высококалорийную белковую пищу для себя и для городских родственников в достаточном количестве. Объем вылавливаемой рыбы зависит, прежде всего, от установленных норм, качества работы надзирающих органов, от уровня экологического воспитания конкретного рыбака, от удачи, от климатических условий, от влияния нефтяных компаний на экологию региона и даже от степени влияния аварий на атомных станциях соседних стран (в частности, станции в г. Фукусима в Японии). Норма добычи определяется необходимым запасом на всю семью на год. Большего не требуется, так как нет никакого смысла тратить энергию на добычу излишнего объема продукции, которую невозможно использовать по прямому назначению.

Контроль за посещением косы Пластун осуществляет совет председателей родовых общин. Этот совет как координирующий орган осуществляет свою деятельность в городской администрации, при мэре городского муниципального образования Ноглики. Промысловая, хозяйственная, бытовая деятельность современных нивхов на косе Пластун происходит на основе использования символа сакральной территории.

В предметно-вещной сфере происходит освоение человеком предмета и превращение последнего в вещь (в частности, изготовление ловушек, технологическое

улучшение мореходных качеств лодок, установка антенн для уверенного приема цифровых телевизионных каналов, производство ритуальной скульптуры).

Упоминавшиеся выше теоретические разработки американских и французских ученых о способности растительного и животного мира мыслить, интерпретировать поведение человека хорошо иллюстрируются конкретными примерами из морского зверобойного промысла сахалинских нивхов, в частности добычи нерпы. Образ этого животного многоликий: нерпа помогает рыбакам ловить рыбу, загоняя ее в сети и неводы, но она же и ворует потом эту рыбу из ловушек, нередко повреждая их. Нерпа постоянно следит за человеком, за его промысловой деятельностью, но непременно старается получить для себя выгоду и тратить как можно меньше энергии на собственный промысел рыбы. Некоторые информанты считают, что нерпа очень умный зверь, которая сама использует людей, их оборудование (лодки, ловушки, сети, неводы) и технологии для ловли рыбы для себя. Другими словами, с точки зрения нерп, они не воруют рыбу у человека, а забирают свою честно заработную в процессе совместного с человеком промысла долю.

Важную нишу занимают и другие мировоззренческие аспекты: вся коса считается нивхами священной землей предков, которые не только жили здесь в прежнее время, создавали семьи и растили детей, учили их традиционным промыслам, но и сегодня контролируют эту территорию своими могилами. Помогают им в этом охранители стойбища *во-ызны*, изготовленные в виде деревянной антропоморфной культовой скульптуры и установленные на границах сакральной территории. Общий ментальный настрой сплачивает родовые общины, помогает им следить за порядком, экологией, не позволяет нарушать разрешенные объемы добычи биологических ресурсов. Нивхи постепенно, но вновь уверенно становятся хозяевами своего понятного и комфортного мира, воссозданного в процессе тонкой настройки. В сфере семиозиса можно отметить воссоздание традиционных знаковых форм, выполняющих охранительную, защитную, маркирующую функции хозяйственной территории как своего единого мира.

Список информантов

Глушкова Наталья Петровна, нивхинка 1955 г. р. в 2019 г. пенсионер, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Зальвина Зоя Александровна, нивхинка 1936 г. р., в 2019 г. пенсионер, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Иванова Юлия Александровна, нивхинка 1951 г. р., в 2019 г. пенсионер, с. Чир-Унвд, Сахалинская область.

Играин Людмила Ивановна, нивхинка 1950 г. р., в 2019 г. пенсионер, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Казлаускас Алевтина Анатольевна, нивхинка 1977 г. р., в 2019 г. контролер теплосети, с. Чир-Унвд, Сахалинская область.

Колка Евгения Ивановна, нивхинка 1957 г. р., в 2019 г. пенсионер, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Левкун Вадим Викторович, нивх 1970 г. р., в 2019 г. мастер, резчик по дереву, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Левкун Юрий Викторович, нивх 1977 г. р., в 2019 г. мастер, резчик по дереву, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Лиманзо Ким Борисович, нивх 1965 г. р., в 2019 г. руководитель родовой общины, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Нхиргук Артур Юрьевич, нивх 1983 г. р., в 2019 г. руководитель родовой общины, собаковод, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Псягин Геннадий Николаевич, нивх 1938 г. р., в 2019 г. пенсионер, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Райлик Татьяна Николаевна, нивхинка 1964 г. р., в 2019 г. член родовой общины, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Садинова Елена Васильевна, нивхинка 1988 г. р., в 2019 г. рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Санги Зоя Васильевна (Сачгун по мужу), нивхинка 1950 г., в 2019 народная мастерица, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Талина Раиса Максимовна, нивхинка 1956 г. р., в 2019 г. пенсионер, рыбак-любитель, пгт. Ноглики, Сахалинская область.

Шкалыгина Ефросинья Николаевна, нивхинка 1942 г. р., в 2019 г. пенсионер, с. Чир-Унвд, Сахалинская область.

Список литературы / References

Chertov, L. F. (1999). Osobennosti prostranstvennogo semiozisa. [Features of spatial semiosis]. In *Metafizicheskie issledovaniya*: *Yazyk*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Aletejya», 11. 140–155.

Deskola, F. (2012). *Po tu storonu prirody i kul'tury* [*Beyond nature and culture*] / per. s franc. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 584 s.

Gashilova, L. B. (2018). Ryba kak osnovnoj komponent tradicionnoj kuhni nivhov. [Fish as the main component of traditional Nivkh cuisine]. In *Sistemy pitaniya korennyh narodov Arktiki – rol' tradicionnyh znanij dlya ustojchivogo razvitiya*. Sbornik trudov / otv. red. Matisen S. D., Gashilova L. B. Chernysheva S. L. i dr. Moscow: Izdatel'skij dom Paulsen. 79–94.

Gutner, G. B., Bernshtejn, V. S. (2020). Semiozis. [Semiosis]. In *Gumanitarnaya 'enciklopediya: Koncepty ['Elektronnyj resurs]*. Centr gumanitarnyh tehnologij, 2002–2020 (poslednyaya redakciya: 08.02.2020). URL: https://gtmarket.ru/concepts/7037

Istoriya Sahalina i Kuril'skih ostrovov s drevnejshih vremen do nachala XXI stoletiya. (2008). [*History of Sakhalin and the Kuril Islands from ancient times to the beginning of the XXI century*]. Uchebnoe posobie / Otv. red. M. S. Vysokov. Yuzhno-Sahalinsk: Sahalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 712 s.

Kiryushenko, V. V. (2001). Znak i simvol. [Sign and symbol]. In Pirs Ch. S. *Principy filosofii*. T. I. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obschestvo, 26.

Kon, E. (2018). *Kak mihslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka*. [*How forests think: towards anthropology on the other side of man*] / per. A. Borovikova. Moscow: Ad Marginem Press. 344 s.

Kul'tura i resursy. Opyt 'etnologicheskogo obsledovaniya sovremennogo polozheniya narodov Severa Sahalina. (2015). [*Culture and resources. Experience of ethnological survey of the current situation of the peoples of the North of Sakhalin*] / Pod redakciej Dmitrija Anatoljevicha Funka. Moscow: OOO «Izdatel'stvo «Demos». 272 s.

Latur, B. (2017). AST: vopros ob otzyve. [AST: the question of recall]. In *Logos*. 1 (116). 201–216.

Ledkov, G. P. (2015). Narodov malyh ne byvaet. [There are no small peoples]. In *Mir korennyh narodov. Zhivaya Arktika*. 31. 8–15.

Leslie, J. (2002). «*Universes*». First published 1989 by Routledge. London, New York, Taylor & Francis e-Library. 228 s.

Mamontova, N. A. (2012). Tradicionnaya 'ekonomika nivhov Sahalina: mezhdu ustojchivost'yu i razvitiem. [The traditional economy of the Nivkh of Sakhalin: between sustainability and development]. In '*Etnograficheskoe obozrenie*. 1. 133–150.

Moris, C. W. (1983). Iz knigi «Znachenie i oznachivanie». [From the book «Meaning and signification»]. In *Semiotika* / per. s angl. T. V. Bulyginoj i A. D. Shmeleva. Moscow: Raduga. 119.

Pirs, C. S. (1983). Iz raboty «'Elementy logiki». [From the work «Elements of logic»]. In *Semiotika* / per. s angl. T. V. Bulyginoj i A. D. Shmeleva. Moscow: Raduga. 151–211.

PMA-2019 (Polevoj material avtora. Etnograficheskie issledovaniya S. V. Bereznickogo na Sahaline v 2019 g.) [Author's field material. Ethnographic research of S. V. Bereznitsky on Sakhalin in 2019].

Roon, T. P. (1999). Ekonomicheskie izmeneniya u korennyh narodov Sahalina v XX veke. [Economic change among the indigenous peoples of Sakhalin in the XX century]. In *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo*. 3. 182–197.

Roon, T. P. (2002). Ekonomicheskie izmeneniya u korennyh narodov Sahalina v XX v. [Economic change among the indigenous peoples of Sakhalin in the XX century]. In *Rasy i narody*. Vyp. 28 / Otv. red. Z. P. Sokolova i D. A. Funk. Moscow: Nauka, 146–159.

Roon, T. P., Sirina, A. A. (2003). E. A. Krejnovich zhizn' i sud'ba uchenogo. [E. A. Kreinovich life and fate of a scientist]. In *Repressirovannye 'etnografy* /sost. i otv. red. D. D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 47–77.

Sangi, V. M. (2015). Ne boyat'sya idti protiv vetra. [Don't be afraid to go against the wind]. In *Mir korennyh narodov. Zhivaya Arktika*. 31. 16–21.

Simonova, V. V., Davydov, V. N. (2013). *Krasnoe zoloto i oborotni: brakon'erstvo v kontekste otnoshenij cheloveka i lososya na Severo-vostochnom Sahaline. [Red gold and werewolves: poaching in the context of human-salmon relations in North-Eastern Sakhalin].* URL: http://ecosakh.ru/index.php/2013–09–20–11–30–33/publikatsii/item/1417.

Smolin, L. (2014). *Vozvraschenie vremeni. Ot antichnoj kosmogonii k kosmologii buduschego*. [*Return of time. From ancient cosmogony to cosmology of the future*] / per. A. Rostovcev. Moscow: «Corpus (AST)». 370 s.

Smolin, L. (1997). *The Life of the Cosmos*. New York Oxford. Oxford University Press. 358 s.

Smolin, L. (2006). *The trouble with physics: the rise of string theory, the fall of a science, and what comes next*. Houghton Mifflin, Boston. 392 s.Sokolovskij, S. V. (2002). Territorii tradicionnogo prirodopol'zovaniya Sahalina (obosnovanie proekta). [Territories of traditional nature management of Sakhalin (project justification)]. In *Rasy i narody*. Vyp. 28 / Otv. red. Z. P. Sokolova i D. A. Funk. Moscow: Nauka, 160–187.

Yakobson, R. (1983). «V poiskah suschnosti yazyka». [In search of the essence of language]. In *Semiotika* / per. s angl. T. V. Bulyginoj i A. D. Shmeleva. Moscow: Raduga. 102–117.

Yurchak, A. (2018). Predislovie. [Preface]. In Kon, Ehduardo. *Kak mihslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* / per. A. Borovikova. Moscow: Ad Marginem Press. 8.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 234–243

DOI: 10.17516/1997-1370-0906
УДК 7.08

Some Features of Organization of 2D Platformer Games' Space in Terms of Interaction Between Player and Space

Tikhon K. Ermakov*
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 03.02.2022, accepted 08.02.2022

Abstract. The article discusses the principles of organizing the gaming space of three 2D platformer games: Celeste Classic, The End is Nigh and Celeste. The main research method is the method of visualization of the game process, during which, for each level in the game we drawn typical lines, reflecting the nature of the player's movement along the level (lines of a virtual and real goal, lines of a virtual, real and complicated paths), after which we investigated the character of relations between the resulting lines. The data obtained were interpreted in accordance with the theory of psychology of art by L. S. Vygotsky. The main conclusion is that the principle of mismatch of various trajectories of movement is used to construct the play space, which manifests itself at several levels: 1. Mismatch between the lines of real and virtual goals; 2. Mismatch between the goal lines and the path of the player's movement; 3. The difference between the paths of virtual and real movement of the player; 4. The emergence of a complicated path, setting intermediate goals for the player. The game spaces of the games considered are built according to one of two models: relying more on the differences between the virtual and real paths or offering the player a complicated path.

Keywords: game space, 2D platformer, motion trajectories, art psychology, player, video games.

Research area: theory and history of culture, arts.

Citation: Ermakov, K.T. (2022). Some Features of Organization of 2D Platformer Games' Space in Terms of Interaction Between Player and Space. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 234–243 DOI: 10.17516/1997-1370-0906

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: akseniya.krupkina@mail.ru

Некоторые особенности организации игрового пространства игр с 2D-графикой жанра платформер с точки зрения взаимодействия между игроком и пространством

Т.К. Ермаков
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье рассмотрены принципы организации игрового пространства трех игр жанра 2D-платформер: *Celeste Classic, The End is Nigh* и *Celeste*. Основным методом исследования является метод визуализации игрового процесса, в ходе которого для каждого уровня в игре были проведены типические линии, отражающие характер движения игрока по уровню (линии виртуальной и реальной цели, линии виртуальной, реальной и усложненной траектории), после чего был исследован характер отношений между полученными линиями. Данные были проинтерпретированы в соответствии с теорией психологии искусства Л. С. Выготского, основной вывод заключается в том, что для построения игрового пространства используется принцип несовпадения различных траекторий движения, который проявляет себя на нескольких уровнях: 1. Несовпадение между линиями реальной и виртуальной целей. 2. Несовпадение между линиями цели и траекторией движение игрока. 3. Несовпадение между траекториями виртуального и реального движения игрока. 4. Появление усложненной траектории, ставящей перед игроком промежуточные цели. Игровые пространства рассмотренных игр строятся по одной из двух моделей: в большей степени опираясь на различия между виртуальной и реальной траекторией или же предлагая игроку усложненную траекторию движения.

Ключевые слова: игровое пространство, 2D-платформер, траектории движения, психология искусства, игрок, компьютерная игра.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства.

Введение

В современный научный дискурс постепенно начинает входить представление об игре как об особом произведении искусства (см., например, (Atkinson, 2021; Beljaev, 2020; Miroshnichenko, 2019; Robson, 2018; Thi Nguyen, 2020), что позволяет нам не только включить различные искусствоведческие методы в исследования игр, но и вообще рассматривать игры как часть более широкого предметного поля. Обращаясь к игре как к произведению искусства, мы не только способствуем новому, более глубокому пониманию игровых практик, но и, возможно, можем прийти к лучшему пониманию феномена произведения искусства как такового.

В данной статье мы бы хотели обратиться к проблеме организации игрового пространства как особого художественного пространства. В целом проблема игры как пространства довольно широко освещена как в зарубежной, так и в отечественной литературе, связанной с исследованиями игр. Часть исследований, обращающихся к игровому пространству, рассматривают его в контексте его отношения к иным художественным пространствам. В первую очередь это архитектурные пространства (Garcia, 2020; Pearson, 2020). Здесь игра вы-

ступает в двух аспектах – это обращение к опыту построения игровых пространств как аналогия к построению архитектуры, и тогда игра может быть использована как платформа для обучения архитекторов или как платформа для реализации экспериментальных архитектурных проектов, создание которых в реальном мире было бы связано со множеством трудностей. Второй исследовательский подход – это обращение к исследованию использования закономерностей организации архитектуры в построении игрового пространства (наиболее яркий пример – (Totten, 2014)).

Также встречаются исследования, в которых соотносятся практики, используемые в различных визуальных искусствах и в играх (Beljaev, 2020: Redon, 2021). Акцент здесь делается на технических приемах, позволяющих визуально сконструировать игровое пространство, а интерес исследователя состоит в соотнесении тех приемов, которые использует традиционное искусство, и тех, которые применяются в видеоигровых практиках.

Еще один блок исследований сводится к рассмотрению видеоигр как репрезентантов различных социально-культурных пространств, существующих в реальности (Bos, 2018; Ramos, 2020; Romero, 2020). В этом случае интересна модель, предоставляемая игрой как репрезентантом иного пространства (политического, исторического, коммуникационного и т. д.). Игра, таким образом, выступает как средство для игрока пережить специфический опыт, которым он не обладает в реальности. С использованием этого опыта игра оказывается способной выступать в качестве носителя некоторых конструктов, которые с помощью игрового пространства передаются конечному пользователю.

Существует в научном дискурсе небольшой блок статей, обращенный к исследованию специфики игрового пространства как особого пространства, обладающего своими специфическими характеристиками (Nikitina, 2016). Относительно малое внимание исследователей к этой области в настоящее время, возможно, объясняется общим изменением в теоретическом подходе к исследованию игр – ориентацией на междисциплинарность (Aarseth, 2018).

При этом исследователи охотно обращаются к анализу относительно новых типов игровых пространств, возникающих в результате использования технологий виртуальной или дополненной реальности (Pang, 2020; Pescarin, 2020; Shafter. 2019; Volkova, 2019). Связано это как с самим фактом новизны данного явления и необходимостью осмыслить перспективы, открываемые этими пространствами для понимания не только механизмов функционирования игр, но и вообще процессов, связанных с психологическими механизмами восприятия человеком пространства, так и с тем, что данные технологии сейчас находят активное применение в различных образовательных и социальных проектах.

Данное исследование принадлежит как раз к блоку текстов, обращающихся к изучению специфики именно игрового пространства как особого варианта художественного пространства, имеющего как ряд сходств, так и принципиальных отличий с пространствами иных видов произведений искусства. Целью исследования становится описание некоторых принципов организации игрового пространства через выявление алгоритмов взаимодействия игры и игрока.

Методология

Ключевыми методами исследования в данной работе выступают методы формального описания видеоигр и метод визуализации игрового процесса, используемые для получения первичных данных (Lankoski, 2015).

Метод формального описания позволяет описать исходные посылки исследования того или иного игрового произведения. Для целей настоящего исследования особенно интересными являются общие механики, используемые в игровом процессе, а также общие закономерности построения уровня. В результате формальное описание игры сводится к перечислению основных возможностей игрока, способностей иных игровых объектов, встречающихся на уровнях, и, наконец, к описанию отношения игрового уровня к экрану игрового устройства.

Методы визуализации игрового процесса представляют собой комплекс различных техник, используемых исследователем, для создания визуального представления процессов, инициируемых игроком в ходе игры. Для данного исследования особый интерес представляет метод визуализации движения игрового аватара, состоящий в рисовании в пространстве уровня линий, отражающих траекторию движения игрового объекта. Метод позволяет визуализировать закономерности движения игрока, по сути – показать возможные способы освоения игроком пространства уровня, превратив их в простые линии, которые затем могут быть исследованы как совокупность данных с последующим обнаружением особенностей их отношения к архитектуре уровня и друг к другу.

Для целей данного исследования метод визуализации траекторий движения игрока был адаптирован следующим образом. Для каждого отдельного «уровня» (в рассматриваемых играх под «уровнями» понимаются пространства, отделенные друг от друга эффектами смены экрана, в первую очередь эффектом затемнения) были выделены некоторые типичные линии:

1. Линия виртуальной цели – линия, задающая общее направление движения. Для уровней, организованных вертикально, такой линией становится прямая линия вверх от точки старта игрока, для уровней, организованных горизонтально, – линия, направленная вправо (или влево), параллельно нижней стороне экрана от точки старта.

2. Линия реальной цели – линия, соединяющая точку стартового положения игрока и точку видимого выхода с уровня.

3. Линия виртуальной траектории – линия, отражающая возможное движение игрока, читаемое исходя из устройства уровня (расположение основных игровых объектов в пространстве уровня). Для включения данной линии в исследование сделано допущение о том, что эта линия примерно отражает траекторию прохождения уровня среднестатистическим игроком, по крайней мере, эта траектория видна игроку, и потому он будет следовать ей.

4. Линия реальной траектории проводилась исходя из наблюдений за прохождением уровня во время спидрана на Any% (в случаях, когда это возможно, ориентация на подкатегорию прохождений, не использующих баги). Эта линия отражает одну из возможных траекторий прохождения уровня опытным игроком, хорошо понимающим особенности механик, предоставленных ему в качестве инструментов для освоения игрового пространства.

5. Усложненная траектория проводилась исходя из наблюдений за прохождением уровня во время спидрана на 100 %. Эта линия отражает существование особой траектории прохождения уровня, выбирая которую игрок достигает ряда промежуточных целей, временно отделяющих его от непосредственного достижения финальной цели уровня (его прохождения).

Был выбран ряд параметров, отражающих отношения между проведенными на уровне траекториями:

1. Отношение между виртуальной и реальной целью – оценка от 0 до 3 (где 0 – полностью совпадают, 3 – совершенно не совпадают) разницы между этими линиями, визуально выраженной в длине отрезка между конечными точками обеих траекторий.

2. Отношение виртуальной траектории к линиям целей (отношение реальной траектории к линиям целей) – в результате наблюдений над полученными выборками были выделены четыре способа отношений между траекторией прохождения и траекторией цели (линия траектории может примерно следовать за одной из траекторий цели; линия траектории может множество раз пересекать одну из линий цели; линия траектории может «огибать» линию цели, сильно отклоняясь от нее и возвращаясь к ней лишь в конечной точке маршрута; линия траектории может начинать следовать одной из линий цели, затем переключаясь на другую). Соответственно, для каждого из уровней был выделен тип отношений между линией виртуальной (реальной) траектории и линиями целей.

3. Фиксировалось совпадение или несовпадение наблюдаемых типов реальной и виртуальной траекторий. В целом несовпадение типов говорит о большом различии между этими траекториями, в то время как при совпадении типов линии примерно похожи одна на другую.

4. Фиксировалось наличие или отсутствие усложненной траектории на каждом из уровней.

Так, на рис. 1. представлен первый уровень игры Celeste Classic, где светло-зеленая линия – линия виртуальной цели, темно-зеленая линия – линия реальной цели, желтая линия – линия виртуальной траектории, красная линия – линия реальной траектории, а розовая линия – линия усложненной траектории. Отношение линий цели оценено как 3 (сильно различаются), виртуальная траектория многократно пересекает линию реальной цели, а реальная траектория отклоняется от нее.

Таким образом, описав каждый из уровней с точки зрения указанных выше параметров, для каждой из выборок уровней (для каждой из игр, представленных в исследовании) подсчитали частоту того или иного значения каждого из параметров. Через дальнейшую интерпретацию полученных частот возможно выявление некоторых закономерностей, объясняющих принципы организации игрового пространства.

Результаты

Для проведения исследования на начальном этапе были выбраны три игры – *Celeste Classic, The End is Nigh* и *Celeste.*

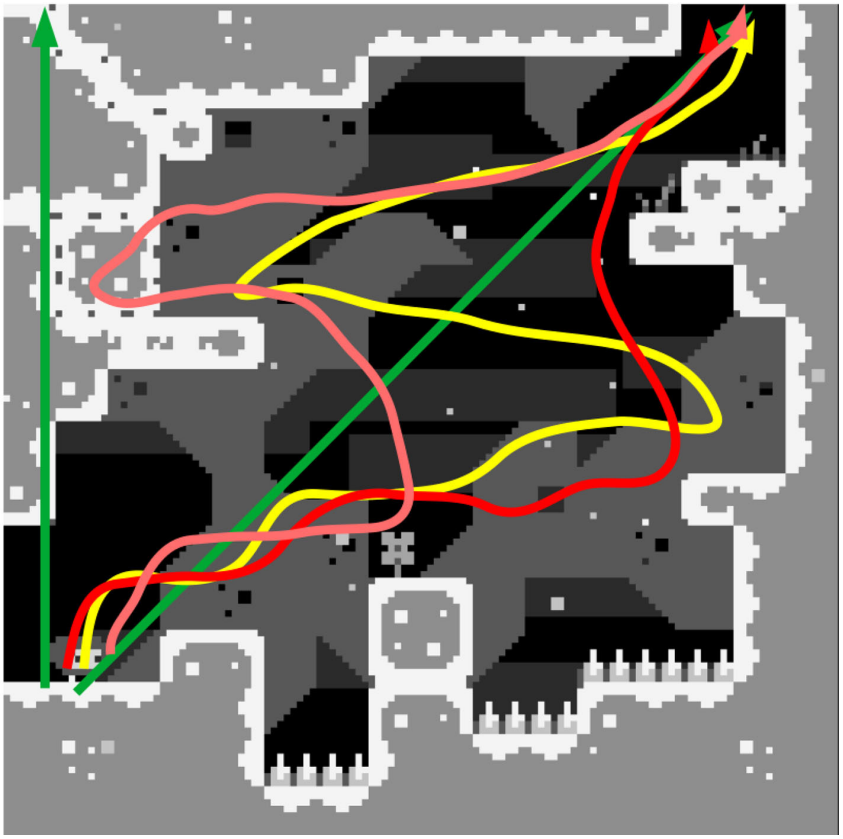

Рис. 1. Первый уровень игры Celeste Classic с визуализацией траекторий движения игрока
Pic. 1. The first level of the game Celeste Classic with visualization of the trajectories of the player's movement

Выбор пал на эти игры по ряду причин. Во-первых, все три игры относятся к одному жанру (2D- платформер), что позволяет говорить о том, что полученные в результате различия в данных, касающихся организации пространства в той или иной игре, связаны именно с принципами построения игрового пространства, а не с принципиальными различиями в механиках. Во-вторых, все три игры обладают примерно схожим принципом организации уровней, что позволяет опять же интерпретировать различия между полученными данными спецификой организации конкретного участка игрового пространства, а не различиями в более глобальных принципах организации игры. В-третьих, все три игры довольно высоко оценены игровым сообществом (как критиками, так и игроками), что позволяет говорить о том, что отраженные в них принципы построения игровых пространств действительно могут претендовать на то, чтобы отражать общие тенденции в построении игрового пространства вообще.

Celeste Classic

Celeste Classic – инди-игра, разработанная Maddy Makes Games в 2016 году для ретро-платформы PICO8, затем портированная разработчиком для веб-платформ и персональных компьютеров. Жанрово игра является 2D- платформером.

Каждый уровень игры представляет собой один экран, перемещаться на ранее пройденные уровни нельзя. В игру встроен счетчик времени, показывающий игроку, сколько времени у него занимает прохождение каждого из экранов и игры в целом. Для того чтобы пройти уровень, необходимо выбраться за верхнюю границу экрана, перезапуск уровня наступает, если персонаж упал за нижнюю границу экрана или попал на шипы.

Изначально игроку доступно движение по горизонтали, прыжок, один дэш в воздухе в любом из восьми направлений (влево/вправо, вверх/вниз и по диагоналям). В середине прохождения игрок получает возможность дэшиться в воздухе второй раз. Также персонаж игрока может отскакивать от стен, и в целом, прислонившись к стене, персонаж будет медленнее падать.

Помимо уже упоминавшихся шипов, среди игровых объектов на уровнях встречаются шары, позволяющие совершить дополнительный дэш, движущиеся и исчезающие платформы. В качестве бонуса на некоторых уровнях встречаются ягоды клубники, сбор которых дает дополнительные очки.

Вся игра состоит из 31 уровня. Больше половины уровней демонстрируют значительное отличие между траекториями реальной и виртуальной целей. Также для большего числа уровней характерно совпадение типов виртуальной и реальной траектории, при этом следует отметить, что чаще всего среди траекторий движения организованы по принципу резкого отклонения от линий целей. При этом среди реальных траекторий резко увеличивается количество линий, примерно совпадающих с линией одной из целей, это увеличение наблюдается на фоне уменьшения количества траекторий, многократно пересекающих одну из линий. Большая часть уровней – это уровни, на которых нет усложненных траекторий.

Следует отметить существование отдельных «уровней-разрядок» – это уровни, на которых линия траектории движения (и виртуальная, и реальная) максимально совпадают с линией реальной цели. Как правило, на таких уровнях вводится новый игровой объект, расширяющий возможности игрока.

The End is Nigh

The End is Nigh – инди-игра, разработанная Эдмундом Макмилленом и Эдмундом Глелем и выпущенная в 2017 году для персональных компьютеров и консолей. Игра относится к жанру 2D-платформеров.

Игра поделена на несколько глав, состоящих из ряда уровней, расположенных в пределах одного игрового экрана и связанных друг с другом (возможность перемещаться между уровнями в нескольких направлениях). При этом для прохождения

главы не обязательно прохождение всех экранов.

Игрок, как и в предыдущем проекте, обладает возможностью перемещения по горизонтали и прыжком. Отсутствие дэша частично компенсируется возможностью повисать на специально выделенных объектах на стене и на углах тех же стен. Из иных игровых объектов представлены шипы, столкновение с которыми вызывает перезапуск экрана (как и падение за его нижнюю границу), медленно падающие вниз платформы и коллекционные предметы, количество которых отображается в левом верхнем углу экрана.

Всего в первой главе представлено 19 основных экранов (прохождение которых необходимо для завершения главы). Различные степени дистанции между линией реальной и виртуальной целей представлены среди них примерно в равной степени. Типы реальной и виртуальной траекторий совпадают практически во всех уровнях, среди них резко доминируют траектории, многократно пересекающие одну из линий цели или обходящие ее стороной. При этом практически каждый из рассмотренных уровней (за исключением одного) обладает усложненной траекторией, которая в некоторых случаях даже требует от игрока прохождения дополнительных экранов.

Celeste

Celeste – инди-платформер, разработанный Matt Makes Games и выпущенный в 2018 году для персональных компьютеров и консолей. По сути, данная игра является идейным наследником *Celeste Classic* и развивает основные идеи и механики, представленные в предшествующей игре.

Игра поделена на отдельные главы, каждая из которых состоит из серии уровней. В данном исследовании будет рассмотрена вторая глава (первая является вводной). Большая часть этих уровней помещается на одном игровом экране, хотя некоторые подразумевают движение камеры в их пределах. Опять же часть уровней подразумевает возможность вернуться на предыдущие, тогда как другие не дают игроку такой свободы передвижения. Для прохождения главы не нужно проходить все уровни.

Как и в *Celeste Classic,* игрок способен передвигаться в горизонтальной плоскости, совершать прыжок и один дэш в воздухе. Помимо этого, добавилась возможность цепляться за стены и перемещаться по ним вверх и вниз. Основные игровые объекты также состоят из шипов, разрушающихся блоков, специальных объектов, позволяющих совершить дополнительный дэш в воздухе. Также появляются специальные движущиеся платформы, дающие игроку возможность использовать инерцию от их движения для прыжка на большое расстояние.

Первая глава состоит из 20 уровней, среди которых резко преобладают уровни с большой дистанцией между реальной и виртуальной целями. Чуть меньше половины уровней демонстрируют различие в типах виртуальной и реальной траекторий, при этом среди виртуальных траекторий преобладают траектории, избегающие линии цели, а среди реальных – траектории, следующие линии цели. Чуть больше половины уровней обладают усложненными траекториями, которые в отдельных случаях требуют от игрока прохождения дополнительных уровней, а в одном случае даже предлагают альтернативный маршрут, в результате чего один из уровней «основного» прохождения оказывается не посещенным игроком.

Дискуссия

Полученные данные сами по себе отражают некоторые общие закономерности построения игрового уровня с точки зрения взаимодействия между различными траекториями движения игрока по нему и демонстрируют возможность описания некоторых моделей формирования уровня. Тем не менее, на наш взгляд, возможна дополнительная интерпретация полученных данных с точки зрения теории искусства. Учитывая тот факт, что одним из важных вопросов в современном научном дискурсе о видеоиграх является изучение психологии игрока и особого влияния видеоигры на него (см., например, (Johnson, 2018; Kyshtymova,

2019; Pacheco, 2019; Tikhomirova, 2020), будет уместно предложить интерпретацию полученных данных с точки зрения теории Л. С. Выготского (Vygotskij, 1998).

На наш взгляд, возможно объяснение полученных несовпадений между наблюдаемыми траекториями через описанное Л. С. Выготским «замедление аффекта», призванное растянуть во времени простое переживание для достижения состояния катарсиса в финальной точке, когда противоречие будет, наконец, разрешено. Л. С. Выготский описал данный эффект на примере литературных произведений различных жанров, продемонстрировав, как этот эффект выражается в различных художественных приемах (противоречие между действиями и словами героя, противоречия между фабулой произведения и его композиционным решением и т. д.). По аналогии мы можем перенести эту интерпретацию на полученный нами материал, выделив несколько уровней «замедления».

Во-первых, сами по себе отношения между выделенными нами траекториями демонстрирует наличие противоречивого движения, заложенного в саму основу архитектуры игрового уровня. Так, в двух из трех игр мы видим преобладание уровней с большой разницей между реальной и виртуальной целями – в результате уровень изначально создает ситуацию усложнения, которая оказывается разрешенной лишь в финальных уровнях (обе игры *Celeste* демонстрируют в последних уровнях совпадение между линиями целей, что создает своеобразную разрядку).

Следующим уровнем «противоречия» выступает отношение между виртуальной траекторией и реальной целью. Виртуальная траектория всегда оказывается длиннее линии реальной цели, демонстрируя более сложный вариант пути, требующий определенных усилий не только в силу специфики самого игрового процесса, но и просто по своей длине и форме сильно усложненный по отношению к простой прямой.

Третий уровень – это противоречие между траекториями виртуальной и реальной, выражающееся зачастую в несовпадении типов. Здесь интересно то, что во многих из рассмотренных случаев реальная траектория стремится к линии реальной цели. То есть можно говорить о том, что реальная траектория стремится к преодолению противоречия между виртуальной траекторией и реальной целью. На данный момент это положение можно принять за гипотезу, поскольку для его подтверждения необходим анализ большего числа игровых уровней, а также выработка критерия, который позволит нам оценить степень схожести между траекторией и линией цели.

Наконец, можно выделить четвертый уровень – это наличие или отсутствие усложненной траектории, создающей промежуточные цели и, таким образом, максимально замедляющей движения игрока. Стоит отметить, что многие усложненные траектории представляют собой удлинение реальной траектории, к которой добавляется дополнительная петля.

На основе анализа рассмотренных игр можно говорить о том, что для задержания игрока на уровне (и создания таким образом аффекта) в первую очередь используют третий и четвертый уровни. Так, *Celeste Classic* преимущественно использует третий уровень, в то время как *The End is Nigh* полностью сосредотачивается на четвертом уровне, минимизируя влияние третьего и делая сами усложненные траектории более вариативными. *Celeste* может быть рассмотрена как своеобразный синтез между этими двумя подходами, хотя все еще с преимущественной ориентацией на третий уровень.

Выводы

В качестве основных результатов проведенного исследования можно выделить следующее:

1. Предложен вариант метода визуального анализа игрового процесса, позволяющий описать способы взаимодействия игрока с игровым пространством через ряд типических траекторий (виртуальная цель, реальная цель, виртуальная траектория, реальная траектория, усложненная траектория), отношения между которыми позволят

проследить определенные тенденции в организации пространства.

2. Предложена интерпретация полученных отношений между траекториями с точки зрения теории Л. С. Выготского. А именно несовпадения и противоречия между вариантами движения игрока могут быть поняты как способы «замедления аффекта», приводящие к тому, что достижение финальной точки воспринимается как разрядка психологической энергии.

3. Выдвинута гипотеза о том, что игровые пространства игр жанра 2D- платформер организованы по двум ключевым моделям – ориентирующимся либо на сильное различие между виртуальной траекторией движения игрока и его реальным маршрутом, либо на включение в уровень особого усложненного маршрута, подразумевающего достижение промежуточных целей перед тем, как прийти к конечной точке уровня.

В дальнейшем возможно развитие данного исследования по следующим направлениям:

1. Исследование большей выборки игр различных жанров и времени создания для подтверждения выявленных в данном исследовании закономерностей для жанра 2D-платформеров, а также для обнаружения возможно отличающихся принципов организации пространства в играх других жанров.

2. Возможно применение метода построения траекторий движения и исследование несовпадения между ними в других художественных пространствах. Наиболее очевидным примером здесь является архитектура, которая также «осваивается» зрителем в результате движения в особом пространстве (при этом, как мы видели, архитектурное и игровое пространства регулярно сравниваются).

Список литературы / References

Aarseth E., & Grabarczyk P. (2018). An Ontological Meta-Model for Game Research. In *DiGRA Conference*.

Atkinson, P., & Parsayi, F. (2021). Video Games and Aesthetic Contemplation. In *Games and Culture,* 16(5), 519–537.

Beljaev, D. A., Beljaeva, U. P., Prineva, E. V., & Skripkin, I.N. (2020). Hudozhestvenno-jesteticheskoe soderzhanie videoigr kak interaktivnogo mediuma jekrannoj kul'tury [Artistic and aesthetic content of video games as an interactive medium of screen culture]. In *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy about the world and man],* 9(1–1), 130–137.

Bos. D. (2018). Answering the Call of Duty: Everyday Encounters With the Popular Geopolitics of Military-Themed Videogames. In *Political Geography,* 63, 54–64.

Garcia, M.S., De Lacour Jimenez, R., & Linares, A. M. G. (2020) Games Studies in Architectural Education: An Experimantal Graphic Approach Implemented in Granada University Architecture School. In *CEUR Workshop Proceedings,* 1–12.

Johnson, D., Klarkowski, M., Phillips, C., McEwan. M., & Watling, C. N. (2018) Greater Rewards in Vidoegames Lead to More Presence, Enjoyment and Effort. In *Computers in Human Behavior,* 87, 66–74.

Kyshtymova, I. M., & Tiofeev S. B. (2019). Vlijanie videoigr na gejmerov: k probleme opredelenija transformacionnogo potenciala igrovoj aktivnosti [The influence of video games on gamers: on the problem of determining the transformational potential of gaming activity]. In *Baikal Research Journal,* 10(4), 3.

Lankoski, P., & Bjork, S. (2015). *Game Research Methods an Overview*. ETC Press, 360 p.

Miroshnichenko, N. A., & Semerikov, I. A. (2019). Fenomen videoigry i postmodernistskoe iskusstvo [The phenomenon of video games and postmodern art]. In *Filosofija v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii «Chtenija Ushinskogo», Jaroslavl', 05–06 marta 2019 goda [Philosophy in the modern educational space: problems and prospects: materials of the scientific-practical conference «Readings of Ushinsky», Yaroslavl, 05–06 March 2019]*, 54–57.

Nikitina, A. V. (2016). Landshafty videoigr: filosofsko-kul'turologicheskij analiz [Landscapes of video games: philosophical and cultural analysis]. In *Nikonovskie chtenija: Jelektronnyj sbornik nauchnyh statej: v 2-h tomah, Cheboksary, 22 aprelja 2016 goda [Nikon readings: Electronic collection of scientific articles: in 2 volumes, Cheboksary, April 22, 2016],* 223–225.

Pacheco, A. C., & Martinho, C. (2019). Alignment of Player and Non-player Character Assertiveness Levels. In *Proceedings of the 15th AAAI Conference on Artificial Intelligence and Interactive Digital Entertainment,* 181–187.

Pang, C., Neutstaedter, C., Moffattm K., Hennessy, K., & Pan, R. (2020). The Role of a Location-based City Exploration Game in Digital Placemaking. In *Behaviour and Information Technology,* 39(6), 624–647.

Pearson, L. C. (2020). A Machine for Playing in: Exploring the Vidogames as a Medium for Architectural Desing. In *Design Studies,* 66, 114–143.

Pescarin, S., Fanini, B., Ferdani, D., Mifsud, K., & Hamilton, A. (2020). Optimising Environmental Education Narrative Videogames: The Case of «A Night in the Forum». In *Journal on Computing and Cultural Heritage,* 13(4).

Ramos, A. V. (2020). Aethetic Uses if the Past and Limits in the Reconstruction of Historical Space Inside Videogames. In *Culture and History Digital Journal,* 9(1).

Redon A. N. (2021). An Unexpected Perspective: From Ancient Egypt to Adventure. In *EGA Revista De Expresion Grafica Arquitectonica*, 26(41), 206–217.

Robson, J., & Tavinor G. (2018). *The Aesthetics of Videogames.* Routledge, 235 p.

Romero, J. E. O., & Del Olmo, F. J. R. (2020). Historically Themed Videogames as Visual Art: Conscious Anachronism and Creative License in the Representation of Urban Spaces in the Assassin's Creed Series. In *Co-Herencia,* 17(33), 41–63.

Shafer, D. M., Carbonara, C. P., & Korpi, M. F. (2019). Factors Affecting Enjoyment of Virtual Reality Games: A Comparison Involving Consumer-grade Virtual Reality Technology. In *Games for Health Journal,* 8(1), 15–23.

Thi Nguyen, C. (2020). The Arts of Action. In *Philosophers Imprint,* 20(14), 1–23.

Tikhomirova, D. V., Chubarov, A. A., & Samsonovich, A. V. (2020). Empirical and Modeling Study of Emotional State Dynamics in Videogame Paradigms. In *Cognitive Systems Research,* 60, 44–56.

Totten, C. W. (2014). *An Architectural Approach to Level Design.* CRC Press, 420 p.

Volkova, I. (2019) Virtual'naja real'nost' i igrovye kommunikacii: opyt muzeev i igrovoj industrii [Virtual Reality and Game Communications: Experience of Museums and the Game Industry]. In *Mul'timedijnaja zhurnalistika: mediakommunikacii i mediaindustrija: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 01 marta 2019 goda [Multimedia journalism: media communications and media industry: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 01, 2019],* 122–125.

Vygotskij, L. S. (1998). *Psihologija iskusstva [Psychology of Art]*. Moscow, Feniks, 480 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 244–253

DOI: 10.17516/1997-1370-0907
УДК 323.21

Socio-Political Communications in the Context of Ideological Discourse

Sergey V. Ivlev*
Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 10.02.2022, accepted 15.02.2022

Abstract. The processes of separation and distribution of power in society are largely determined by socio-political communications, the study of which at the present stage of development of society acquires both theoretical and practical relevance. In modern conditions, the influence of socio-political communications on the development of society acquires not only a positive character, in terms of the formation of public dialogue, ideological consensus, but also contains certain threats in the context of the use of new information technologies in the dissemination of mechanisms for manipulating public opinion. In this context, the relationship between socio-political communications and issues of ideological discourse is obvious. The phenomenon of ideology within the framework of discourse analysis is considered from the point of view of its role in the reproduction of social relations. In the ideological discourse there is always a controversy expressing the most general tendencies of the struggle of certain ideas in society. On the one hand, ideologies first of all try to outline relations with their most prominent opponents, contacts with which are formed on the principles of distancing. Ultimately, such a «dialogue» mode of discourse leads to political destabilization. On the other hand, the ideological contacts of supporters of ideologies with more politically acceptable competitors suggests the possibility of their rapprochement, which cannot but strengthen political stability in society. The article analyzes current trends in the development of socio-political communications, as well as their influence on the formation of the ideological configuration of modern society. The implementation of socio-political communications in the public sphere of socio-political relations is presented. The functions implemented in the public sphere are analyzed, allowing to ensure effective interaction between the authorities and society. The type of social structure depends on socio-political communications, within which new technological practices are formed that have a contradictory effect on the development of society. As a result of the study, the necessity of the practical application of socio-political communications in achieving an ideological consensus in modern society is shown.

Keywords: ideology, communication, ideological discourse, socio-political interaction, social stability, consensus.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: akseniya.krupkina@mail.ru

Research area: political sociology.

Citation: Ivlev S. V. (2022). Socio-Political Communications in the Context of Ideological Discourse J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 244–253. DOI: 10.17516/1997-1370-0907

Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса

С.В. Ивлев
Кемеровский государственный университет
Российская Федерация, Кемерово

Аннотация. Процессы разделения и распределения власти в обществе во многом определяются социально-политическими коммуникациями, изучение которых на современном этапе развития социума приобретают как теоретическую, так и практическую актуальность. В современных условиях влияние социально-политических коммуникаций на развитие общества не только приобретает положительный характер в плане формирования общественного диалога, идеологического консенсуса, но также содержит в себе определенные угрозы в условиях использования новых информационных технологий в распространении механизмов манипуляции общественным мнением. В данном контексте очевидна взаимосвязь социально-политических коммуникаций с вопросами идеологического дискурса. Феномен идеологии в рамках дискурс-анализа рассматривается с точки зрения ее роли в воспроизводстве социальных отношений. В идеологическом дискурсе всегда присутствует полемика, выражающая наиболее общие тенденции борьбы тех или иных идей в общества. С одной стороны, идеологии прежде всего пытаются очертить отношения со своими наиболее яркими противниками, контакты с которыми формируются на принципах дистанцирования. В конечном счете такой «диалоговый» режим дискурса ведет к политической дестабилизации. С другой стороны, идейные контакты сторонников идеологий с более приемлемыми по политическим соображениям конкурентами предполагают возможность их сближения, что не может не укреплять политическую стабильность в обществе. В статье анализируются современные тенденции развития социально-политических коммуникаций, а также их влияние на формирование идеологической конфигурации современного общества. Представлена реализация социально-политических коммуникаций в публичной сфере общественно-политических отношений. Проанализированы функции, реализующиеся в публичной сфере, позволяющие обеспечить эффективное взаимодействие власти и общества. Тип общественного устройства зависит от социально-политических коммуникаций, в рамках которых формируются новые технологические практики, противоречиво влияющие на процесс развития общества. В результате исследования показана необходимость практического применения социально-политических коммуникаций в достижении идеологического консенсуса в современном обществе.

Ключевые слова: идеология, коммуникация, идеологический дискурс, социально-политическое взаимодействие, консенсус, общественная стабильность.

Научная специальность: 22.00.05 – политическая социология.

Введение

Современный социально-политический процесс не реализуется без взаимодействия социальных субъектов вне коммуникаций, которые инициируют направления развития общественной жизни. В нашем исследовании, актуализируя значимость целеполагания в осуществлении социально-политической коммуникации, возникает необходимость обращения к определению социально-политической коммуникации французским социологом Р. Ж. Шварценбергом, который трактует ее как «процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия» (Shvartsenberg, 1992). Из этого следует, что процессы социально-политической коммуникации с точки зрения развития политической системы и идеологического дискурса рассматриваются как обмен информацией в целях достижения общественного консенсуса. Однако коммуникация предполагает не только передачу информации, но и трансляцию культурных ценностей, обуславливающих содержание идеологического дискурса в целом.

Теоретические основы

Коммуникация пронизывает человеческие отношения и, согласно Л. Паю, является «паутиной человеческого общества», которая создает основу для структурирования определенных властных отношений. Ученый, по сути, предсказал формирование представлений о мировой культуре, преодолевающей границы национальных государств, в которых соединяется рациональная теория бюрократии М. Вебера с теорией гражданской культуры Г. Алмонда. Коммуникация обеспечивает распространение такой мировой культуры в политическом развитии социума.

В исследованиях коммуникации часто выражались идеи о системах и кибернетике, особенно в работах Д. Истона, но более конкретно в исследованиях К. Дойча – в его книгах «Нервная система правления», «Национализм и социальная коммуникация». В «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса раскрывается концепция противоречия между областями повседневного существования людей и их привычных форм взаимодействия, и существованием экономической и политической организаций общества как некоего целого, производящего коммуникативные связи людей, регулируемые непосредственно законами самого языка.

Постановка проблемы

На основании представленных концептуальных исследований выстраивается следующая проблема. Социально-политические коммуникации имеют амбивалентную природу, одновременно являясь элементом политической системы, выступают инструментом консолидации в процессе идеологического диалога, с одной стороны, но при этом с развитием современных технологий становятся механизмом манипуляции общественным мнением, в том числе в идеологическом плане, – с другой.

Методы

В статье используются следующие методы: структурно-функциональный подход, системный анализ, компаративистский метод.

Обсуждение

В западной социальной науке сформировались разнообразные подходы к пониманию социально-политических коммуникаций и идеологического дискурса. Рассмотрение вопросов взаимодействия между государством и обществом име-

ет богатую историко-философскую базу. Но если посмотреть на эту проблему на макроуровне, то большинство концепций можно свести к теории одностороннего вертикально выстроенного взаимодействия государства и общества.

В современной политической социологии существуют различные подходы в рассмотрении коммуникативных процессов. В концепции К. Дойча информация выступает важным механизмом в функционировании социальных систем. Он сравнивает информационные потоки с разветвленной нервной системой, что во многом предопределяет эффективность работы власти. Важно подчеркнуть, что согласно теории К. Дойча распространение информации внутри политической системы определяется зрелостью общества. В демократических моделях развития общества информация свободно транслируется во всех социальных группах (но при этом ее содержание зависит от адресата), соответственно, в тоталитарных режимах доступ к информации носит ограниченный характер (Deutsch, 1966).

В контексте нашего исследования интерес вызывает позиция немецкого философа Ю. Хабермаса. Он «различает власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями (Khabermas, 1995:50).

Идеология как форма коммуникации в формировании социально-политического дискурса с точки зрения рациональности рассматривается в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Он определяет дискурс, исходя из противопоставления моделей: «идеальная речевая ситуация» и «систематически искаженная коммуникация (идеология)» (Khabermas, 1995).

Особое внимание коммуникативной реальности уделяет Э. Гидденс. Он отмечает, что «позиционирование или расстановка индивидов в пространстве социальных взаимодействий составляет фундамент социальной жизни» (Giddens, 2005:20). По сравнению с нормативистской теорией общества Ю. Хабермаса нормативный уровень рассматривается Э. Гидденсом не как жестко заданный в конкретный момент исторического развития, а как достаточно конструируемый в потоке реального времени-пространства путь социального творчества.

Согласно научному подходу М. Кастельса к осуществлению комплексного исследования всего многообразия общественных отношений, выделяется множество потоков, формирующих современное «сетевое общество». «Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества,» – пишет М. Кастельс (Kastel's, 2000: 326).

Российские ученые уделяют вопросу исследования природы, сущности и особенностей политических коммуникаций, а также проблеме идеологического дискурса не меньшее внимание. О. А. Барташова и С. Е. Полякова рассматривают «political and legal discourses are the types of institutional discourse which aims at organizing and managing the social network. These types are mostly represented through pragmatically persuasive texts (electioneers' speeches, parliamentary debates, prosecutor's charges and speeches for the defense, etc.). From a general linguistic perspective persuasiveness means how the addressant influences the addressee by convincing them in something or motivating to certain actions given a free choice perceived by the addressant. Any discourse is grounded in a certain pattern of human experience» (Bartashova, Polyakova,

2018:707). В данном случае авторы анализируют социально-политические дискурсы с правовой позиции с учетом лингвистического исследования текстов, но необходимо, на наш взгляд, рассмотреть данное понятие также с точки зрения идеологической и политической коммуникации.

Категория дискурса вышла за границы исключительно лингвистического определения, она имеет междисциплинарный характер. М. Б. Ворошилова отмечает, что дискурс, в том числе и политический, всегда находит свое выражение в тексте, но не сводится к некоему одному тексту: «Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс – это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации» (Voroshilova, 2007:73).

В работе «Политический дискурс: попытка истолкования понятия» Ю. А. Сорокин интерпретирует понятие «дискурс» как составную часть идеологии: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический имплицитно прагматичен» (Sorokin, 1997:57).

Согласно мнению К. Манхейма, существует проблема соотнесения частной и тотальной идеологий. Частная описывает ситуации простого искажения информации, ложных сведений, не затрагивающих глубинные ментальные структуры субъекта и схемы интерпретации действительности. Тотальная идеология способна изменить интерпретационную матрицу как на уровне субъекта, так и на уровне социальных групп и общества в целом, тем самым изменяя глубинные ментальные схемы восприятия (Mankheim,1992).

Представитель неомарксизма А. Грамши развивал идею о гегемонии – ситуации, при которой власть осуществляет свое доминирование, основываясь не только на силе принуждения, но и на силе согласия. Грамши анализирует осуществление гегемонии в пространстве повседневного мышления и повседневных способов взаимодействия между людьми. В рамках дискурс-анализа гегемония может рассматриваться в терминах борьбы для установления символического порядка дискурса как на уровне отдельных теорий, где сталкиваются противоположные трактовки событий, так и на уровне повседневных дискурсивных практик (Gramshi, 1980)

Необходимость анализа дискурса связана также и с идеями противостояния, с одной стороны, гуманистического направления, а с другой – радикально-настроенных течений в определении тенденций развития социума. Идеологические противостояния, с точки зрения А. В. Грачева, это «конфликты ценностные, они глубоко субъективны, опыт соперников обусловлен спецификой культуры и истории, в таких конфликтах предполагается смена политической системы, изменение правил игры» (Grachev, 2014: 86). Актуальность конфликтологического исследования идеологии связана с проблемой взаимоотношений консерватизма, либерализма и социал-демократизма, а также их возможного взаимодействия в рамках социально-политической коммуникации.

Классический либерализм, возникший со времен Дж. Локка, предполагает рассмотрение либерального направления в рамках негативной концепции свободы, где свобода понимается как снятие всех ограничений в понимании и воспроизводстве собственности. Во многом противостоянию идеологическим концепциям послужила Великая Французская буржуазная революция XVIII в., которая проходила под лозунгами: «Свобода», «Равенство», «Братство». Понимание общественной жизни с позиций социального равенства противоречило традиционным европейским ценностям. Ответной реакцией стал возврат к идеям традиционализма – первое направление консерватизма.

В процессе трансформации социально-политических систем сформировались

новые идеологические парадигмы, а именно неолиберализм, неоконсерватизм и социал-демократизм. Однако, как показывает практика, их коммуникативные стратегии находятся в противоречии друг с другом. Разногласия формируют полярность вопросов рассмотрения характера общественно-политического развития: авторитаризм – демократия, равенство – социальная иерархия, централизм – федерализм, национализм – толерантность и т. д. Во многом преодолению идеологических противоречий как в российских условиях, так и в условиях мировой практики могут способствовать социально-политические коммуникации, ориентированные на решение комплекса проблем: переработка форм политико-коммуникативных передач; создание положительных политических мифов и образов; развитие социально-политических действий информационного влияния на поведение субъектов политики; формирование мнения граждан.

Специфика социально-политических коммуникаций особенно ярко проявляется в публичной сфере. В современном научно-политическом лексиконе понятие «публичная сфера» используется в двух смыслах. В узком смысле она, по определению Ю. Хабермаса, «означает, прежде всего, ту область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение» (Khabermas, 1973:231). Иными словами, это арена, форум публичного дискурса по поводу социально-политических проблем жизни и развития общества. В широком смысле публичная сфера в противовес частной – это сфера реализации присущих любому обществу коммунитарных интересов, т. е. интересов общества в целом. Публичная сфера не исчерпывается отдельными коммуникациями граждан и ее общественной рефлексией. Публичное обсуждение общих интересов порождает стремление реализовать их практически. По существу, публичная сфера – это всегда возможность сочетания элементов сопричастности и демократизма. Смысл в том, чтобы соединить процесс активизации общественных организаций в политической деятельности с процессами управления органами власти для объединения индивидуальных интересов с общественными, а именно системы ценностей общества в целом. В данном случае публичная сфера обозначает проблему взаимодействия политических институтов и гражданского общества в создании политики, обеспечивающей публичный интерес (Krasin, 2005).

В публичной сфере реализуются следующие функции в процессе взаимодействия власти и общества. Первая функция – артикуляция интересов, которые выражают требования, предложения и запросы со стороны общества. В современном обществе проблема артикуляции социальных интересов во многом вызвана отсутствием базового консенсуса гуманистически направленных парадигм социально-политического развития: консерватизма, либерализма, социал-демократии. Проблема реализации данной функции заключается и в слабости институтов гражданского общества, особенно в российских условиях. С одной стороны, система социальных интересов не структурирована и атомизирована, а с другой – сфера государственного влияния настолько велика, что практически отсутствует возможность их представления государственным структурам. Определенная разобщенность социальных интересов вызвана кризисом идентичности, который чаще всего проявляется в периоды политической нестабильности. Как отмечает И. С. Семененко, «политика идентичности трактуется не только в традиционном для зарубежной науки контексте вовлеченности меньшинств и представляющих их групп интересов в «борьбу за идентичность» и продвижение прав ущемленных в социальном статусе сообществ, но и как политика государства и негосударственных субъектов политического процесса по формированию национальной, гражданской, территориальной идентичностей. Политика идентичности включает такие ключевые направления, как символическая политика, политика в сфере образования и культуры, политика языка, политика памяти» (Semenenko, 2017: 58).

Вторая функция – агрегация интересов, которая во многом вытекает из первой и означает систематизацию и комбинирование органами власти в процессе коммуникации социальных интересов, а именно анализ общественного мнения, состояние дел в обществе, в государстве, в экономике, социокультурной сфере. В реализации данной функции необходима совместная деятельность профсоюзов, общественных организаций, средств массой информации, государственных структур. В процессе агрегации социальных интересов значительную роль играет трансляция политической информации, в частности через СМИ, политические партии, политическую элиту. Можно согласиться с мнением Л. И. Никольской, что «в конечном счете гражданское участие выходит на отстаивание общественных (публичных) интересов и конституирование общественных благ» (Nikol'skaia, 2017: 49). Однако реализация данной функции приобретает чаще всего популистский характер. Э. А. Паин отмечает, что «в условиях слабой ускоренности культуры политического участия и дифференцированности идеологических предпочтений, неразвитой партийной системы и гражданского общества (все это характерно для современной России) подход к пониманию популизма как стратегии политической мобилизации приобретает особую значимость. Данная трактовка популизма подчеркивает роль лидеров, стремящихся воздействовать на общественное мнение с целью укрепления своего влияния и мобилизации сторонников, при том что эта мобилизация может выступать и в качестве инструмента оспаривания существующего политического порядка (популизм как сила протеста), и как средство завоевания власти в целях реализации политической программы (популизм как способ управления)» (Pain, 2019: 37).

На современном этапе развития социума наблюдается увеличение координирующей и регулирующей роли государства. Возрастание этой роли во многом объясняется современными экономическими проблемами, политической неустойчивостью. Централизацию и децентрализацию государственной власти необходимо рассматривать как инструмент социально-политического регулирования взаимоотношений различных институтов гражданского общества и власти. Централизация выступает как подчинение и, возможно, как огосударствление общества, а децентрализация осуществляется средствами консенсуса, координации, коммуникации.

Третья функция публичной сферы – воздействие на формирование государственной политики. Регулирование государственной политики, как правило, связано с наличием отношений идеологического восприятия основополагающих ценностей общества с позициями основных политических акторов в публичной сфере. В современном социально-политическом пространстве существует проблема нарушения диалога общественных интересов, мнений, с одной стороны, и часто эгоистическими устремлениями политических элит – с другой. Преодоление этого конфликтного противостояния в социально-политическом диалоге необходимо для достижения стабильности и мирного развития. В этом процессе коммуникационная активность должна проявляться в следующих аспектах: во-первых, деятельность государства как института, представляющего общую волю и публичный интерес, и, во-вторых, институты гражданского общества, определяющие интересы граждан и социальных групп. В этом ключе задачи государства должны определяться интеграцией интересов граждан, обеспечением общественного консенсуса, способствующего социальному диалогу. Поэтому в реализации данной функции государство всегда нуждается в поддержке со стороны гражданского общества, если она отсутствует, процесс коммуникации между государством и обществом становится односторонним, где главная роль отводится государству, что, как правило, приводит к недемократической конфигурации политической системы и формированию государственной идеологии. В современных демократических

условиях речь идет о существовании политических идеологий, которые конкурируют между собой, но при этом стремятся найти точки соприкосновения, как это отмечалось выше. Признание какой-либо идеологии как государственной и только одной верной, основополагающей возвращает к однополярной внутриполитической системе. Необходимо отметить различие в понятиях «политическая идеология» и «идеологизация социальной сферы». В первом случае имеется в виду конкуренция политических парадигм, что является необходимым для современных демократических систем и позволяет им существовать в рамках коммуникационного пространства. Во втором случае внимание акцентируется на проникновении идеологии в социальные сферы, что приводит к деформации развития социума и затруднению развития гражданских инициатив.

Следующая функция публичной сферы в процессе социально-политической коммуникации и идеологического дискурса – это политическая социализация. Рассмотрение политической социализации сосредотачивается в основном на аспектах вопросов обучения и воспитания, в результате которых члены общества в процессе взаимодействия принимают и адаптируются к нормам общества. Но в более широком смысле социализация способствует формированию консолидации граждан и выбору осознанных позиций в социально-политическом взаимодействии.

Политическая социализация как процесс адаптации к существующей действительности на данный момент находится в состоянии кризиса по следующим причинам: во-первых, существует идеологическая дихотомия: демократия–авторитаризм, федерализм–унитаризм, национализм–мультикультурализм (отмечалось выше), что приводит не столько к идеологическому плюрализму, сколько к идеологическому хаосу, во-вторых, современное общество переживает конфликтное состояние позиций в сфере повседневных практик, например бытовой национализм, гендерные процессы, отношение к традиционным социальным институтам: семья, религия и т. д. Амбивалентность этих позиций проявляется и в европейской культуре, связанной с расхождением по вопросам национально-политического устройства, идеологического взаимодействия в сфере традиционного восприятия устоявшихся ценностей. Члены общества, включаясь в процесс обсуждения этих проблем, безусловно, делают свой осознанный выбор, осмысливают логику своих интересов, стремятся понять оппонентов и найти точки сопряжения разных позиций, однако в условиях острой полемики в обществе формируется фрагментарность в восприятии действительности.

В процессе политической социализации важную роль играют средства массовой информации. А. Д. Трахтенберг отмечает: «Выступая в качестве «дискурсивного перекрестка», на котором могут встречаться и сотрудничать представители самых разных недопредставленных или стигматизированных групп (женщины, студенты, представители этнических сообществ и т. п.), альтернативные СМИ будут способствовать изменению идентичности этих движений и формированию общего фронта демократической борьбы или, если использовать терминологию Э. Лакло и Ш. Муфф, осуществлять гегемонизацию радикального демократического дискурса путем конденсации отдельных демократических требований в единый популистский запрос» (Trakhtenberg, 2006: 89). Средства массовой информации становятся одним из главных компонентов механизма идеологического дискурса на современном этапе общественно-политического развития, что вызывает неоднозначную оценку в научной дискуссии по данному вопросу. С одной стороны, СМИ представляют информацию, которая способствует диалогичности и обсуждаемости разных точек зрения на транслируемую идеологию, а с другой – медиапространство в условиях политической конъюнктуры становится инструментом манипуляции сознания. Как отмечает отечественный исследователь С. Кара-Мурза, «возникла метафора манипуляции в ее современном смысле – как программирование

мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» (Kara-Murza, 2004: 16).

Оптимальная реализация представленных функций в условиях современного общества осуществима при наличии определенных условий, а именно готовности органов государственной власти вести открытый диалог с общественными институтами, а также создания возможностей для развития разветвленной системы коммуникаций.

Результаты и выводы

Современное понимание социально-политических коммуникаций не связывается с поиском универсальной модели, определяющей процессы взаимодействия власти и общества. В условиях наличия разных интересов между участниками процесса политической коммуникации сама коммуникация становится конкурентной. Она разворачивается в сфере борьбы за доминирование ценностей, образов, представлений и смыслов, обеспечивающих реализацию собственных интересов субъектов взаимодействия. Разрешение идеологических противоречий возможно с помощью развития коммуникативных практик. В этом контексте они являются рационально-коммуникативным инструментом, обеспечивающим идеологический консенсус.

Социально-политические коммуникации осуществляются в публичной сфере политического пространства, которая в широком смысле включает в себя не только диалог между структурами власти и обществом, но и практическую деятельность по достижению согласия между участниками социально-политического взаимодействия.

В процессе социально-политической коммуникации реализуются следующие функции: артикуляция и агрегация интересов; воздействие на формирование государственной политики; политическая социализация. Осуществление данных функций происходит не равномерно, а порой разобщенно, что приводит к негативным последствиям в коммуникативных практиках, в частности, к манипулятивным действиям со стороны СМИ. Однако несмотря на наличие отрицательных последствий в реализации социально-политических коммуникаций они консолидируют и регулируют общественные отношения, участвуют в трансляции политического опыта, способствуют развитию активности членов общества.

Список литературы / References

Bartashova, Poliakova, (2018) Manipulirovanie mekhizmom Epistemicheskoi bditel'nosti v politico-pravovykh diskursakh [Manipulation of the mechanism of epistemic vigilance in political and legal discourses]. In *Zhurnal SFU. Gumanitarnye i sotsial, nye nauki*, 2018, 5, 707–715.

Deutsch, K. (1966). *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control,* N.Y., Free Press, 316 p.

Giddens, E. (2005). *Ustroenie obshestva [The organization of a society].* Moscow, Akademicheskii proekt, 528 p.

Grachev, A.V. (2014) Politicheskie ideologii sovremennosti: konfliktologicheskii aspect [The Political ideology of modernity: the conflictological aspect], *In Gumanitarnye issledovaniia [Humanities research].* 1(2), 84–86.

Gramshi, A. (1980). *Izbrannye proizvedeniia [Selected works].* Moscow, Politizdat, 422 p.

Kara-Murza, S.G. (2004). *Manipuliatsiia soznaniem. [Manipulation of consciousness],* Moscow, Eksmo, 273 p.

Kastel's, M. (2000). *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: economy, society and culture].* Moscow, VSHE, 606 p.

Krasin, Iu. (2005). Publichnaia sfera i publichnaia politika v rossiiskom izmerenii [Public sphere and public policy in the Russian dimension]. In *Publichnaia politika v Rossii [Public policy in Russia].* Moscow, Al'pina Biznes Buks, 15–33.

Mankheim, K. (1992). *Ideologiia i utopiia [Ideology and utopia].* Moscow, INION, 245 p.

Pye, L, (1963). *Cjmmunications and Political Development*. Princeton: Princeton University Press, 371 p.

Khabermas, Iu. (1995). *Demokratiia. Razum. Nravstvennost'. [Democracy. The mind. Morality].* Moscow, Akademiia, 245 p.

Khabermas, Iu. (1973) *«The Public Sphere» in Seidman, S. (ed.). Jurgen Habermas on Society and Politics.* Boston, Beacon Press

Nikol'skaia, L.I. (2017) Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii realnogo razvitiia [Civic participation: features of discourse and trends of real development]. In *Polis. Politicheskie issledovaniia [Policy studies].* 6, 43–60.

Pain, E.A., (2019) Populizm i elitism v sovremennoii Rossii: analiz vzaimosviazi [Populism and elitism in modern Russia: analysis of the relationship]. In *Polis. Politicheskie issledovaniia [Policy studies].* 1, 33–48.

Semenenko, I.S. (2017) Mezhdu gosudarstvom i natsiei: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve [Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in the post-Soviet space]. In *Polis. Politicheskie issledovaniia [Policy studies].* 5, 54–78.

Shvartsenberg, R.-ZH, (1992) *Politichieskaia sotsiologiia* [*Political sociology*], Moscow, B.i., 174 p.

Sorokin, Iu. A., (1997) Politicheskii diskurs: popytka istolkovaniia poniatiia. [Political discourse an attempt to interpret the concept]. In *Politicheskii diskurs v Rossii: Materialy rabochego soveshchaniia [Political discourse in Russia: Proceedings of the workshop].* Moscow, NIOPIK, 57–62.

Trakhtenberg, A.D. (2006) Diskursivnyi analiz massovoi kommunikatsii i paradoksy levogo soznaniia [Discussion analysis of mass communication and paradoxes of left consciousness]. In *Polis. Politicheskie issledovaniia [Policy studies].* 4, 44–52.

Voroshilova, M.B. (2007) Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse. [Creolized text in political discourse]. In *Politicheskaia lingvistika [Political linguistics].* 3(23), 73–78.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 254–264

DOI: 10.17516/1997-1370-0908
УДК 009

Modern Youth Culture in the Discourse of Fyodor Dostoevsky's Philosophizing

Olga A. Karlova[a] and Oleg V. Myasoutov[b]
[a]*Siberian Federal University*
Krasnoyarsk, Russian Federation
[b]*Siberian Institute of Business, Management and Psychology*
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 10.02.2022, accepted 16.02.2022

Abstract. The article reflects the scientific discussion about the specifics of modern youth and youth culture, reveals the need to consider them from the standpoint of cultural studies in the context of the cultural identification field of a particular national culture. The article is an experience of such consideration when the data of the sociological study of the cultural meanings of the student youth of the city of Krasnoyarsk are interpreted in the discourse of Russian philosophizing by Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. A reasonable conclusion is made about the need for «soil» (Dostoevsky's term) as a navigator of youth in the new technological and social reality. At the same time, modern youth culture is considered as a specific cultural autonomy, tending to go beyond the formal framework of the generation, in connection with which the problem of creating a competitive cultural field of the «Russian world» is even more urgent.

Keywords: young people, youth culture, national culture, the Russian world, Russian philosophizing, the discourse of F. M. Dostoevsky's creativity, national-cultural «soil», intergenerational dialogue.

Research area: theory and history of culture, art.

Citation: Karlova, O. A. Myasoutov, O.V. (2022). Modern youth culture in the discourse of Fyodor Dostoevsky's philosophizing. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 254–264 DOI: 10.17516/1997-1370-0908

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: akseniya.krupkina@mail.ru

Современная молодежная культура в дискурсе философствования Федора Достоевского

О.А. Карлова[а], О.В. Мясоутов[б]
[а]Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск
[б]Сибирский институт бизнеса, управления и психологии
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье отражена научная дискуссия о специфике современной молодежи и молодежной культуры, вскрыта необходимость рассмотрения их с позиций культурологии в контексте культурно-идентификационного поля той или иной национальной культуры. Статья представляет собой опыт такого рассмотрения, когда данные социологического исследования культурных смыслов студенческой молодежи города Красноярска интерпретируются в дискурсе русского философствования Федора Михайловича Достоевского. Делается обоснованный вывод о необходимости «почвы» (термин Достоевского) как навигатора молодежи в новой технологической и социальной реальности. При этом современная молодежная культура рассматривается как специфическая культурная автономия, тяготеющая к выходу за пределы формальных рамок поколения, в связи с чем еще более актуализируется проблема создания конкурентного культурного поля «русского мира».

Ключевые слова: молодежь, молодежная культура, национальная культура, русский мир, русское философствование, дискурс творчества Ф. М. Достоевского, национально-культурная «почва», межпоколенческий диалог.

Научная специальность: 24.00.01 – теория и история культуры (культурология).

Дискуссионность проблематики

Вопрос о молодежи и ее культуре был и остается одним из самых дискуссионных в современной социальной философии. Молодежь, с одной стороны, «присутствует» на различных стадиях социально-исторического генезиса в качестве специфической возрастной группы и сменяющих друг друга поколений. Каждая культурно-историческая эпоха имеет таким образом «собственную» молодежь, исследования культуры которой основываются на обобщенном анализе накопленных научных данных о социокультурных особенностях, ментальных и поколенческих отличиях молодежи данной эпохи. Ученые задаются вопросом, можно ли вообще использовать термин «молодежная культура» в отношении к институции, в которую каждый субъект включен по возрастному принципу, ссылаясь при этом на статью британского социолога Шейлы Аллен «Некоторые теоретические проблемы в изучении молодежи». Она доказывала, что существуют системные различия в поведении разной молодежи и обращаться ко всем молодежным группам как к частям одинаковой молодежной культуры – значит спорить на высоком уровне абстракции о том, что у молодежи общие психосоциальные проблемы (Fedorova, 2020).

С другой стороны, молодежь и ее культура представлены в общественном сознании и идеологии человечества в виде определенных бытующих концептов и культурных форм разных эпох, обладающих тем не менее известным сходством специфических культурных смыслов. Исследователи, например, отмечают тот факт, что молодежь всегда ассоциировалась с инновациями и чем-то новым, поскольку биологическая и социокультурная гибкости дают ей возможность остро чувствовать и быстро реагировать на изменения в обществе (Omelchenko, 2019).

С этим базисным противоречием, лежащим в основе многочисленных дискуссий, коррелируется другое, не менее фундаментальное, связанное с ролью молодежной культуры, как в общем русле культурной жизни человечества, так и в каждой конкретной национальной культуре. Например, утверждая, что «появление феномена молодежной культуры во многом совпадает с проявлением модернистских тенденций в социокультурном развитии российского социума» (Gurevich, 1995: 155), П. С. Гуревич фактически выводит базовые молодежные культурные смыслы 90-х годов из идей постмодерна 60–70-х годов XX века. Схожие выводы сделаны в некоторых зарубежных исследованиях, в которых молодежная культура мыслится как проявление «автономного социального элемента, продуцирующего собственные смыслы и тексты, имеющего собственную идентичность, репрезентирующую ее при помощи особых культурных кодов, тем самым создавая уникальную символическую структуру» (Kashpar, 2019: 61) в качестве ответа на «состояние постмодерна» (Moore, 2004).

Пересечение различных пониманий терминов «молодежь» и «молодежная культура», актуализация различных аспектов их содержания в последние полвека породили не только многообразие научных подходов по отношению к ним (социологический, культурологический, культурно-антропологический, социально-философский), но и разные тренды их изучения в той или иной национальной научной традиции. Так, в отечественной науке возобладал в основном стратификационный подход: в соответствии с ним молодежная культура изучается чаще всего в рамках социологических и социально-философских исследований. Отечественные культурологи по большому счету пока лишь «приглядываются» к данной проблематике, рассматривая феномены молодежи и молодежной культуры в дискурсе отношения базовой культуры: молодежь как проблема; как страх; как надежда; как зависть; как символ. Распространена традиция выводить культурное содержание исследуемых феноменов из преимущественно социальных оснований. Молодежная культура, по мнению Р. Мура, является некой образующей моделью для социальности молодежи и позволяет ей, усвоив культурный код, творить и быть активными участниками социокультурных процессов и перформансов (Moore, 2004). Более четко эту позицию прописывает экстернальный подход (Shchepanskaya, 2004). Предложенный Т. Б. Щепанской термин «экстернальная культура» призван объяснить промежуточную позицию молодежной культуры в социокультурной системе как альтернативной формы культуры. Некоторые исследователи считают эту культурную «промежуточность» порождением двух видов социокультурных связей: первый, опирающийся на социокультурные ценности молодежи, основанные на ее традиционных интересах и потребностях; и второй, базирующийся на развитии современных социокультурных технологий (Medved, Kiseleva, Levina, 2020).

Есть перспективные попытки оценить феномен молодежи с точки зрения анализа его конкретных социокультурных воплощений. Так, Е. Л. Омельченко, исходя из того, что, «с одной стороны, российская молодежь, по сравнению с западными сверстниками, в меньшей степени включена в международную мобильность, с другой – она плотно вовлечена в глобальные молодежные тренды», делает вывод: «на формирование особых молодежных солидарностей или культурных молодежных сцен не в меньшей степени (а в конкретной российской ситуации – в значительной степени) влияют государственные дискурсы в отношении молодежи, локальные условия взросления, гендерные, религиозные и этнические режимы нормативности и, конечно, уровень и качество жизни в целом» (Omelchenko, 2020: 8). Все более распространенной является точка зрения, что основу жизненных трендов современной молодежи сегодня представляет мейнстрим как «набор принятых, широко употребимых культурных стандартов» (Yusupzyanova, 2018: 151). Мейнстримную молодежную культуру, по мнению исследователей, характеризуют такие аспекты,

как широкое распространение в молодежной среде, маркетинговая составляющая, кратковременность, охват всех социокультурных сфер, следование моде, фальсификация ценностей, парадоксальность, наличие сленга (Yusupzyanova, 2018). Обращает на себя внимание тот факт, что, даже рассматривая феномен молодежной культуры, исследователи предпочитают самые разные методы исследования (экономический, исторический, ценностно-философский, филологический), но довольно редко используют научное поле культурологии и культурно-идентификационные методы.

Методологические подходы

Однако если в основе смысловой парадигмы современной молодежи лежат «культурные стандарты», «религиозные и этнические режимы нормативности», то представляется логичным, что ключевым подходом должен выступать подход культурологический. Более того, если речь идет о современной российской молодежи и ее культурных трендах, то такой социокультурный портрет нуждается в интерпретации с позиций той культуры, частью которой данная молодежная культура является. Нам представляется, что культурно-идентификационные методы, в частности русское философствование, позволяют увидеть новые грани портрета современной российской молодежи и ее культуры. Так, российским людям легче представить себе смену господствующих в обществе моделей человека не как выводы историков и этнографов, а как цепочку литературных героев. В русской литературной классике, стремившейся раскрыть ландшафты человеческой души, благодаря русскому философствованию образы современников всегда получались выпуклыми, впечатляющими, доступными для понимания. Под термином «русское философствование» мы понимаем культурно-идентификационную мыслительную деятельность по определению своеобразия нашего национально-культурного мышления о мире и человеке. Российское общественное сознание в лабиринтах истории выбрало не проложенный Западом путь профессиональной философии, а создание оригинальной «мыслительной среды обитания для разных умов, где они могут сообщаться между собой, находить общие темы и вопросы» (Karlova, 2008: 25). Русское философствование – культурное завоевание, носителем которого была и остается не только интеллигенция, но и все без исключения слои населения страны. Однако совершенствовался этот особый жанр словесности, конечно, благодаря нашим классикам: практически они все приложили к этому руку и перо, но вершиной развития русского философствования справедливо считаются размышления о человеке и эпохе в романах Льва Толстого. Вместе с тем на почве русского философствования вырос также писатель, который заслужил славу не только русского, но и мирового философа, – Федор Михайлович Достоевский. Самый русский из мировых философов и наиболее «общечеловеческий» из русских писателей, Достоевский в XXI веке обрел славу одного из самых популярных мыслителей человечества. Как справедливо отмечает один из ведущих исследователей Достоевского в России и в мире Игорь Волгин, «его миросозерцание противостоит «классическому» славянофильству не в меньшей мере, чем «классическому» западничеству» (Volgin, 2017: 483). Способность его культурно-философских текстов к актуализации через века и культурные эпохи позволяет, на наш взгляд, плодотворно использовать их дискурс в оценке современной российской молодежной культуры.

Для эмпирического исследования особенностей современной молодежной культуры мы привлекли 100 студентов ведущих высших учебных заведений Красноярска (от 18 до 24 лет), отобранных методом случайной выборки. Исследование проводилось в августе-сентябре 2021 года (частично результаты исследования опубликованы в виде стендового доклада в рамках Международной научно-практической конференции «От научных исследований к образовательной политике», 17–18 ноября 2021 года). В рамках исследования нами были использованы методы, позволяющие вычленить

ведущие смыслы молодежной культуры: фокус-группы и анкетирование.

Гипотеза

И ученые, и критики, и литераторы неоднократно замечали, что у Достоевского нет привычной для второй половины XIX века «натуральной» сочности и жизненной «объемности» образов. Не случайно разные художники иллюстрировали его романы по преимуществу графическими рисунками, не находя в них цвета и осязаемого колорита времени. Пожалуй, никто никогда не называл Родиона Раскольникова «героем» или даже «антигероем» своего времени. Скорее всего, по той простой причине, что примет исторического времени в романе почти нет. Но если персонажи Достоевского не привычные нам типы эпохи, то кто же они? Зачем автор рассказывает о них с таким трагическим пафосом? Мы полагаем, что рассуждая о вечном «человеческом в человеке», Достоевский не только во многом предугадал варианты сценариев будущего России и мира, но и ближе всех в русской классике подошел к пониманию модели формирующейся сегодня личности молодого человека и молодежной «культуры желаемого настоящего».

Современная молодежь в дискурсе философствования Достоевского

О Достоевском писали и пишут без преувеличения сотни критиков и ученых. Но, пожалуй, первым, кто вплотную приблизился к тайне философствования Достоевского, был советский филолог и философ Михаил Михайлович Бахтин. Почти 100 лет назад, в 1929 году, он метко оценил созданный писателем новый тип романа, назвав его «полифоническим» (Bakhtin, 1994), многоголосым. Потому что в этом романе – наряду с авторским голосом – равноправно сосуществуют множество голосов и сознаний. «Каждое мнение у него, действительно, становится живым существом и неотрешимо от воплощенного человеческого голоса» (Bakhtin, 1994: 25). Таким образом, «в Достоевском Бахтин видит новатора развития … небывалой диалогизации литературы» (Rodin, 2021: 43).

Мир еще в XX веке признал, что в умении слышать, изображать чужие идеи и сталкивать их в диалоге Достоевский может сравниться только с Данте. Но вряд ли кто-то тогда мог представить себе, насколько этот диалог сознаний будет близок именно нашему сегодняшнему времени. То, что потребность в равноправном диалоге составляет главный нерв сегодняшней эпохи, доказывают не только выступления мировых политиков о многополярности современного мира, не только процветающая в нас толерантность к различным взглядам, культурам и религиям. Права участвовать и быть услышанными в межпоколенческом диалоге сегодня требуют уже не какие-то отдельные молодые реформаторы: это базовое требование современной молодежи как таковой. Поскольку в нынешнем российском обществе в отличие, например, от Китая нет единой общенациональной идеологии да и нравственные устои России пострадали в годы «бескровной революции» 1990-х, старшему поколению кажется, что дети и молодежь сегодня безразличны к главным вопросам российской жизни. Вряд ли это утверждение верно. Просто в нужный момент молодое поколение не часто получает ответы на эти вопросы, более того – многие просто не находят, с кем о них можно искренне поговорить. Проведенное нами социологическое исследование показало, что глубокий и интересный диалог с учителем или преподавателем, по мнению студентов, главный способ совершенствования образования и воспитания. Заметим, не рассказ учителя, пусть даже очень увлекательный, а диалог, с неудобными вопросами, с другими мнениями, часто даже неприятно откровенными для нас. В традиционной педагогической схеме, когда есть два мнения (мое и неправильное), диалог мыслится как ответ ученика, желательно ожидаемый, на хрестоматийный вопрос учителя. В отстаиваемой студентами педагогической парадигме диалог представляется иным: здесь самая высокая оценка может быть поставлена за убеди-

тельно сформулированные сомнения в верности традиционной истины, за наполненную глубоким смыслом формулировку вопроса – иначе говоря, за напряженную работу собственной мысли ученика. Достоевский, указавший нам этот путь, среди своих современников – явление исключительное. Помимо одаренности у него был еще уникальный жизненный опыт, которого хватило бы на десяток человеческих судеб. Выпускник Главного инженерного училища, вошедший во взрослую жизнь чертежником петербургской инженерной команды, он одновременно стал одним из самых образованных литераторов того времени, переводчиком многих европейских романистов; автором, обласканным Белинским за первый свой роман, но уже за второй низвергнутым тем же Белинским с пьедестала «нового гения». Достоевский вступил в члены тайного общества петрашевцев, планировавших государственный переворот, стал узником Петропавловской крепости, пережившим смертный приговор и его отмену после гражданской казни – и он же поехал на восьмилетнюю сибирскую каторгу уже поборником православия, взяв с собой только Библию, подаренную женами декабристов в Тобольске. Это был человек, вынесший с каторги не только хвори и болезни (среди которых была и эпилепсия), но и «Сибирскую тетрадь» с записями о жизни каторжан, ссыльных и всевозможных разночинцев в Семипалатинске, Кузнецке, Барнауле. После восстановления Александром II в дворянском звании петрашевцев и декабристов Достоевский занялся журналистикой в Твери и Петербурге, не пропуская ни одного судебного процесса, публикуя на их основе свои статьи и книги. При первой же возможности он проехал практически всю Европу, присматриваясь к тамошней жизни, пристрастился к карточной игре, что сделало его завсегдатаем игорных домов, а изменчивое карточное счастье не раз ставило перед ним вопрос о «легком выходе» из жизненных тупиков. И все это Достоевский переплавлял в свои газетные и журнальные статьи, в ткань своих романов. Но не затем лишь, чтобы описать свою биографию или биографию своего поколения. Он хотел понять, как из обычного человеческого настоящего прорастает будущее человечества, он хотел угадать это будущее, стремясь показать до конца, до предела, куда заведет того или иного персонажа его идея. Философ как бы перебирал варианты будущего России. И общепризнано, что многие из его личностей-идей нашли свое воплощение в катастрофах мировой истории XX и XXI веков – в типажах революций, гражданских войн и фашистских путчей. Одна из причин этого в том, что историческое время было для писателя несущественно, он писал не о помещиках и крестьянах, не о разночинцах и судейских. Цель его была иная – «найти человека в человеке», изобразить «глубины души человеческой» и «переулки» человеческого сознания (Bakhtin, 1994: 79). «Человеческое» у Достоевского – это огромный потенциал идей и одновременно их уникальное сочетание. В «Бесах» Шатов говорит Ставрогину: «Мы два существа и сошлись в беспредельности … в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий! Заговорите хоть раз в жизни голосом человеческим» (Dostoevsky, 1974: 195). Но ведь понять «человеческое в человеке», то есть все разнообразие того, что в человеке заложено, это как раз сегодняшнее ощущение жизни XXI века, это фокус современной молодежной культуры. Остались в прошлом и советский классовый принцип определения людей, и молодежные идеалы, воплощенные в конкретных героях (типа Гагарина или Че Гевары), и споры о «физиках» и «лириках», об «интеллектуалах» и «интеллигентах». В этом смысле идеалов у сегодняшней молодежи как бы нет вообще. Зато каждый почувствовал собственный интерес к самому себе как к человеку. Современные студенты формулируют свои жизненные цели «по-человечески» неопределенно: большинство просто хочет, закончив университет, «стать независимым, найти себя». Добавим, что это и не цель в полном смысле слова: это просто «самоосознание», в котором не про-

сматриваются четкие контуры задач и этапов. К примеру, и выпускники школ на вопрос «Кем хотите стать?» тоже вполне в духе Достоевского отвечают: «Человеком успешным, реализованным». Для антропологического анализа это слишком абстрактно, но совершенно нормально для современного клипового молодежного сознания. С одной стороны, к этой социологической и профессиональной неопределенности молодежи трудно подступиться: она представляет серьезную научную проблему. Но необходимо признать, что она является адекватным ответом нового поколения на вызовы времени. Неопределенность – это, в известном смысле, готовность ко всему, обеспечивающая быстроту и подвижность реакции. Она позволяет молодежи, не скованной конкретными целевыми ожиданиями, легче вписываться в сегодняшнюю жизнь с ее комплексностью, новыми средами реализации и сверхдинамичными темпами изменений. И что характерно: впервые российское общество столкнулось с таким «вихревым» движением жизненных сюжетов именно в романах Достоевского. Созданные писателем жизненные «вихри» высокой напряженности, соединяющие все существенное разом в одном ряду, «здесь и сейчас» как будто бы перенеслись в его романы из нашего времени. Современные молодые люди хотят максимально полно жить «здесь и сейчас», не откладывая что-то значимое на будущее. Иначе говоря, перед нами молодежная «культура желаемого настоящего». Год от года увеличивается число школьников, с которыми практически не срабатывают такие стимулы в учебе, как обещание чего-то, скажем, «в будущее воскресенье», не говоря уже о более отдаленных перспективах. Увеличивается число молодых специалистов, готовых уволиться с работы, если служебная необходимость мешает, например, уехать к морю в желаемый период. Многие студенты разных специальностей в опросе высказывают желание после вуза «работать на себя», потому что в этом случае «когда хочу, тогда и еду куда хочу». Социальные сети заполнены блогерами, готовыми в виртуальном мире жить под маской как бы реализованного «желаемого настоящего», чтобы собирать «лайки», подписчиков и получать рекламную прибыль. В своем сознании современная молодежь – теперь уже с помощью виртуальной среды – «прогибает мир под себя», игнорируя до поры до времени возможный драматизм столкновения двух реальностей. Получается, что для современного молодого человека, как и для персонажей Достоевского, не очень существенно, кто он есть в реальном мире, значительно более важно, как он осознает себя (Bakhtin, 1994: 47).

Герои писателя тоже большей частью молоды и очень интересны сами себе; они бескомпромиссны к среде и к надобностям других; они также не озадачиваются будущим, а их биография и фактор семьи практически не существенны, когда речь идет о их личном понимании мира. Они живут «здесь и сейчас», настаивают на своем свободном выборе и самореализации. В них, конечно, есть и то, что объединяет всех российских людей: это желание спорить с несовершенными законами и укладом жизни, отстаивая справедливость. Это главная черта русского философствования – обостренное ощущение каждым российским человеком «своей правды». Жизненные типажи, которые могут высказать свою личную точку зрения на мир и на себя, Достоевский искал, перебирая дворянство, чиновников и разночинцев, но социологические характеристики ему не подходили. Его выбор пал на «мечтателей» и так называемых людей из подполья. Писателю было важно не описание героя, а разговор с ним, и даже не разговор, а публичная защита им своей основополагающей идеи. И вот тут-то кроется, казалось бы, ощутимое отличие от наших молодых современников: персонажи Достоевского – это двойники идей, идеологи. А сегодняшняя молодежь кажется далекой от всякой идеологии. Но может быть, просто поменялся тип идей, способ их существования? Откуда-то ведь берутся в современной молодежной среде все новые и новые группы со своим культурным кодом и символикой. Из чего-то вырастает бесконечное

множество смысловых «переулков» креативной «культуры желаемого настоящего». Исследования показывают, что нынешняя молодежная культура имеет «лоскутное качество» и представляет из себя «дайджест» самых разнообразных культурных текстов различных социальных страт, эпох, цивилизаций и этносов. В молодежном сознании специфическими культурными смыслами наполняется все: политические лозунги, этические установки, общественные коммуникации. А что, если именно из-за этого «культурного сценария» социализации современной молодежи идея в ее сознании выступает, прежде всего, как общекультурная практика? Не будем забывать, что именно недостаток практик, которые могут пригодиться в жизни, назвала главным пробелом сегодняшнего образования почти половина опрошенных студентов. Практики необходимы, чтобы проверять ими бесконечный жизненный выбор. В ситуации такого выбора постоянно находятся персонажи Достоевского. Бахтин писал: «…Из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится сделать двух людей, чтобы драматизировать это противоречие» (Bakhtin, 1994: 39), столкнув личности-идеи в прямом противостоянии. Писатель, занятый смысловыми глубинами человека, не упускал из виду и проблемы среды, формирующей личность. Множество статей его полемизируют с популярной в адвокатской практике того времени теорией среды. Аргумент в пользу любого обвиняемого: «Среда виновата!» вызывал у писателя яростную отповедь. Свобода, которой отмечен каждый поступок его персонажей, противостоит самой идее «зависимости от среды». Писатель считал: на то и дана человеку свободная воля, чтобы он не шел слепо за своими потребностями, но понимал личную ответственность за выбор. Многое в жизни современного молодого поколения можно объяснить «трудностями среды». Не только школа, но и общество в 90-е годы XX столетия устранилось от воспитания: вместе с «дворами для людей» исчезла и «дворовая педагогика», когда бабушки на лавочке присматривали за всей детской ватагой сразу, воспитывая вежливость и гарантируя безопасность от чужих. Три десятилетия насилие захлестывает наше телевидение и Интернет, включая детскую мультипликацию. Преимущественно виртуальная «среда обитания» молодежи снижает шансы нового поколения на успешную общественную социализацию и человеческое взросление. При этом темпы жизни резко ускорились, конкуренция возросла. Все это, безусловно, необходимо учитывать, планируя направленные педагогические усилия. Но все это не может служить основанием для извинения моральных проступков или преступлений человека. По Достоевскому, личность во все времена должна осознавать свою ответственность за выбор. Потому что этот выбор есть не только ее собственная судьба, но и во многом судьба мира. Яростный бой, который давал Достоевский теории среды, был связан еще и с тем, что писатель-философ видел корни этой теории в историческом сознании российского народа, связанном с традициями общинной жизни. Безответственность в этом строе жизни поддерживается «круговой порукой», патернализмом, возложением вины на вожака и власть, главенством справедливости над законом, популярностью «робингудов» и «справедливых» криминальных авторитетов. Эта логика оправдания обстоятельствами заставляла Достоевского еще яростнее отстаивать приоритет ответственности каждой личности за свой свободный выбор. Писатель видел в жизненной среде набор механической необходимости, который человек проживает бессознательно, и считал, что только осознание себя и своих реальных обстоятельств способно преодолеть «приговор среды».

Здесь обнаруживается близость русского философствования Достоевского и Льва Толстого. У Толстого есть запись в дневнике о том, как он стирал пыль в своем кабинете и обнаружил вдруг, что забыл, вытирал ли ее с дивана или нет. Так как эти действия он производил неосознанно, автоматически, и никто другой не видел, никто не сможет засвидетельствовать это, то получается, что этого как бы и не было. Тол-

стой размышлял: если жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы и не была (Tolstoy, 1985). Здесь есть немалое созвучие с Достоевским: оба мыслителя настаивают на осознанном, рефлексирующем отношении к жизни. Что же помогает человеку превозмочь негативное влияние среды? Ответ у Достоевского есть – это «почва» (Dostoevsky, 1980: 7). Национальная культурная почва с ее нравственными устоями и гражданскими уроками, с традициями русского философствования как осмысления обстоятельств жизни. Сейчас мы бы назвали ее экологией «русского мира», подразумевая его значимость для человечества в совокупности природных богатств, исторических завоеваний нашего народа, нравственных традиций, общечеловеческих принципов и гражданских устремлений. Оторвавшийся от культурной традиции, от почвы человек становится не «человеком мира», каким он себе кажется, а лишь представителем «случайного племени». Только «почва» позволяет человеку критически взглянуть на свой выбор. Ее отсутствие делает личность беззащитной перед властью идеи, и идея легко овладевает человеком без остатка. «Идея ведет самостоятельную жизнь в сознании героя: живет, собственно, не он, – живет идея…» (Engelgardt, 1924: 71). Действительно, в революционном перевороте 1917 года участвовали по большей части бывшие заключенные, городские рабочие, латышские стрелки, польские ссыльные. Их, далеких от русского культурного уклада и традиций, идеи всемирной революции захватили прежде всего.

Какую же роль «почва» способна сыграть в нашу эпоху, когда сознание современной молодежи тяготеет к «лоскутному одеялу» мировых культур, к дайджесту всевозможных культурных символов разных стран и эпох? Полагаем, это не только роль фундамента, опираясь на который молодое поколение может создать что-то новое и «оставить свой след в истории». «Почва» нужна как навигатор в любом конгломерате смыслов и образов, если мы не хотим блуждать в нем бесцельно. Навигатор в виде комплекса гражданского, нравственного и культурного воспитания есть сегодня практически в любой стране. В США и Японии строго отслеживается уважение к патриотическим символам и праздникам, а в Америке есть также традиция украшать классы в школе флагами и фотографиями тех, кем гордишься. Гражданственность в западных странах означает не только соблюдение всех норм жизни, но и своевременные «сигналы» тем, кто эти нормы не соблюдает. Где бы современный человек ни жил, игнорируя реальные общественные законы современной гражданской жизни, он неизбежно окажется отверженным и будет в одиночестве. А опасность одиночества вполне осознается современной молодежью. Обсуждая тему собственного благополучия и счастья, участники студенческой фокус-группы четко сформулировали одно из его условий – «не быть одиноким». Выяснилось, что окружение для них очень важно и счастливыми их делают близкие и друзья, а счастье от осознания собственных успехов стоит только на третьем месте. Жаль только, что мало кто из молодых задумывается об одиночестве отрыва от национально-культурной почвы, о котором повествуют трагические страницы писателей русской эмиграции. По воле истории находясь среди других народов и культур, они ощутили и описали истинную цену острой нехватки культурной «почвы» в жизни человека. В сравнении с западными ценностями они указали нам на великие достижения «русского мира», объединившего народы России, достижения, которых не пристало стыдиться. Но для осознания всего этого надо, как минимум, полистать книги Бунина, Ремизова, Шмелева, Бродского. А время, когда Россия была «самой читающей страной мира», уже явно прошло. Художественную литературу молодые люди, по их собственному признанию, читают редко, нерегулярно и не каждый месяц (98 %), при этом исключительно художественно-развлекательную (100 %). Театр, который также появился как феномен общественной педагогики, потому что позволял взглянуть на себя и общество со стороны, сегодня 50 % опрошенных красноярских студен-

тов посещают только раз в год. Остальные не были в театре вообще 2–3 года. Так как же укрепить национально-культурную «почву» под ногами молодого поколения страны? Как сформировать позитивный молодежный навигатор в мире культурных смыслов, гражданских символов и нравственных установок?

Заключение

По Достоевскому, важнейший способ выбора желаемого будущего человечества – диалог. Если культурный диалог уже является основой существования современного мира, то связанные с культурно-идентификационным способом познания действительности ментальные, гражданственные и нравственные смыслы разных народов и стран по большей части воинственно монологичны; они бытуют в замкнутых идеологических пространствах национальных культур или цивилизационных конгломератов. Но даже внутри одного общества площадки межпоколенческого диалога, где свободно и равноправно – с уважением друг к другу – будут звучать разные голоса современности, сегодня не просто нужны – они насущно необходимы. Российскому обществу важно слышать реальные голоса (идеи, смыслы, направления поиска) молодежи и дать возможность поучаствовать в диалоге с ними тем, кто способен пробудить жажду исследования молодыми их собственных культурных корней, кто может провоцировать у молодежи острый интерес к «лоскуткам» нашей родной культуры и истории. Одной из таких площадок межпоколенческого диалога с самоосознанием и самовыражением молодых людей (своего рода «культурной сценой») может и должна стать школа. Школа не как набор инструментальных стандартов и нормативов, а как те самые «бабушки» со двора, как «душа» нашего общества, как сосредоточение разных «судеб», но при этом одной общей «судьбы» национальной культуры, сшитой из этих «лоскутков» истории и культуры.

Важно, что эти «лоскутки» существуют не только вовне, но и внутри молодежной культуры. Они образуют базовый фундамент культурных представлений российской молодежи, хотя можно признать справедливым тот факт, что, отталкиваясь от этого фундамента, молодежь в основной своей массе стремится к новизне иных культур и соответствующих им ментальностей, что значительно облегчается возможностями новой технологической реальности. Однако современные культурные молодежные смыслы кажутся нам далекими от российской почвы потому, что наиболее быстро и легко нами считывается именно поверхностный культурный слой. В то время как сам молодежный способ мышления о мире, как показало исследование в среде красноярского студенчества, восходит к культурно-идентификационному методу русского философствования, близкого к дискурсу Федора Михайловича Достоевского.

Современная молодежная культура предстает перед нами как своего рода культурная автономия, формирующая и идентифицирующая внутренний мир личности. Не случайно в ней наиболее емко проявляется творчество и культурное своеобразие эпохи. Однако выходящие у современной молодежи на первый план культурные практики оставляют в тени важнейшие отношения в гражданской и нравственной сферах, где также должен сформироваться необходимый опыт, практические навыки и ответственность молодых людей. Пессимистические настроения сегодняшней молодежи по отношению к этим сферам, стремление жить исключительно желаемым настоящим, при этом не обременяя себя выстраиванием реальных социальных отношений, требуют от общества как серьезной рефлексии, так и практических действий. Необходимо сформировать конкурентное культурное поле в новой технологической реальности, которая сама способна порождать актуальные формы социальных взаимосвязей, сообществ, институций и активно способствовать личностным и социокультурным трансформациям молодежи. При этом исследования российских ученых показывают, что цель у данного социокультурного проекта суще-

ственно шире, чем только успешный опыт практик молодых людей. Как культурная подсистема базовой культуры общества, включающая молодежную систему ценностей и предпочтений, молодежный дискурс и способствующая становлению молодого человека и молодежи в качестве субъекта общественной деятельности и творца культурного идеала, современная молодежная культура сегодня перестала быть сугубо поколенческим феноменом. «Если раньше молодые люди стремились как можно быстрее стать взрослыми или похожими на них, с недавнего времени появилось встречное движение со стороны взрослых. Они не спешат расстаться со своей молодостью, стремятся сохранить свой молодой вид, заимствуя у молодежи сленг, моду, форму поведения и способы развлечения. Подобное явление свидетельствует о том, что молодежная культура существует и образует в первую очередь феномен именно нашего времени» (Karimova, Shulunova, 2018). То есть речь идет о более значительном сегменте российской культуры, чем собственно молодежная культура; сегменте, в котором формируется «молодежный тип» социокультурных противоречий и который нуждается в навигаторе «почвы» «русского мира».

Список литературы / References

Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of Dostoevsky's creativity.* Kiev, NEXT, 510 p.

Dostoevsky, F. M. (1974). *Complete works in 30 volumes. Volume 10.* Leningrad: The science. Leningrad Branch, 518 p.

Dostoevsky, F. M. (1980). *Complete works in 30 volumes. Volume 20.* Leningrad: The science. Leningrad Branch, 432 p.

Engelhardt, B. M. (1924). *Dostoevsky's Ideological Novel. Dostoevsky. Articles and materials.* Moscow-Leningrad: Thought.

Fedorova, E. A. (2020). Basic sociological approaches to the analysis of youth subculture, *Internauka*, 2–1, 131, 48–51.

Gurevich, P. S. (1995). Fundamentalism and modernism as cultural orientations, *Social Sciences and modernity*, 4, 154–162.

Karlova, O. A. (2008). *Creativity as a territory of progress.* Krasnoyarsk: SFU, 381 p. [in Russian]

Karimova, E. E., Shulunova, L. I. (2018). Youth culture as a modern phenomenon, *Scientific works of M. Auezov SKSU*, 4, 48, 317–323.

Kashpar, V. I. (2019). Youth DIY culture: a perspective of cultural and sociological study, *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 3, 59–66.

Medved, E. I., Kiseleva, O. I., Levina, I. D. (2020). Youth culture in the leisure sphere of the Moscow metropolis, *Secondary vocational education*, 12, 304, 37–39.

Moore, R. (2004). Postmodernism and punk subculture: cultures of authenticity and deconstruction, *The Communication Review*, 7, 3, 305–327.

Omelchenko, E. L. (2019). Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 1, 149, 3–27.

Omelchenko, E. L. (2020). *Youth in the city: culture, scenes and solidarity.* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 502 p. [in Russian]

Rodin, K. A. (2021). Dostoevsky Bakhtin and Dostoevsky Rene Girard: comparative analysis, *Respublica Literaria,* 2, 3, 42–51.

Shchepanskaya, T. V. (2004). *System: texts, subculture traditions.* Moscow: OGI, 286 p. [in Russian]

Tolstoy, L. N. (1985). *Diaries 1847–1894. Collected works in 22 volumes. Volume 21.* Moscow: Fiction.

Volgin, I. L. (2017). *The last year of Dostoevsky.* Moscow: AST: Editorial office of Elena Shubina, 780 p. [in Russian]

Yusupzyanova, N. R. (2018). Mainstream: youth culture of the digital era, *Youth Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2, 10, 151–153.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 265–279

DOI: 10.17516/1997-1370-0910
УДК 394

Retrospective Geography of Reindeer Husbandry as a Form of Traditional Use of the Tundra and Taiga Resources in the North of the Krasnoyarsk Territory

Konstantin B. Klokov*
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 17.02.2022, accepted 22.02.2022

Abstract. Krasnoyarsk Territory is one of the most important regions of traditional reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North of Russia. The purpose of the article is to show what changes have occurred in the geographical distribution of the domesticated reindeer population in the Krasnoyarsk Territory over the past decades and what reasons they were associated with. It presents the results of the analysis of statistical data on changes in the livestock of domesticated reindeer in various ethno-economic areas of the north of the Krasnoyarsk Territory in the Soviet and post-Soviet times. In Soviet times, the number of domesticated reindeer in the Krasnoyarsk Territory reached 188 thousand heads, but during the period of market reforms it dropped to 45.5 thousand. At present, it has grown to 134.7 thousand heads, but its geographical distribution has changed greatly. The area of continuous distribution of tundra reindeer husbandry narrowed down to the left side of the Enisei River, where the Nenets are engaged in it. On the rest of the territory, only four local areas of reindeer husbandry have survived: the Dolgans' local area in the eastern Taimyr, the Evenks' area in the vicinity of Surinda village, the Evenks' area in the vicinity of the Soviet Lakes and the Yakuts' area near the Essei Lake. Reindeer husbandry survived mainly along the periphery of the Krasnoyarsk Territory, where it is advantaged by informal ties between reindeer breeders of neighboring regions.

Keywords: tundra reindeer husbandry, taiga reindeer usbandry, indigenous peoples, Siberia, Taimyr, Evenkia, regional trends in the number of reindeer, ethno-economic areas, Dolgans, Nganasans, Nenets, Evenks.

Research area: ethnology, anthropology, ethnography; economic, social, political and recreational geography.

Research supported by the RSF project «Energy of the Arctic and Siberia: The Use of Resources in the Context of Socio-Economic and Environmental Changes» (No. 18–18–00309).

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: k.b.klokov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6149-5778

Citation: Klokov, K.B. (2022). Retrospective geography of reindeer husbandry as a form of traditional use of the tundra and taiga resources in the North of the Krasnoyarsk territory. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 265–279. DOI: 10.17516/1997-1370-0910

Ретроспективная география оленеводства как формы традиционного использования ресурсов тундры и тайги Севера Красноярского края

К.Б. Клоков
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера)
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Красноярский край – один из важнейших регионов традиционного оленеводства коренных народов Севера России. Цель статьи – показать, какие изменения произошли в географическом распределении поголовья домашних оленей в Красноярском крае за последние десятилетия и с какими причинами они были связаны. В ней изложены результаты анализа статистических данных об изменении поголовья домашних оленей в различных этнохозяйственных ареалах Севера Красноярского края в советское и постсоветское время. В советское время число домашних оленей в Красноярском крае достигало 188 тыс. голов, но в период рыночных реформ оно снизилось до 45,5 тыс. В настоящее время оно выросло до 134,7 тыс. голов, но характер его географического распределения очень изменился. Область сплошного распространения тундрового оленеводства сузилась до левобережья Енисея, где им занимаются ненцы. На остальной территории сохранились лишь четыре локальных ареала оленеводства: у долган Восточного Таймыра, у эвенков в окрестностях с. Суринды, у эвенков Советских озер и у якутов с озера Ессей. Оленеводство сохраняется главным образом по периферии Красноярского края, там, где ему способствуют неформальные связи между оленеводами соседних регионов.

Ключевые слова: тундровое оленеводство, таежное оленеводство, коренные народы, Сибирь, Таймыр, Эвенкия, региональные тренды поголовья оленей, этнохозяйственные ареалы, долганы, нганасаны, ненцы, эвенки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 18–18–00309 «Энергия Арктики: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений».

Научная специальность: 5.6.4 – этнология, антропология и этнография; 1.6.13 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Расположенный в самом центре Сибири Красноярский край издавна привлекает внимание географов и этнографов разнообразием природных ландшафтов и традиционных способов их хозяйственного использования. Особенное внимание всегда уделялось его северной части – бывшему Туруханскому краю. Географическое поло-

жение этого региона сделало его удобной моделью для изучения многообразия хозяйственных связей между человеком и северными ландшафтами. Его населению и хозяйству посвящена целая серия замечательных монографий (Stepanov, 1835; Tret'iakov, 1869; Tarasenkov, 1930; Syroechkovsky, 1974 и др.). Автор этой статьи также в течение ряда лет исследовал традиционное хозяйство как форму использования биологических ресурсов тайги и тундры Севера Красноярского края (Klokov, 1997, 2000, 2020). Такое хозяйство исторически сложилось здесь как сочетание трех основных видов использования ресурсов: охоты, рыболовства и оленеводства. Роль каждого из них варьирует в географическом пространстве и историческом времени в зависимости от обеспеченности ресурсами, от экономического, этнокультурного и социально-политического контекста. Эта статья посвящена одному из них – оленеводству, которое рассматривается сквозь призму официальных статистических данных об изменении поголовья домашних оленей в течение советского и постсоветского времени.

На 1 января 2019 г. в Красноярском крае насчитывалось почти 134,7 тыс. голов домашних северных оленей (пятое место среди регионов РФ). Примерно столько же – 136,8 тыс. голов – домашних оленей было здесь в 1961 г. За прошедшие почти шесть десятилетий поголовье оленей и его географическое размещение в крае сильно менялись. Его максимум – 188,1 тыс. голов – был отмечен в 1966 г., а минимум – 45,5 тыс. голов – в 2000 г. (рис. 1). Хотя к настоящему времени край, казалось бы, вернул себе утраченные позиции по оленеводству, за ростом статистического показателя скрываются большие различия в состоянии оленеводства в разных районах, и не везде его можно однозначно оценить как благополучное и перспективное. Цель этой статьи – показать, какие изменения произошли в географическом распределении поголовья домашних оленей в Красноярском крае за последние десятилетия и какими причинами они были вызваны.

Анализу региональных трендов и выявлению их причин в северном оленеводстве России посвящено уже немало исследований (Klokov, 2011, 2012; Baskin, 2016; Uboni et all, 2016; Antonov et all, 2018 и др.), однако лишь в одной работе этот вопрос специально рассматривался для Красноярского края (Klokov, Khrushchev, 2004: 82–127). Вопрос этот важен не только с позиций этнологии –

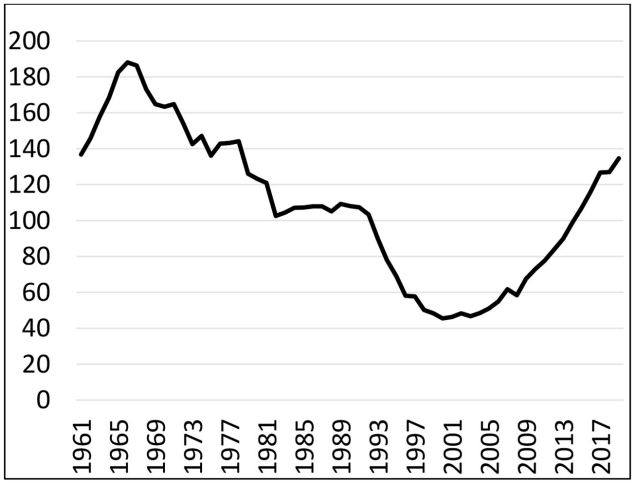

Рис. 1. Изменения поголовья домашних оленей в Красноярском крае (тыс. голов).
Источник: данные ФСГС РФ

Fig. 1. Changes in the number of domestic reindeer in the Krasnoyarsk Territory (thousand heads)
Source: data of the FSSS of the Russian Federation

для понимания закономерностей эволюции различных форм традиционного хозяйства, но и с практической точки зрения, так как оленеводство коренных народов является объектом поддержки Российского государства, на которую тратятся весьма значительные средства из федерального и региональных бюджетов. Так, в Красноярском крае годовое финансирование программы поддержки коренных малочисленных народов превышает полмиллиарда рублей, значительная часть которых идет на поддержку оленеводства. Например, закупка и транспортировка 50 голов оленей для поддержки таежного оленеводства в Эвенкии обходится более 2 млн руб.; 2018, (Программа…, 2018). Очевидно, что лучшее понимание причин изменения поголовья оленей и устойчивости различных форм оленеводческого хозяйства позволит использовать эти средства более результативно.

Методологические подходы

Методология нашего исследования сформирована путем синтеза идей и теоретических подходов ряда российских ученых. В ее основе – выделение и изучение этнохозяйственных ареалов – территорий, занимаемых однотипными моделями традиционного (в данном случае оленеводческого) хозяйства. На севере Красноярского края этнохозяйственные ареалы были выделены автором этой статьи уже давно (Klokov, 1997: 31–36; Klokov, Khrushchev, 2004: 87–94). В этой работе они использованы, чтобы рассмотреть эволюцию оленеводческого хозяйства за несколько последних десятилетий. Отметим, что близкие по содержанию понятия использовали многие российские этнографы: И. И. Крупник (Krupnik, 1993) – этноэкологические системы, А. В. Головнев (Golovnev, 1993) – хозяйственные комплексы, К. В. Истомин – региональные системы оленеводства (Istomin et all, 2017).

Исходным пунктом для выделения этнохозяйственных ареалов послужили идеи Е. Е. Сыроечковского (Syroechkovsky, 1974) о биолого-хозяйственных районах Севера, в каждом из которых исторически складывались определенные формы использования биологических ресурсов. На севере Красноярского края он выделил 16 таких районов и дал для них характеристику основных видов использования биологических ресурсов, включая охоту, рыболовство, оленеводство и др., показав их тесную связь с природными ландшафтами и животным миром тайги и тундры. Дополняя этот подход, автор вслед за М. В. Рагулиной (Ragulina, 2000) и А. В. Головневым (Golovnev, 2013) рассматривает формы оленеводства не только в природном, но и в этнокультурном, экономическом и регионально-политическом контекстах. В статье использован также полимасштабный подход (Antonov et all, 2018), следуя которому автор рассматривает тренды поголовья оленей параллельно на нескольких уровнях: федеральном, региональном и локальном.

Материалы

Основными материалами для этой статьи послужили официальные статистические данные о поголовье домашних оленей, интерпретация которых стала возможной благодаря многократным поездкам автора на север Красноярского края с 1974 по 2014 гг. Территории оленеводства в Красноярском крае расположены на севере, в Таймырском, Эвенкийском и Туруханском муниципальных районах. В первом из них преобладает крупностадное тундровое и лесотундровое оленеводство, а во втором и третьем – мелкостадное таежное. До 2006 г. Таймырский и Эвенкийский районы имели статус автономных округов, были субъектами РФ и сами подразделялись на административные районы. Для ретроспективного анализа динамики поголовья оленей автор использовал данные из официальных публикаций Федеральной службы государственной статистики РФ (ФСГС РФ), базы данных муниципальных районов сайта ФСГС РФ, содержащей сведения с 2008 г., а также справочные издания Таймырского агропромышленного объединения («Основные показатели производственно-финансовой деятельности совхозов Таймырского автономного округа за 1981–1987 гг.», Дудинка,

1987) и Норильского НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера СО РАСХН:

- «Справочник по экономике колхозов и совхозов Таймырского национального округа». Дудинка, 1961.
- «Сельское и промысловое хозяйство Таймыра». Дудинка, 1967.
- «Справочник по экономике колхозов и совхозов Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа». Дудинка, 1976.

Список источников статистической информации приведен в конце статьи.

Чтобы систематизировать данные в разрезе этнохозяйственных ареалов, автор соответствующим образом группировал статистические данные муниципальных образований (в советское время – административных районов и сельских советов), а также оленеводческих колхозов и совхозов.

Тренды в оленеводстве на территории Красноярского края в целом

Рассмотрим основные особенности эволюции оленеводства в Красноярском крае, сопоставляя его с соседними регионами – Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО) и Якутией, а также с Россией в целом. При этом будем разделять ориентированное на товарное производство мяса крупностадное оленеводческое хозяйство в тундре и лесотундре и мелкостадное оленеводство в тайге, где олени используются в основном как средство транспорта.

С 1930-х до 2000 гг. основным фактором, определявшим динамику поголовья домашних северных оленей на региональном уровне, была внутренняя политика федерального центра (Москвы), общая для всех регионов страны (Antonov et all., 2018). В советское время ее целью было увеличить поголовье оленей по всему Северу, даже там, где для этого не было подходящих условий. При этом государство активно поддерживало оленеводство в общественном секторе (колхозах и совхозах), но противодействовало частным владельцам оленей. Поголовье оленей в России росло до 1969 г. (2467 тыс. голов), когда в большинстве тундровых регионов был достигнут предел по емкости пастбищ, а из-за перевода кочевого населения на оседлость число оленеводов начало сокращаться. В 1970–1980-е гг. число оленей в стране колебалось примерно на одном уровне. Кроме того, оленеводство пережило два кризисных периода. Первый – в 1930-е гг., когда из-за коллективизации число оленей в стране сократилось в 1,6 раза, второй – в 1990-е гг., когда после рыночных реформ поголовье сократилось почти вдвое, так как государственная поддержка оленеводства в общественном секторе прекратилась.

Между этими периодами на относительно благополучном фоне были спады и подъемы поголовья оленей в некоторых регионах. Так, с 1966 г. стала заметна общая тенденция к снижению поголовья в области таежного транспортного оленеводства, в том числе и в таежной части Красноярского края – Эвенкии и Туруханском районе. Она была связана с тем, что по мере распространения механического транспорта спрос на перевозки на оленях уменьшался. Советская администрация, чтобы не дать поголовью оленей сократиться, старалась переориентировать таежное оленеводство на производство мяса. С этой целью в Эвенкии, Якутии и некоторых других регионах стал внедряться новый метод выпаса оленей – в изгородях. Однако производство оленины в тайге все равно оставалось экономически невыгодным, и поголовье оленей сокращалось (Klokov, 2007).

Немного позднее и совсем по другой причине началось снижение поголовья оленей и в тундровой части Красноярского края – на Таймыре. Число оленей здесь снизилось со 123 тыс. голов в 1971 г. до 71 тыс. голов в 1983 г. Причиной его стал быстрый рост населявшей этот регион таймырской популяции дикого северного оленя. Размножившиеся в 1960-е гг. стада диких оленей вытаптывали пастбища и уводили с собой своих домашних сородичей. Кроме того, охота на диких оленей стала для местных жителей доходнее, чем разведение домашних (Klokov, 2007). Конфликт между домашними и дикими северными оленя-

ми охватил все тундры Таймыра к востоку от Енисея, Северную Эвенкию и северо-запад Якутии. Сильнее всего он проявился в центральной части Таймыра. Напротив, в тундрах Красноярского края к западу от Енисея, куда дикие олени заходили лишь в небольшом количестве, поголовье домашних оленей осталось стабильным.

В 1980-е гг. в России появляется тенденция к снижению поголовья в тундровом оленеводстве северо-восточных регионов страны, не связанная с диким северным оленем. На Таймыре этого сокращения не было, с 1982 по 1992 г. число домашних оленей здесь держалось примерно на одном уровне.

В 1990-е гг. рыночные реформы вызвали кризис хозяйства и резкое снижение поголовья всех видов домашних животных, включая и северных оленей, число которых в целом по стране сократилось с 2304 тыс. (1990 г.) до 1197 тыс. голов (2001 г.). Сокращалось в первую очередь поголовье оленей в общественном секторе. После кризиса в большинстве регионов произошло частичное восстановление поголовья оленей, но положительная тенденция не везде сохранялась долго. В Красноярском крае поголовье оленей снизилось со 108 тыс. (1990 г.) до 45 тыс. (2000 г.), но затем начался его рост, который продолжается до настоящего времени (рис. 1). В соседней с востока Якутии поголовье оленей в годы кризиса сократилось с 368 тыс. (1990 г.) до 135 тыс. (2003 г.), но затем выросло до 201 тыс. (2010 г.). Однако с 2011 г. началось его новое снижение. Сосед Красноярского края с запада ЯНАО оказался единственным в стране регионом, где количество оленей в годы реформ не сократилось, а увеличилось. С 1990 по 2000 г. оно выросло с 491 тыс. до 501 тыс. Причина была в том, что снижение поголовья в годы кризиса шло в первую очередь за счет общественного сектора (колхозы и совхозы), а в ЯНАО, где это снижение тоже имело место, оно было перекрыто ростом числа оленей в частном секторе (в собственности оленеводов). После кризиса этот рост усилился и продолжался до 2018 г., когда число оленей в ЯНАО достигло 960 тыс.

Таким образом, на динамике оленеводства Красноярского края, наряду с природным региональным фактором – ростом популяции дикого северного оленя, отразились экономические и политические факторы, характерные для ряда других северных регионов. При этом край оказался как бы в промежуточном положении между ЯНАО и Якутией. В нем число оленей сначала уменьшалось примерно такими же темпами, как в Якутии, а затем начался его довольно быстрый рост, как в ЯНАО. Чтобы объяснить его причины, воспользуемся полимасштабным подходом и рассмотрим тренды поголовья оленей в разрезе отдельных ареалов, составляющих вместе территорию Севера Красноярского края.

Тренды поголовья домашних оленей в Таймырском районе

В Таймырском районе Красноярского края выделяют четыре этнохозяйственных ареала, в которых было развито крупностадное оленеводство (Klokov, Khrushchev, 2004: 87–94).

Этнохозяйственный ареал енисейских ненцев сформировался в XIX в. в результате экспансии с запада ненцев-оленеводов, которые вытеснили из Таз-Енисейского междуречья энцев, а затем смешались с энцами и долганами в бассейне нижнего течения Енисея. В. И. Васильев, руководствуясь данными Приполярной переписи населения 1926/27 гг., выделил тут три занятые оленеводством группы коренного населения. Две группы кочевали с севера на юг в тундре с большими стадами оленей, одна – по левому, а другая – по правому берегу Енисея. Третья, вклиниваясь между ними, держалась у берегов Енисея, сочетая оленеводство с рыболовством. В общей сложности енисейские ненцы имели в то время около 40 тыс. оленей (Vasiliev, 1970).

К настоящему времени эта картина несколько изменилась. Группа на левом берегу Енисея (50–60 кочевых семей ненцев, приписанные к с. Носок) с большими стадами оленей совершает кочевья длиной в несколько сотен километров от лесотундры до Енисейского залива. Правобереж-

ная группа перестала заниматься оленеводством, переключившись на охоту на дикого оленя, которого здесь стало много. Третья (центральная) группа разделилась надвое, одна ее часть (около 80 семей) сдвинулась на юго-запад и кочует с оленями в лесотундре в бассейнах рек Большая и Малая Хета (в районе с. Тухард). Другая ее часть осталась на прежнем месте, в районе внутренней дельты Енисея (Klokov, 2000; Klokov, Khrushchev, 2004: 88–90).

После снижения в период коллективизации с 1930-х гг. поголовье оленей у енисейских ненцев стало расти. В 1991 г., перед началом рыночных реформ, оно достигло 48,7 тыс. оленей, из которых 32,5 тыс. принадлежали совхозам, а 16,2 тыс. находилось в собственности оленеводов. К 2000 г. после рыночных реформ общественное поголовье оленей у енисейских ненцев снизилось до 5 тыс. голов, но число оленей в частном секторе к 2000 г. возросло до 25 тыс. голов. В течение последующих двух десятилетий, вплоть до настоящего времени, поголовье продолжало расти и к 2019 г. достигло 121,2 тыс. голов. Тренд поголовья оленей здесь, начиная с 2000 г., был таким же, как и у ненцев соседнего Тазовского района ЯНАО. Для кочевников административная граница не имеет большого значения, ненцы из Тазовского района регулярно заходят на территорию Красноярского края (Klokov, 2000; Kvashnin, 2009: 72–94), у них есть хозяйственные и брачные связи с енисейскими ненцами (Ziker, 2010).

От других оленеводческих сообществ Красноярского края енисейские ненцы сейчас отличаются тремя особенностями: большое число семей, сохраняющих кочевой образ жизни, которые проводят круглый год в тундре, большое количество оленей в частной собственности и постоянный рост поголовья оленей. Эти три черты в такой же степени свойственны и их соседям с запада – тундровым ненцам ЯНАО. Эти черты, по-видимому, и определили устойчивость ненецких тундровых сообществ в обоих регионах и положительную динамику поголовья их оленей как в советское, так и в настоящее время.

Этнохозяйственный ареал нганасанов и долган Центрального Таймыра – это территория исторического кочевания нганасанов в бассейне р. Пясины и верховьев р. Хеты (притока р. Хатанги). В настоящее время нганасаны полностью перешли на оседлость и живут в двух селах, Усть-Авам и Волочанка, вместе с долганами, составляя здесь чуть меньше половины населения. Однако именно их традиции сыграли основную роль в формировании местной модели использования биологических ресурсов. Традиционное хозяйство нганасанов было связано с охотой на дикого оленя. Самой важной охотой были осенние *поколки:* когда дикие олени переплывали широкую реку или озеро, охотники, подъезжая на небольших лодках, кололи их копьями (Popov, 1948; Dolgikh, Fainberg, 1960).

Крупностадное оленеводство у нганасанов получило развитие поздно – только в конце XIX в. Долго они использовали домашних оленей исключительно как средство передвижения, очень ценили и оберегали их, забивали на мясо лишь в исключительных случаях во время голода. Это способствовало развитию оленеводства, и в 1920–1930-е гг. нганасаны стали уже богатыми оленеводами (Popov, 1948). Приполярной переписью 1926/27 гг. было учтено 9 нганасанских хозяйств, имевших более чем по тысяче оленей каждое (Vasiliev, Simchenko, 1971). Численность дикого северного оленя в эти годы, наоборот, сократилась.

В советское время оленеводство нганасанов успешно развивалось несмотря на то, что их олени были слабо приручены, часто убегали, их выпас требовал от пастухов много сил (Dolgikh, Fainberg, 1960). В середине 1960-х гг. поголовье оленей у них составляло более 17 тыс. голов. После того как в центральной части Таймыра снова появились многочисленные стада диких оленей, оленеводство здесь стало сокращаться[1].

[1] Причины снижения, а затем быстрого роста численности таймырской популяции дикого северного оленя в середине прошлого столетия не ясны (Syroechkovsky, 1995: 235–237). Согласно гипотезе И. И. Крупника (Krupnik, 1993), одной из основных причин могли быть вековые колебания климата.

Возникший между домашними и дикими оленями конфликт завершился в пользу последних, и к началу 1990-х гг. домашнего оленеводства на Центральном Таймыре не осталось.

Этнохозяйственный ареал долган Восточного Таймыра расположен восточнее, он совпадает с территорией бывшего Хатангского района, где долгане составляют 97 % населения. В нем можно особо выделить его восточную часть, где расположены села Попигай, Сындаско и Новорыбная, жители которых поддерживают хозяйственные и брачные связи с населением соседнего Анабарского района Якутии.

До коллективизации (1926 г.) у долган Восточного Таймыра было около 35 тыс. домашних оленей. Долгане использовали их как транспорт, а основной денежный доход получали от охоты на пушных зверей (Dolgikh, 1963). С образованием колхозов оленеводство стало приносить им большие доходы от сдачи транспортных оленей в аренду различным экспедициям. С начала 1960-х гг. эти доходы уменьшились, так как экспедиции стали использовать преимущественно механический транспорт. После этого оленеводство долган переориентировалось на товарное производство мяса, для этого потребовалось увеличить поголовье, которое к 1966 г. достигло 60,5 тыс. голов (Klokov, Khrushchev, 2004: 93–94).

В 1970-е гг. изменились пути миграции таймырских диких оленей. В 1960-е гг. основная их часть уходила из таймырских тундр на зимовку в Северную Эвенкию через центральную часть Таймыра, что и привело к исчезновению там оленеводства. Позднее маршрут изменился и огромные стада диких оленей двинулись зимовать на восток, в сторону Якутии, через Хатангский район (Syroechkovsky, 1986: 236). В результате поголовье домашних оленей на Восточном Таймыре снизилось к 1991 г. до 19,0 тыс. оленей, но в отличие от центральной части Таймыра оленеводство здесь все же сохранилось. Однако рыночные реформы нанесли ему новый удар, и к 2000 г. осталось всего 9,5 тыс. оленей, которые выпасались на востоке, ближе к границе с Якутией. То, что оленеводство сохранилось именно тут, можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, миграции дикого оленя на востоке были менее интенсивны, чем в центральной части Таймыра. Во-вторых, имели значение связи между долганами-оленеводами Восточного Таймыра и Якутии, в которой экономические условия для оленеводства лучше, чем в Красноярском крае (Klokov ПМА, 1995; Davydov, 2016). По данным В.Н. Давыдова (Davydov, 2016), в конце 2014 г. у долган Восточного Таймыра оставалось 6838 оленей: 3483 в Попигае, 1725 в Сындаско и 1630 в Новорыбном. Одно из стад выпасалось на территории Якутии, вместе с оленями долган из поселка Юрюнг-Хая Анабарского района. Некоторые оленеводы из Сындаско и Попигая подрабатывали пастухами в Якутии, так как там зарплата у оленеводов была выше, чем в Красноярском крае (Davydov, 2016). По данным администрации Таймырского района, на 1.01.2017 оленей в этнохозяйственном ареале долган было 5,1 тыс., а на 1.01.2020–6,3 тыс. голов.

Этнохозяйственный ареал хантайских эвенков расположен к юго-западу от Центрального Таймыра в бассейне Хантайского озера, где еще в середине XIX в. поселились эвенки. В 1920-е гг. это была изолированная кочевая группа из 140 человек, занятая рыболовством, охотой на пушных зверей и оленеводством. В 1930 г. у 37 хозяйств было учтено 811 оленей. В середине 1950-х гг. их хозяйство приобрело товарное направление в связи с близостью крупного города Норильска и дешевизной авиационных перевозок в советское время (Tugolukov, 1963). В конце 1960-х гг. к эвенкам был переселен долганский колхоз из поселка Камень, располагавшийся до этого в верховьях реки Хеты (притока Хатанги). С тех пор население поселка составляет около 400–500 человек, половина из которых эвенки, а половина – долгане. Оленеводством занимались в основном эвенки (Anderson, 2000).

В советский период поголовье оленей в колхозе, а затем в совхозе «Хантайский» колебалось в основном в пределах 3–5 тыс.

голов, а в 1981 г. даже достигло 6,8 тыс. голов. Потери оленей бывали довольно высоки и иногда компенсировались покупкой оленей у ненцев с левого берега Енисея. В 1991 г. году в совхозе было 4118 оленей и 243 в собственности оленеводов. После реформ к 2000 г. их осталось, соответственно, 2252 и 104. С окончанием реформ снижение поголовья не прекратилось, и через несколько лет оленеводство на Хантайском озере было полностью утеряно.

Такая же судьба постигла расположенный рядом, в долине Енисея, ареал оленеводства с центром в с. Потапово, где оленеводством занимались эвенки, долгане, а также несколько семей энцев. В советское время здесь располагалось опытное оленеводческое хозяйство Норильского института сельского хозяйства Крайнего Севера.

Таким образом, если в 1960-е гг. основное оленеводство на Таймыре тяготело к его центральной части, теперь оно размещено по краям, ближе к границам с соседними регионами. При этом у западной границы Таймыра енисейские ненцы выпасают 90 % всех домашних оленей Красноярского края, а долгане Восточного Таймыра – лишь несколько тысяч. Единая в прошлом область тундрового оленеводства распалась надвое. Можно считать, что исчезновение оленеводства там, где обитает крупнейшая в Евразии популяции дикого северного оленя, явление закономерное: крупностадное оленеводство и места обитания крупных популяций диких оленей должны быть территориально разобщены. Однако с этнокультурной точки зрения утрата традиционной культуры нганасанского оленеводства, так же как нганасанской породы домашнего оленя, является невосполнимой утратой (Baskin, 2016).

Тренды поголовья домашних оленей в таежной части Красноярского края

В 1960–1970-е гг. оленеводство здесь было распространено почти по всей северной тайге, но наиболее развито в Эвенкии, где им занимались в основном эвенки. В начале 1930-х гг. перед коллективизацией здесь насчитывалось 54,7 тыс. голов оленей (Koviazin, 1936). За годы коллективизации и Великой Отечественной войны поголовье снизилось до 36 тыс., но в 1950-е гг. начался его рост, вызванный потребностью в транспортных животных. На оленях перевозили большую часть всех местных грузов. В те годы они были нужны также множеству работавших в таежном бездорожье геодезических и геологических экспедиций. Колхозы предоставляли оленьи упряжки и вьючных оленей в аренду, транспортные услуги стали важной статьей их дохода. Максимальное поголовье оленей в Эвенкии – 64,4 тыс. – было отмечено в 1964 г. Однако по мере распространения механического транспорта доходы снизилась. В 1970-х гг. органы советской власти переориентировали оленеводство Эвенкии на производство мяса. На рубеже 1960–1970-х гг. 29 колхозов Эвенкии были преобразованы в 18 совхозов. Жители маленьких поселков были переселены в более крупные, а стада укрупнены до 800–1200 оленей в каждом. Однако товарное оленеводство в тайге оказалось убыточным. Хотя убытки отчасти покрывались за счет государственных фондов, неэффективное хозяйство сокращалось (Klokov, Khrushchev, 2004). К концу советского периода поголовье снизилось до 30 тыс. оленей (1991 г.).

В период рыночных реформ совхозы были приватизированы и превратились в акционерные общества, которые контролировались людьми, далекими от оленеводства. Основной целью их бизнеса в Эвенкии была закупка у охотников шкурок соболя, которые можно было выгодно продать на аукционах. Большая часть оленей была забита. За семь лет (с 1991 по 1998 г.) поголовье оленей в Эвенкии сократилось с 30 до 5 тыс. голов. В 2000-е гг., несмотря на региональные программы государственной поддержки, оленеводство продолжало сокращаться. Оно сохранилось практически только в двух местах. Во-первых, в центре Эвенкии – вокруг с. Суринда. В 2014 г. там оставалось около 3 000 оленей. Из них 2 300 оленями владело муниципальное оленеводческое предприятие, а 600 – эвенки, жители Суринды. Несколько десятков оленей дер-

жали эвенки-охотники в соседних селах Эконда и Учами (Klokov, 2020). Во-вторых, вокруг озера Ессей на границе с Якутией. Здесь живет небольшая группа якутов. Перед коллективизацией в 1920–1930-е гг. они имели 5–10 тысяч оленей. В 2003 г. у них оставалось около 400 оленей, которые принадлежали 12 семьям. Домашние олени использовались как транспортные животные во время охоты на диких оленей (Anderson, 2006, с.94). В 2014 г., по данным руководства оленеводческого предприятия «Суриндинское», на Ессее было всего около 150 оленей (Klokov ПМА, 2014).

В Туруханском районе оленеводство было развито гораздо меньше, чем в Эвенкии. Общее число оленей здесь в 1960–1970 гг. не превышало 3 тыс. голов. В 1970-е гг. живущие здесь кеты и селькупы использовали оленьи упряжки как транспорт во время охоты на пушных зверей. Так, кеты из поселка Серково и с Мундуйского озера охотились на оленях в бассейне реки Курейки и ее притока реки Деген. Кеты и селькупы из поселков Бакланиха и Сургутиха – в бассейне р. Пакулихи. У елогуйских кетов было два небольших стада оленей – одно около поселка Келлог, другое на озере Дында. В бассейне среднего течения р. Турухан оленей держали селькупы. В верховьях этой реки, в районе Советских озер, около 500 голов оленей держали эвенки (Klokov, Khrushchev, 2004: 116–118).

В 1980-х гг. уже все оленьи упряжки как способ передвижения во время зимней охоты уступили место снегоходам. Оленеводство в Туруханском районе сохранилось только у группы эвенков, живущих около Советских озер в верховьях р. Турухан недалеко от границы с ЯНАО. Здесь на крайнем северо-западе района на границе тайги и лесотундры условия для оленеводства лучше, чем в тайге. Изолированная группа эвенков численностью немногим больше 100 человек переселилась на западный берег Енисея еще в XVIII в. (Tugolukov, 1974). Поголовье оленей у этой группы с 1930-х г. и до настоящего времени колебалось от четырех сотен до тысячи голов. Оленей пасут вокруг Советских озер, сезонные перемещения, вызванные необходимостью смены участков выпаса, имеют амплитуду в пределах 20–30 км (Tugolukov, 1974; Klokov, Khrushchev, 2004: 116–118). В настоящее время поблизости разрабатывается крупное нефтяное месторождение, и компания «Ванкорнефть» оказывает активную поддержку местному населению, в том числе и оленеводам. Вместе с тем поддержка традиционного хозяйства со стороны государства здесь значительно слабее, чем в расположенном рядом Красноселькупском районе ЯНАО (Stepanova, 2015).

Еще один совсем небольшой ареал оленеводства существовал в расположенном к югу от Туруханского Енисейском районе, в бассейне среднего течения р. Сым (левый приток Енисея). Оленеводством там занималась небольшая группа эвенков и несколько семей русских староверов, державшие несколько десятков оленей (Zhukov, 2000, Klokov ПМА, 1975).

В целом, к концу XX в. поголовье оленей в таежной части Красноярского края сократилось по сравнению с 1960-ми гг. более чем на 90 %, т. е. гораздо сильнее, чем на Таймыре. Значительного роста поголовья в начале XXI в., который имел место в тундрах на левом берегу Енисея, здесь не было.

Влияние на тренды поголовья домашних оленей географического положения Красноярского края

Приведенные выше материалы четко показывают влияние географического положения северной части Красноярского края на тренды поголовья домашних оленей. Географическое единство этого региона обеспечивал Енисей и его притоки, которые служили здесь основными транспортными путями. При этом край расположен на стыке двух крупных физико-географических стран – Западной и Восточной Сибири. Границей между ними является долина реки Енисей. Различия между странами выражены не только в природно-ландшафтном, но и в этнокультурном отношении, поскольку право- и левобережье Енисея населяют различные коренные народы.

Такое географическое положение края обусловливает сильную асимметрию традиционного хозяйства на право- и левобережье Енисея. Эта асимметрия проявилась и в исторических судьбах оленеводства. Чтобы яснее выявить ее влияние на динамику поголовья домашних оленей, разделим территорию региона на две части – западную и восточную с границей по Енисею – и сравним их. Тенденции изменения поголовья оленей в его западной части близки к трендам в ЯНАО, а в восточной части – к трендам в Якутии (рис. 2 и 3). Таким образом, тренды поголовья оленей в Красноярском крае в целом формировались как сумма двух переменных величин с противоположенными тенденциями: поголовье оленей на левом берегу Енисея в целом устойчиво росло, следуя за ЯНАО, а поголовье оленей на правом берегу Енисея в основном сокращалось, следуя за Якутией.

Заключение

В последние годы многие ученые высказывали свое мнение о состоянии оленеводства в разных регионах России. Для тундрового ненецкого оленеводства большинство авторов отметили его чрезвычайно высокую способность к адаптации к меняющимся условиям, включая не только политические реформы, но и интенсивное промышленное освоение (Stammler, 2005; Forbes, 2013; Golovnev, 2013, Yuzhakov, 2017). Эта позиция подтверждается статистическими данными, которые показывают рост поголовья оленей у тундровых ненцев, в том числе и в пределах Красноярского края. В отношении других форм оленеводства такого оптимизма нет, поскольку не наблюдается и роста поголовья оленей (Baskin, 2016). Д. Андерсон (2006), рассматривая изменение положения оленеводства в постсоветские года на озере Ессей и в Читинской области, пришел к выводу, что количество оленей не надо считать основным критерием благополучия оленеводческого хозяйства. С другой стороны, как показал ретроспективный анализ, все значительные изменения региональных условий, начиная с середины прошлого века, привели к сокращению не столько поголовья, сколько

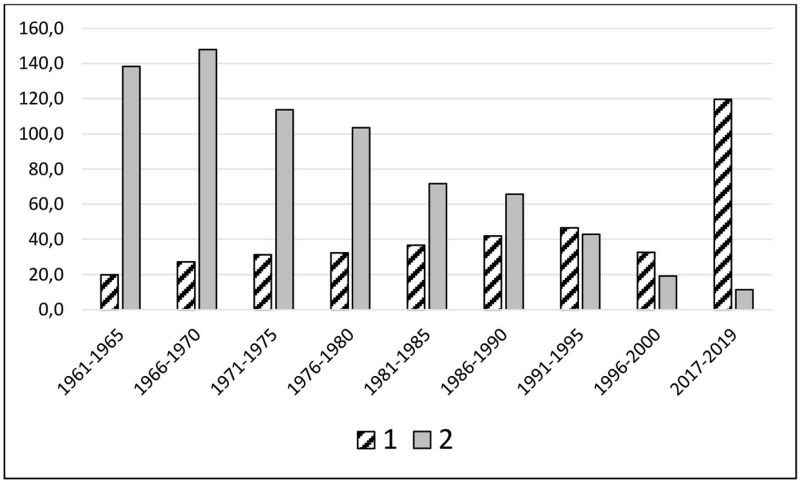

Рис. 2. Изменения поголовья домашних оленей в западной – к западу от Енисея (1) и восточной – к востоку от Енисея (2) частях Красноярского края (в среднем за год, тыс. голов). Источник: данные ФСГС РФ и администрации Таймырского муниципального района (2017–2019)
Fig. 2. Changes in the number of domestic reindeer in the western – west of the Yenisei (1) and eastern – east of the Yenisei (2) parts of the Krasnoyarsk Krai (on average per year, thousand heads).
Source: data from the FSSS of the Russian Federation and the administration of the Taimyr Municipal District (2017–2019)

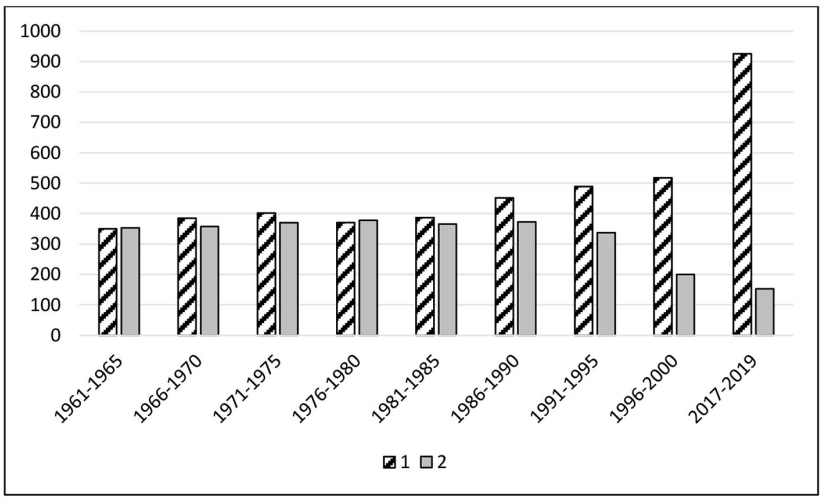

Рис. 3. Изменения поголовья домашних оленей в соседних с Красноярским краем регионах (в среднем за год, тыс. голов): ЯНАО (1) и Республике Саха – Якутии (2).
Источник: данные ФСГС РФ
Fig. 3. Changes in the number of domestic reindeer in the regions adjacent to the Krasnoyarsk Krai (on average per year, thousand heads): Yamalo-Nenets Autonomous District (1) and the Republic of Sakha – Yakutia (2).
Source: data of the FSSS of the Russian Federation

территории, занятой оленеводством в Красноярском крае.

С окончанием советского периода государственная поддержка, выравнивавшая условия хозяйствования колхозов и совхозов, прекратилась и разнообразие региональных трендов в оленеводстве увеличилось, так как успешность хозяйства стала больше зависеть от местных условий и от самих сообществ оленеводов. Как отметил А. В. Головнев (Golovnev, 2013), «падение советского режима вызвало кризис социально-политической среды, к которой десятилетиями приспосабливались коренные жители. … В обстановке кризиса решающую роль сыграли те неприметные прежде особенности, которые одним позволили преодолеть социальную стихию, других привели на грань катастрофы». Эта закономерность в полной мере проявилась на севере Красноярского края, где пути разных форм оленеводства разошлись.

Главные причины, из-за которых территории оленеводства сокращалась, в разных частях Красноярского края были разными и действовали в разные периоды времени. Наибольшую негативную роль сыграли конфликт с диким северным оленем, утрата хозяйственного значения оленьего транспорта и разрушение общественного оленеводства в совхозах из-за рыночных реформ. Эти причины привели к кардинальным изменениям в структуре и в географической локализации оленеводческого хозяйства.

Область сплошного распространения тундрового оленеводства сузилась до левобережья Енисея, где им занимаются ненцы. На остальной территории сохранились лишь четыре локальных ареала оленеводства: у долган Восточного Таймыра, у эвенков в окрестностях Суринды, у эвенков Советских озер и у якутов с озера Ессей. Оленеводство сохраняется главным образом по периферии Красноярского края, там, где ему способствуют неформальные связи между оленеводами соседних регионов.

Основная масса оленей находится теперь в личной собственности оленеводов. Если в прошлом большую часть домашних оленей пасли долганы и эвенки, то теперь 90 % поголовья принадлежат

ненцам. Таким образом, традиционное ненецкое кочевое оленеводство оказалось единственной его формой, которая хорошо адаптировалась к условиям рыночной экономики на севере Красноярского края, а устойчивое оленеводческое хозяйство сохранилось только в тундре и лесотундре на границах региона.

Список литературы / References

Anderson, D. G. (2000). *Identity and Ecology in the Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford, Oxford University Press.

Anderson, D.G. (2006) Is Siberian Reindeer Herding in Crisis? Living with reindeer fifteen years after the end of state socialism. In *Nomadic Peoples (NS),* 10 (2), 87–104.

Antonov, E. V., Litvinenko, T. V., Nuvano, V. N. (2018). Polimasshtabnyi analiz dinamiki domashnego olenevodstva v arkticheskikh regionakh: territorial'nye sdvigi, vnutriregional'nye i lokal'nye razlichiia [Poly-scale analysis of the dynamics of domestic reindeer husbandry in the Arctic regions: territorial shifts, intra-regional and local differences]. In *Izvestiia RAN. Seriia geograficheskaia [Bulletin of RAS, geographic series]*, 5, 22–36.

Baskin, L.M. (2016). Sovremennoe olenevodstvo v Rossii: sostoianie, mobil'nost', prava sobstvennosti, paternalizm gosudarstva [Modern reindeer husbandry in Russia: state, mobility, property rights, state paternalism]. In *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2, 28–43.

Davydov, V.N. (2016). Dolgany Vostochnogo Taimyra: opyt polevykh issledovania v poselkakh Novorybnoe i Syndassko v 2015 g [Dolgans of Eastern Taimyr: the experience of field research in the villages of Novorybnoe and Syndassko in 2015]. In *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN [Materials of field research of the MAE RAS],* Saint-Petersburg, MAE RAN, 16, 67–89.

Dolgikh, B.O. (1963). Proiskhozhdenie dolgan [The origin of the Dolgans]. In *Trudy Instituta etnografii AN SSSR [Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]*, LXV, 32–141.

Dolgikh, B.O., Fainberg, L.A. (1960). Taimyrskie nganasany [Taimyr Nganasans]. In *Sovremennoe xoziaystvo, kul'tura i byt narodov Severa [Modern economy, culture and life of the peoples of the North].* Moscow-Leningrad. Nauka.

Forbes, B.C. (2013). Cultural Resilience of Social-Ecological Systems in the Nenets and Iamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: A Focus on Reindeer Nomads of the Tundra. In *Ecology and Society,* 18 (4):36, http://dx.doi.org/10.5751/ES-05791–180436.

Golovnev, A.V. (1993). *Istoricheskaia tipologiia khoziaystva narodov Severa Zapadnoy Sibiri [Historical typology of the economy of the peoples of the North of West Siberia]*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 204 p.

Golovnev, A.V. (2013). Narody i granitsy na severe Evrazii [Peoples and Borders in the North of Eurasia]. Elektronnaia publikatsiia. Rossiyskiy festival' antropologicheskikh fil'mov [Electronic publication. Russian festival of anthropological films]. http://rfaf.ru/rus/library/202_b340_view_p2

Istomin, K.V., Liskevich, N.A., Uliashev, O.I. (2017). Komi-izhemskoe olenevodstvo: etnicheskie invarianty i lokal'nye variatsii [Komi-Izhma reindeer husbandry: ethnic invariants and local variations]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography],* 4 (39), 114–125.

Klokov, K.B. (1997). Northern Reindeer of Taymyr Okrug as the Focus of Economic of Economic Activity: Contemporary Problems of Reindeer Husbandry and the Wild Reindeer Hunt. In *Polar Geography.* 21(4), 233–271.

Klokov, K. B. (2000). Nenets Reindeer Herders on the Lower Yenisei River: Traditional Economy under Current Conditions and Responses to Economic Change. In *Polar Research*, 1(19), *Proceeding volume from the workshop «Human Role in Reindeer/Caribou System*, 39–47.

Klokov, K. B. (2007). Reindeer husbandry in Russia. In *International Journal of Entrepreneurship and Small Business,* 4(6): 726–784

Klokov, K. B. (2011). National fluctuations and regional variations in domesticated reindeer numbers in the Russian North: some possible explanations. In *Sibirica,* 10(1): 23–47.

Klokov, K. B. (2012). Changes in reindeer population numbers in Russia: an effect of the political context or of climate? In *Rangifer,* 32(1): 19–33.

Klokov, K. B. (2020). Les derniers Éleveurs de rennes d'Evenkie. In *EURASIE – Publication annuelle de la Société des Études euro-asiatiques,* 29, *Mutations sibériennes*. Paris, 75–94.

Klokov, K. B., Khrushchev, S. A. (2004). *Olenevodcheskoe khoziaystvo korennykh narodov Severa Rossii [Reindeer herding indigenous peoples of the North of Russia]*. St. -Petersburg, VVM, 182 p.

Koviazin, N.M. (1936). Olenevodstvo v Evenkiyskom natsional'nom okruge [Reindeer husbandry in the Evenk national district]. In *Ocherki po promyslovomu khoziaystvu i olenevodstvu Kraynego Severa [Essays on the commercial economy and reindeer husbandry of the Far North],* Leningrad, 3–38.

Krupnik, Igor (1993). *Arctic Adaptations Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia*. University Press of New England. Hanover and London

Kvashnin, Yu.N. (2000). *Nenetskoe olenevodstvo v XX – nachale XXI veka [Nenets reindeer husbandry in the XX – early XXI century].* Salekhard-Tyumen, Kolos, 168 p.

Popov, A.A. (1948). *Nganasany. Material'naia kul'tura [Nganasans: Material culture], Trudy Instituta etnografii AN SSSR [Proceedings of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR],* 4, Moscow-Leningrad, Nauka.

Programma podderzhki korennykh narodov Severa popolnilas' novymi meropriiatiiami. NIA-Krasnoiarsk 30.03.2018. [The program for supporting the indigenous peoples of the North has been supplemented with new activities]. NIA-Krasnoiarsk, https://24rus.ru/news/authority/153615.html

Ragulina, M.V. (2000). *Korennye etnosy sibirskoy taygi: motivatsiia i struktura prirodopol'zovaniia (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoy oblasti) [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)],* Novosibirsk, Izdatel'skii dom SO RAN, 164 p.

Stammler, F. (2005). *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property, and Globalisation at the End of the Land.* Muenster: Litverlag (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia), 6, 320 p.

Stepanov, A.I. (1835). *Eniseyskaia guberniia [Enisei province]*, St-Petersburg.

Stepanova, O.B. (2015). Turukhanskie sel'kupy: vzgliad so storony (po materialam ekspeditsii 2014 g. v Turukhanskiy rayon Krasnoiarskogo kraia). [Turukhansk Selkups: a view from the outside (based on materials from the 2014 expedition to the Turukhansk district of the Krasnoiarsk Territory)]. *In Materialy polevykh issledovanii MAE RAN. [Field research materials of the MAE RAS],* St-Petersburg, 15, 23–43. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978–5–88431–287–6/

Syroechkovsky, E.E. (1974) *Biologicheskie resursy Sibirskogo Severa. Problemy osvoeniia. [Biological resources of the Siberian North. Development problems].* M., Nauka, 366 p.

Syroechkovskii, E.E. (1986). *Severnyy olen' [Reindeer].* Moscow, Agropromizdat, 1986, 256 p.

Syroechkovskii, E.E. (1995). *Wild reindeer.* Washington, Smithsonian Inst. Libraries Press. 290 p.

Tarasenkov, G.N. (1930). *Turukhanskii krai [Turukhansk region]*. Krasnoiarsk.

Tret'iakov, P.I. (1869). *Turukhanskii krai [Turukhansk region]*. St-Petersburg.

Tugolukov, V.A. (1963). Khantayskie evenki [Khantaika Evenks]. In *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik. [Siberian ethnographic collection],* 5, *Proceedings of the IE Academy of Sciences of the USSR, 84,* Moscow – Leningrad, Nauka, 5–33.

Tugolukov, V.A. (1974). Evenki basseyna reki Turukhan [Evenks of the Turukhan river basin]. In *Sotsial'naia organizatsiia i kul'tura narodov Severa [Social organization and culture of the peoples of the North],* Moscow, Nauka, 58–81.

Uboni, A., Horstkotte, T., Kaarlejärvi, E, Sévêque, A., Stammler, F., Olofsson, J., Forbes, B. and Moen, J. (2016). Long-term trends and role of climate in the population dynamics of Eurasian reindeer. In *PloS One,* 11**,** 6, e0158359, https://doi.org/10.1371/journal.pone.0158359

Vasiliev, V.I. (1970). Nentsy i entsy Taimyrskogo natsional'nogo okruga (ocherk xoziaystva, byta i etnicheskix protsessov, protekayushchix na Eniseiskom Severe) [Nenets and Enets of the Taimyr National District (an outline of the economy, everyday life and ethnic processes taking place in the Enisei North)]. In *Preobrazovaniia v xoziaystve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa [Transfor-*

mations in the economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North], Moscow, Nauka, 106–163.

Vasiliev, V.I., Simchenko, Iu.B. (1971). Pereustroistvo khoziaistva, byta i kul'tury u korennykh narodov Taimyra [Reorganization of the economy, life and culture among the indigenous peoples of Taimyr]. In *Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Kraynego Severa [Implementation of the Leninist national policy among the peoples of the Far North],* Moscow: Nauka, 245–275.

Yuzhakov, A.A. (2017). Severnoe olenevodstvo v XXI v.: geneticheskii resurs, kul'turnoe nasledie i biznes [Northern reindeer husbandry in the XXI century: genetic resource, cultural heritage and business]. In *Arktika: ekologiia i ekonomika [Arctic: ecology and economy],* 2 (26), 131–137.

Zhukov, M. A. (2000). *Biologo-resursnaia otsenka populiatsiy dikogo severnogo olenia prieniseyskoy taygi [Biological and resource assessment of wild reindeer populations in the Enisei taiga].* Dissertatsia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata bioligicheskikh nauk, Moscow, IPEE RAN.

Ziker, D.P., Arakchaa, T.B. (2010). Nentsy «Ognennogo chuma» na zapadnom beregu Eniseia: natural'noe khoziaystvo, obraz zhizni i sotsial'naia organizatsiia [The Nenets of the «Fire-Tente» on the Western Side of the Yenisei: Subsistence Economy, Way of Life and Social Organization]. In *Pripoliarnaia perepis' 1926/27 gg. na Evropeiskom Severe [The 1926/27 Polar Census in the European North],* St. Petersburg, MPSS, 339–369.

Список источников статистических данных

Baza dannykh munitsipal'nykh obrazovanii FSGS RF [Database of municipalities of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation], web-site https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm

Ekonomicheskie i sotsial'nye pokazateli raionov Krainego Severa i priravnennykh k nim mestnostei [Economic and social indicators of the Far North regions and areas equated to them]. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki RF [Federal State Statistics Service of the Russian Federation], web-site https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13279

Osnovnye pokazateli proizvodstvenno-finansovoi deyatel'nosti sovkhozov Taimyrskogo avtonomnogo okruga za 1981–1987 gg. [The main indicators of production and financial activity of state farms of the Taimyr Autonomous Okrug for 1981–1987]. Printed by Taimyrskoe agropromyshlennoe ob'iedinenie, Dudinka, 1987.

Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie, finansovye pokazateli i pokazateli otraslei sotsial'noy sfery Taimyrskogo Dolgano-Nenetskogo munitsipal'nogo raiona za 2017, 2018, 2019 god. [The main socio-economic, financial indicators and indicators of the sectors of the social sphere of the Taimyr Dolgan-Nenets municipal district for 2017, 2018, 2019], Web-site Administratsii Taimyrskogo Dolgano-Nenetskogo munitsipal'nogo raiona Krasnoiarskogo kraia. http://taimyr24.ru/left_menu/finance_and_economics/otchety-o-ser/)

Spravochnik po ekonomike kolkhozov i sovkhozov Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Handbook on the economy of collective farms and state farms of the Taimyr National District]. Printed by Noril'skii NII sel'skogo khoziaistva Krainego Severa SO RASKHN, Dudinka, 1961.

Sel'skoye i promyslovoye khozyaystvo Taimyra [Agriculture and fishing economy of Taimyr]. Printed by Noril'skii NII sel'skogo khoziaistva Krainego Severa SO RASKHN, Dudinka, 1967.

Spravochnik po ekonomike kolkhozov i sovkhozov Taimyrskogo (Dolgano-Nenetskogo) natsional'nogo okruga [Handbook on the economy of collective and state farms of the Taimyr (Dolgano-Nenets) national district]. Printed by Noril'skii NII sel'skogo khoziaistva Krainego Severa SO RASKHN, Dudinka, 1976.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 280–293

DOI: 10.17516/1997-1370-0911
УДК 316.4.063

Social Consequences of Climate Change: World Practices of Research and Forecasting

Natalia P. Koptseva* and Elina V. Pashova
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 17.02.2022, accepted 23.02.2022

Abstract. In the last fifty years, climate change under the influence of the dynamic processes of the Earth, external influences (for example, the intensity of solar radiation) and human activities has become an increasingly global and urgent problem. Many countries, on the basis of their participation in international organizations, combine scientific and technological achievements in order to resist or adapt to climate change. However, an important part is also predicting social consequences – those elements of climate change that can affect the well-being and livelihoods of mankind.
This article is a review of scientific sources from the Scopus, Web of Science and RSCI databases, carried out in order to identify general scientific trends in the world and Russian practice of studying and predicting the social consequences of climate change. A selection of scientific sources published over the past five years gives particular relevance to the work. As a result of the analysis, six main trends in world and Russian practice in the field of studying and forecasting the social consequences of climate change have been identified.

Keywords: consequences of climate change, Arctic zone, ingenious people.

The study was carried out with the financial support of Krasnoyarsk Regional Fund of Science and Technology Support in the framework of the scientific project «Attitude to climate change of the population of the Arctic zone of the Krasnoyarsk Territory: forecasting social consequences».

Research area: theory and history of culture.

Citation: Koptseva, N.P., Pashova E. V. (2022). Social consequences of climate change: world practices of research and forecasting. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 280–293. DOI: 10.17516/1997-1370-0911

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: nkoptseva@sfu-kras.ru

Социальные последствия изменения климата: мировые практики изучения и прогнозирования

Н.П. Копцева, Э.В. Пашова
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В последние пятьдесят лет изменение климата под воздействием динамических процессов Земли, внешних воздействий (например, интенсивности солнечного излучения) и деятельности человека становится все более глобальной и актуальной проблемой. Множество стран на основании своего участия в международных организациях объединяют научные и технологические достижения с целью противостояния климатическим изменениям или адаптации к ним. Однако немаловажную часть составляет и прогнозирование социальных последствий – тех элементов изменения климата, которые могут затрагивать благосостояние и жизнедеятельность человечества.
Данная статья представляет собой обзор научных источников из баз данных Scopus, Web of Science и РИНЦ, проведенный с целью определения общих научных тенденций в мировой и российской практике изучения и прогнозирования социальных последствий климатических изменений. Особую актуальность работе придает выборка научных источников, опубликованных за последние пять лет.
В результате проведенного анализа выявлены шесть основных тенденций мировой и российской практики в области изучения и прогнозирования социальных последствий изменения климата.

Ключевые слова: последствия изменения климата, Арктическая зона, коренные народы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках научного проекта «отношение к изменениям климата населения Арктической зоны Красноярского края: прогнозирование социальных последствий».

Научная специальность: 5.10.1 теория и история культуры, искусства.

Введение

В 1972 году на Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды впервые обсуждена концепция устойчивого развития человечества, основная идея которой заключается в проведении экономических и социальных изменений с целью их взаимной согласованности и дальнейшего обеспечения приемлемого качества жизни человечества. В подписанной по итогам Конференции Стокгольмской декларации (Stokgol'mskaia deklaraciia, 1972) провозглашено, что «сохранение и улучшение качества окружающей человека среды является важной проблемой, влияющей на благосостояние народов и экономическое развитие стран мира», в связи с чем человечеству необходимо регулировать свою деятельность во всем мире, проявляя тщательную заботу в отношении последствий для окружающей среды.

В 1992 году конвенция актуализирована, на международном уровне признано, что на Земле происходит изменение климата, которое несет за собой в том числе и не-

гативные последствия как для природных экосистем в целом, так и для человечества в частности. На основании данного факта более чем 180 стран мира подписали Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (Ramochnaia konvenciia…, 1992), в которой отмечено, что изменение климата и его неблагоприятные последствия признаются предметом общей озабоченности человечества, в связи с чем необходимо добиваться стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, не допускающем опасного антропогенного воздействия на климатическую систему, что пойдет на благо нынешнего и будущих поколений человечества.

Более того, в 2015 году в рамках упоминаемой конвенции дополнительно подписано Парижское соглашение (Parizhskoe soglashenie, 2015), посредством которого регулируются меры снижения содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года на основании признания необходимости эффективного и прогрессивного реагирования на срочную угрозу изменения климата с учетом справедливого доступа к устойчивому развитию и ликвидации нищеты.

Даже на примере трех международных официальных документов можно говорить о том, что изменение климата вследствие динамических процессов на Земле, внешних воздействий и деятельности человека в последние пятьдесят лет стало глобальной и актуальной проблемой.

Постановка проблемы

И в Стокгольмской декларации, и в Рамочной конвенции ООН и в Парижском соглашении упоминаются не только экологические последствия изменения климата и необходимость применения мер по их минимизации или по адаптации к ним, но и тот факт, что изменение климата может неблагоприятно сказываться на благосостоянии отдельных народов и человечества в целом, экономическом развитии стран мира. Во внимание широкой общественности и научного сообщества попадает анализ и прогнозирование социальных последствий изменений климата – тех результатов, которые проявляются в областях физического, морального и материального состояния людей, сказываются на их жизнедеятельности и благополучии (Terminy MChS Rossii).

Discussion

Перед проведением собственного научного исследования с акцентом на конкретной территории представляется возможным рассмотреть мировые и российские практики изучения и прогнозирования социальных последствий климатических изменений для выявления общих научных тенденций. Наиболее актуальна для проведения дальнейшего анализа выборка научных источников из баз данных Scopus, Web of Science и РИНЦ за последние пять лет.

1. Мировые практики изучения и прогнозирования социальных последствий климатических изменений

1.1. Berred S., Berred K. Climate Change Issues, Challenges, and Impacts in Terms of Rural Geo-biological and Cultural Tourism Activity Development in Semiarid Areas: a Case Study from Tata, Bani Geopark (Anti-Atlas, South Morocco) (Berred, Berred, 2021)

Показаны те негативные последствия, которые изменение климата наносит сельскому туризму в степной климатической зоне. Современные климатические изменения в значительной степени отражаются на состоянии экосистемы и георазнообразия степной климатической зоны, в которой большинство оазисов и популяций расположены в долинах. Более того, как коренное население, так и инвесторы туристического бизнеса страдают от повышения температуры в летний сезон и от наводнений в зимний. При этом нельзя не отметить тот факт, что сельский туризм служит практически единственным видом деятельности, приносящим доход в данной климатической зоне.

При изменении климата возникает необходимость создания глобального геопарка на степных территориях, что позволит проводить политику сохранения природного и культурного наследия и строить дальнейшие планы по управлению климатической ситуацией.

1.2. Eisenack K.
Adaptation to the consequences of climate change. Opportunities and challenges in dealing with unavoidable climate change (Eisenack, 2019)

В настоящее время существуют две основные стратегии борьбы с изменениями климата – защита климата и адаптация к климату – которые при этом дополняют друг друга, потому что климатические изменения представляются неостановимыми.

Основное внимание уделено адаптации к климату, которая может принимать различные формы в зависимости от климатических воздействий. Главной идеей становится утверждение о том, что для адаптации к климату необходимы не только технические (например, защита побережий) и институциональные (например, страхование) меры, но и применение инструментария из области политики. Данное утверждение автор дополнительно обосновывает следующим образом: чем дольше откладываются адаптационные мероприятия, тем более опасны последующие изменения климата.

1.3. Fitzgerald J. B.
Working time, inequality and carbon emissions in the United States: A multi-dividend approach to climate change mitigation (Fitzgerald, 2022)

Основные подходы к смягчению последствий изменения климата в настоящее время сосредоточены на технологических достижениях. Однако существует и продвигается точка зрения, согласно которой сокращение рабочего времени благотворно влияет на политику устойчивого развития с множеством дивидендов в различных областях, – от снижения нагрузки на окружающую среду до улучшения социальных и экономических результатов.

Данное исследование позволяет соотнести между собой такие факторы, как социальное неравенство, количество рабочего времени и количество выбросов углекислого газа. Так, социальное неравенство увеличивает влияние количества рабочего времени на количество выбросов углекислого газа за счет того, что увеличивается интенсивность неэкологичных видов потребления.

В результате делается вывод о том, что направленная на нивелирование социального неравенства и уменьшение количества рабочего времени политика в долгосрочной перспективе даст как социальную, так и экологическую выгоду.

1.4. Gascón J. Tourism as a right: a «frivolous claim» against degrowth? (Gascón, 2019)

Рассмотрена точка зрения Всемирной туристской организации, которая предлагает объявить туризм одним из прав человека. Актуальность данного предложения связана с тем, что среди широкой общественности и в академических научных кругах распространилась информация о негативных последствиях туризма, причем в их число включают не только изменения в правах коренного/местного населения, но и изменения климата.

Со стороны противников в настоящее время существуют призывы как к снижению темпов роста туризма, так и к уменьшению туристических возможностей, тогда как со стороны туристического сектора продвигаются точки зрения, направленные на предотвращение возможных ограничений. В результате проводимого анализа идей и мотивов сделан вывод о том, что узаконивание туризма как права человека приведет ситуацию в юридический тупик, в котором встретятся права граждан как туристов и права граждан как резидентов. Однако в таком случае предложения по ограничениям в сфере туризма будут нивелированы.

1.5. Hutchins S.S., Bouye K., Luber G., Briseno L., Hunter C., Corso L. Public Health Agency Responses and Opportunities to Protect Against Health Impacts of Climate Change Among US Populations with Multiple Vulnerabilities (Hutchins et all, 2018)

В последние десятилетия глобальные изменения климата приводят к увеличению числа экстремальных погодных явлений и их последствий – ураганов, наводнений, проливных дождей, аномальной жары, лесных пожаров, загрязнений воздуха. В данной статье показано, что каждый климатический эффект оказывает как прямое (смерти, травмы, ухудшение физического и психического здоровья), так и косвенное (инфекции и болезни, передающиеся посредством продуктов питания и питьевой воды) воздействие на здоровье человека.

Особого внимания заслуживает тот факт, что, хотя все группы населения подвергаются риску воздействия неблагоприятных последствий изменения климата, наиболее велик он для групп населения, чьи экономические ресурсы не позволяют осуществить своевременное и адекватное реагирование. Вследствие данного неравенства авторы призывают к обсуждению правительственных мер в области здравоохранения, которые будут направлены на повышение жизнестойкости тех групп населения, чье здоровье оказывается подвержено наибольшему риску. В число данных мер могут входить как оценка уязвимости, адаптационные планы, реагирование на чрезвычайные ситуации и аккредитация организации общественного здравоохранения, так и предлагаемые инициативы и программы по обеспечению равенства в вопросах здравоохранения внутри сообществ.

1.6. Jesic J., Okanovic A, Panic A. A. Net zero 2050 as an EU priroty: modeling a system for efficient investments in eco innovation for climate change mitigation (Jesic et all, 2021)

В рамках Плана восстановления Европы оговорены инвестиции в борьбу с изменением климата, цель которой – достижение нулевого выброса парниковых газов к 2050 году. Основной целью самого исследования становится проверка и анализ существующих моделей инвестиций и предложение более эффективных. Для полноты картины авторы рассмотрели указанные факторы не только в странах, входящих в Европейский союз, но и в отдельно выбранных государствах вне данного образования.

Наиболее эффективной моделью инвестиций для борьбы с изменением климата признано финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области экологии.

1.7. Löfström E., Klöckner C. A., Nesvold I. H. Nature in Your Face – Disruptive Climate Change Communication and Eco-Visualization as Part of a Garden-Based Learning Approach Involving Primary School Children and Teachers in Co-creating the Future (Löfström et all, 2020)

Представлена инновационная методика проведения мастерских в области обучения на базе садоводства – «Nature in Your Face», суть которой заключается во внесении изменений в осознанное поведение людей и в вовлечении граждан в решение экологических вопросов посредством эмоционального включения как ответа на провокационные художественные идеи.

Предложена трехэтапная структура, где на первом этапе в привычную окружающую среду вносится деструктивный элемент, вызывающий эмоциональную реакцию и подталкивающий к формулированию проблемы и ее решения; на втором эмоциональная реакция трансформируется в творческое исследование в поисках решения; на третьем разработанные решения применяются на локальном уровне и совершенствуются. В результате человек оказывается вытеснен из собственной зоны комфорта и поставлен перед необходимостью творческого осмысления будущего, что помогает в выработке осознанности и гибкости ума и в стимулировании разбора дискуссионных точек зрения.

Представленная методика «Nature in Your Face» включена в программу начальной школы, продолжает оцениваться в текущем сценарии и корректироваться в соответствии с получаемыми результатами.

1.8. Perez L.P., Rodrigues-Filho S., Marengo J.A., Santos D.V., Mikosz L. Climate change and disasters: Analysis of the Brazilian regional inequality (Perez et all, 2020)

В данной статье социально-экономическое неравенство рассмотрено с точки зрения последствий воздействия экстремальных погодных явлений в связи с изменением климата (например, учащения сильных дождей). Авторы констатируют тот факт, что изменение климата и экстремальные погодные явления по-разному влияют на макрорегионы Бразилии – и данное влияние в бóльшей степени зависит от плотности населения и качества услуг городской инфраструктуры.

Негативные последствия климатических изменений и стихийных бедствий делают региональную и социально-экономическую уязвимость населения и в целом городской инфраструктуры более ощутимыми.

1.9. Power A. Regional politics of an urban age: Can Europe's former industrial cities create a new industrial economy to combat climate change and social unravelling? (Power, 2018)

Европейские города и сельская местность находятся в состоянии угрозы выживанию за счет таких процессов (влекущих за собой серьезные экологические последствия), как сокращение рабочих мест в промышленных областях, снижение уровня городской инфраструктуры, иммиграция из неблагополучных регионов, дорожные пробки. Более того, возрастающие антииммигрантские настроения и социальное неравенство провоцируют рост общего недовольства и маргинальных тенденций, что угрожает социальной сплоченности и приводит к серьезным разногласиям.

Восстановление ранее промышленных городов возможно посредством реинвестиций из национальных и европейских фондов. Предполагается, что подобный подход не только способствует созданию новых рабочих места и приводит к росту населения, но и подталкивает к формированию партнерских отношений между университетами и гражданским обществом, между крупными мегаполисами/городскими регионами и ранее промышленными городами. Предполагается, что европейские города могут быть восстановлены за счет сочетания повторного использования существующей инфраструктуры и включения новых объектов и тенденций, что обеспечит более устойчивую экономику.

1.10. Wyss A. M., Knoch D., Berger S. When and how pro-environmental attitudes turn into behavior: The role of costs, benefits, and self-control (Wyss et all, 2022)

В настоящий момент точка зрения, согласно которой человечество несет ответственность за изменение климата, практически общепринята. Однако невозможно не отметить тот факт, что многие люди не изменяют собственное поведение в соответствии со своими взглядами на экологию.

Приведены результаты исследования мотивационных, диспозиционных (связанных с устойчивыми предрасположенностями) и структурных факторов, которые ложатся в основу экологического поведения. Главным выводом стало то, что люди демонстрируют экологическое поведение в тех случаях, когда, во-первых, личные затраты представляются низкими, и, во-вторых, когда экологические выгоды высоки. При этом оговаривается, что высокий уровень самоконтроля благоприятно воздействует на экологическое поведение, и с такой точки зрения самоконтроль представляется важным компонентом в достижении долгосрочных экологических целей.

2. Российские практики изучения и прогнозирования социальных последствий климатических изменений

1.1. Боровичёв Е. А., Вронский Н. В. Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область (Borovichov, Vronsky, 2020; Slukovskiy, 2020)

Данный труд представляет собой результат комплексной оценки последствий как климатических изменений, так и антропогенного воздействия для биоты, окружающей среды и природопользования применительно к одному из регионов российской Арктики – Мурманской области. Особое внимание уделено изменениям, затрагивающим жизнедеятельность коренного народа области – саамов.

Проблемы изменения арктического климата и вопросы интенсивной индустриализации представлены в междисциплинарном ключе, что позволяет применить комплексный подход к исследованию. Более того, необходимо отметить, что одним из результатов становятся подходы к разработке региональной Стратегии адаптации к изменению климата, во-первых, основанные на сценариях развития Мурманской области, во-вторых, учитывающие традиционные знания коренного населения. Особый интерес представляет Приложение 1 «Глобальная платформа коренных народов по традиционным знаниям и изменению климата», в котором, со ссылками на такие международные документы, как Рамочная конвенция ООН об изменении климата и, в частности, Парижское соглашение, описаны практики взаимодействия официальных властей, представителей коренных народов и общества в целом в вопросах климатических и антропогенных изменений.

1.2. Кислых О. А., Гурова О. Г. Развитие общества XXI века при изменении экологии и климата (Kislykh, Gurova, 2021)

Уделено внимание вопросам взаимозависимости экологических и климатических изменений и качества жизни: так, в частности, отмечена точка зрения ВОЗ, согласно которой изменения климата могут негативно влиять на здоровье человечества, увеличивая заболеваемость и смертность. При этом климатическая система может рассматриваться как капитал для экономической деятельности человека, уменьшаемый и невозобновляемый в долгосрочной перспективе.

Современных техногенный тип социально-экономического развития общества приводит к быстрому истощению невозобновляемых природных ресурсов, что, при взаимозависимости экологии, климата и человечества, без сомнения приведет и к деградации цивилизации. Однако для внесения изменений в перспективный путь развития человечества необходимы глобальные коллективные действия.

1.3. Шац М. М., Скачков Ю. Б. Управление или адаптация (к проблеме оптимизации развития цивилизации) (Shac, Skachkov, 2020)

В настоящее время все большее внимание научных специалистов и широкой общественности сосредоточено на вопросе выбора стратегий дальнейшего развития цивилизации в условиях климатических изменений. Рассмотрены две основных стратегии – управление изменениями климата и адаптация к ним. Отдельно отмечено, что глобальное изменение климата особенно сказывается на арктических территориях, влияя в том числе на здоровье, уровень жизни и благосостояние северных народов.

Наиболее действенной стратегией станет объединение возможностей управления и адаптации с обоснованием того или иного выбора в каждой отдельной ситуации не с эмоциональной, но с научной точки зрения.

В Красноярском крае исследования социальных последствий изменений климата проводятся в двух основных направлениях: 1) отношение населения Красноярского края к изменению климата и появлению

новых источников энергии (см. Koptseva, 2021; Luzan et o., 2020; Zabelina et o., 2021,); 2) влияние изменения климата на статус коренных малочисленных народов северных и арктических территорий Красноярского края (Koptseva, Kirko, 2014a, 2014b, 2014c). Оба направления связаны с проведением обширных полевых работ, применением количественных и качественных методов социальных и культурных исследований. Несомненно, что северные и арктические территории Красноярского края в ближайшее время ожидают климатические изменения, что существенно повлияет на традиционное природопользование коренных народов Севера. Ученые и эксперты обращаются к представителям органов власти регионов, куда входят данные территории, предлагая ускорить принятие решений, связанных с мерами государственной поддержки людям, чья традиционная экономика зависит от определенных климатических состояний.

Выводы

В результате представленного анализа научных источников из баз данных Scopus, Web of Science и РИНЦ за последние пять лет можно говорить о том, что в мировой и российской практике анализа и прогнозирования социальных последствий изменений климата существуют следующие тенденции:

− вопросы туризма рассматриваются с различных, спорных точек зрения: как единственная приносящая доход деятельность, как одно из прав человека и как негативный фактор по отношению к правам коренного/местного населения и изменению климата;

− обсуждается неравенство отдельных территорий и групп населения в отношении воздействия неблагоприятных последствий изменения климата и предлагаются возможные пути нивелирования различных видов неравенства с целью снижения рисков;

− проводятся исследования психологических особенностей человека, которые способствуют экологическому поведению или отталкивают от него, и предлагаются методики по формированию осознанного отношения к вопросам защиты окружающей среды;

− прогнозируются наиболее эффективные пути инвестиций в области борьбы с изменением климата (в частности, на уровне международных образований);

− продолжается исследование взаимосвязи между экологическими и климатическими изменениями и качеством жизни человечества; к данной тенденции могут относиться как исследования в области здравоохранения, так и экономические исследования (например, поиски взаимосвязи между количеством рабочего времени и интенсивностью неэкологичных видов потребления);

− стратегии дальнейшего развития человечества анализируются как с точки зрения существующих научных теорий и технических разработок, так и с точки зрения экономических и социальных последствий для человечества с предложениями внесения изменений в различные области человеческой жизнедеятельности.

Список литературы / References

Adua, L., Clark, B., York, R. (2021). The ineffectiveness of efficiency: The paradoxical effects of state policy on energy consumption in the United States. In *Energy Research and Social Science*, 71. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101806.

Ahuvia, A. C. (2017). Consumption, income and happiness. In *the Cambridge Handbook of Psychology and Economic Behaviour.*

Allan, M., Shavanddasht, M. (2019). Rural geotourists segmentation by motivation in weekends and weekdays. In *Tourism and Hospitality Research*, 19(1), 74–84. DOI: 10.1177/1467358417694513.

Anderson, H., Jr., Stejskal, J. (2019). Diffusion efficiency of innovation among EU member states: A data envelopment analysis. In *Economies*, 7(2). DOI: 10.3390/economies7020034.

Andriotis, K. (2018). *Degrowth in tourism: Conceptual, theoretical and philosophical issues. In Degrowth in Tourism: Conceptual, Theoretical and Philosophical Issues*. Wallingford, CABI, 232 p.

Antal, M., Plank, B., Mokos, J., Wiedenhofer, D. (2020). Is working less really good for the environment? A systematic review of the empirical evidence for resource use, greenhouse gas emissions and the ecological footprint. In *Environmental Research Letters*, 16(1). DOI: 10.1088/1748–9326/abceec.

Assis Dias, M. C. D., Saito, S. M., Alvalá, R. D. S., Stenner, C., Pinho, G., Nobre, C. A., Fonseca, M. R. D. S., Santos, C., Amadeu, P., Silva, D., Lima, C. O., Ribeiro, J. Nascimento, F., Corrêa, C. O. (2018). Estimation of exposed population to landslides and floods risk areas in Brazil, on an intra-urban scale. In *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 31, 449–459. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2018.06.002.

Bartiko, D., Oliveira, D. Y., Bonumá, N. B., Chaffe, P. L. B. (2019). Spatial and seasonal patterns of flood change across Brazil. In *Hydrological Sciences Journal*, 64(9), 1071–1079. DOI: 10.1080/02626667.2019.1619081.

Baumgartner, T., Langenbach, B. P., Gianotti, L. R. R., Müri, R. M., Knoch, D. (2019). Frequency of everyday pro-environmental behaviour is explained by baseline activation in lateral prefrontal cortex. In *Scientific Reports*, 9(1). DOI: 10.1038/s41598–018–36956–2.

Berger, S., Wyss, A. M. (2021). Measuring pro-environmental behavior using the carbon emission task. In *Journal of Environmental Psychology*, 75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101613.

Berred, S. (2020). *Identification Et Valorisation Du Patrimoine Géologique Du Maroc: Cas De La Géodiversité Et Du Géotourisme De La Région De Tata*, available at: www.scopus.com.

Berred, S., Fadli, D., Berred, K. (2019). Aerial interference of Hercynian folds and their morphological peculiarities in the Bani Geopark of southern Morocco. In *Arabian Journal of Geosciences*, 12(11). DOI: 10.1007/s12517–019–4537–3.

Berred, S., Fadli, D., Di Gregorio, F., Berred, K. (2020). Geological and landscape particularities of Issafen-style chevron pattern in Tata region (Anti-Atlas, South Morocco). In *Arabian Journal of Geosciences*, 13(15). DOI: 10.1007/s12517–020–05713-z.

Berred, S., Fadli, D., El Wartiti, M., Zahraoui, M., Berred, K., Sadki, R. (2019). Geomorphosites of the Semi-arid Tata region: Valorization of an Unknown Geoheritage for Geotourism Sustainable Development (Anti-Atlas, South Morocco). In *Geoheritage*, 11(4), 1989–2004. DOI: 10.1007/s12371–019–00414-w.

Berres, S., Berred, K. (2021). Climate Change Issues, Challenges, and Impacts in Terms of Rural Geobiological and Cultural Tourism Activity Development in Semiarid Areas: a Case Study from Tata, Bani Geopark (Anti-Atlas, South Morocco). In *Geoheritage*, 13 (4). DOI: 10.1007/s12371–021–00640–1.

Borovichev, E. A., Vronskij, N. V., Aksenova, O. V., Bocharnikov, V. N., Danilov, A, F, Denisov, D. B., Zacarinnyj, I. V., Ivanova, L. V., Kliuchnikova, E. M., Kozhin, M. N., Koroleva, N. E., Kostina, V. A., Makarov, D. V., Masloboev, V. A., Murashko, O. A., Petrova, O. V., Riabova, L. A., Sennikov, A. N., Suliandziga, P. V., Suliandziga, R. V., Terent'ev, P. M., Turaeva, V. A., Khimich, Iu. R. (2020). *Priroda i korennoe naselenie Arktiki pod vliianiem izmeneniia klimata i industrial'nogo osvoeniia: Murmanskaia oblast' [Nature and Indigenous Population of the Arctic under the Influence of Climate Change and Industrial Development: the Murmansk Oblast]*. Moscow, Izdatel'skij dom «Grafit», 180 p.

Brasseur, G. P., Jacob, D., Schuck-Zöller, S. (2017). *Klimawandel in deutschland. entwicklung, folgen, risiken und perspektiven. Klimawandel in Deutschland.Entwicklung, Folgen, Risiken Und Perspektiven*, available at: www.scopus.com.

Büscher, B., Fletcher, R. (2017). Destructive creation: Capital accumulation and the structural violence of tourism. In *Journal of Sustainable Tourism*, 25(5), 651–667. DOI: 10.1080/09669582.2016.1159214.

Camilleri, A. R., Larrick, R. P., Hossain, S., Patino-Echeverri, D. (2019). Consumers underestimate the emissions associated with food but are aided by labels. In *Nature Climate Change*, 9(1), 53–58. DOI: 10.1038/s41558–018–0354-z.

Chappell, B. (2019). *4-day workweek boosted workers' productivity by 40 %*, available at: www.scopus.com.

Creutzig, F., Roy, J., Lamb, W. F., Azevedo, I. M. L., Bruine De Bruin, W., Dalkmann, H., Edelenbosch, O. Y., Geels, F. W., Grubler, A., Hepburn, C., Hertwich, E. G., Khosla, R., Mattauch, L., Minx, J.

C., Ramakrishnan, A., Rao, N. D., Steinberger, J. K., Tavoni, M., Ürge-Vorsatz, D., Weber, E. U. (2018). Towards demand-side solutions for mitigating climate change. In *Nature Climate Change*, 8(4), 268–271. DOI: 10.1038/s41558–018–0121–1.

Cvijanovic, V., Elci, S., Reid, A., Hollanders, H. (2018). *European Innovation Scoreboard 2018. Exploratory Report C: Supplementary Analyses and Contextualisation of Innovation Performance Data*, available at: www.scopus.com.

D'Alessandro, S., Cieplinski, A., Distefano, T., Dittmer, K. (2020). Feasible alternatives to green growth. In *Nature Sustainability*, 3(4), 329–335. DOI: 10.1038/s41893–020–0484-y.

Dobrzanski, P. (2018). Innovation expenditures efficiency in central and eastern european countries. [Efikasnost ulaganja u investicije u zemljama srednje i istočne Europe]. In *Zbornik Radova Ekonomskog Fakultet Au Rijeci*, 36(2), 827–859. DOI: 10.18045/zbefri.2018.2.827.

Duckworth, A. L., Milkman, K. L., Laibson, D. (2018). Beyond willpower: Strategies for reducing failures of self-control. In *Psychological Science in the Public Interest: A Journal of the American Psychological Society*, 19(3), 102–129. DOI: 10.1177/1529100618821893.

Dunn, R. J. H., Alexander, L. V., Donat, M. G., Zhang, X., Bador, M., Herold, N., Lippmann, T., Allan, R., Aguilar, E., Barry, A. A., Brunet, M., Caesar, J., Chagnaud, G., Cheng, V., Cinco, T., Durre, I., de Guzman, R., Htay, T. M., Wan Ibadullah, W. M., Bin Ibrahim, M. K. I., Khoshkam, M., Kruger, A., Kubota, H., Leng, T. W., Lim, G., Li-Sha, L., Marengo, J., Mbatha, S., McGree, S., Menne, M., de los Milagros Skansi, M., Ngwenya, S., Nkrumah, F., Oonariya, C., Pabon-Caicedo, J. D., Panthou, G., Pham, C., Rahimzadeh, F., Ramos, A., Salgado, E., Salinger, J., Sané, Y., Sopaheluwakan, A., Srivastava, A., Sun, Y., Timbal, B., Trachow, N., Trewin, B., van der Schrier, G., Vazquez-Aguirre, J., Vasquez, R., Villarroel, C., Vincent, L., Vischel, T., Vose, R., Bin Hj Yussof, M. N. (2020). Development of an updated global land in situ-based data set of temperature and precipitation extremes: HadEX3. In *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, 125(16). DOI: 10.1029/2019JD032263.

Edquist, C., Zabala-Iturriagagoitia, J. M., Barbero, J., Zofío, J. L. (2018). On the meaning of innovation performance: Is the synthetic indicator of the innovation union scoreboard flawed? In *Research Evaluation*, 27(3), 196–211. DOI: 10.1093/reseval/rvy011.

Eisenack, K. (2019). Adaptation to the consequences of climate change. Opportunities and challenges in dealing with unavoidable climate change. In *Geographische Rundschau*, 71 (12), 32–38.

Farjam, M., Nikolaychuk, O., Bravo, G. (2019). Experimental evidence of an environmental attitude-behavior gap in high-cost situations. In *Ecological Economics*, 166. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.106434.

Farzan, A. N. (2021). Spain will experiment with four-day workweek, a first for Europe. In *Washington Post*, available at: www.scopus.com.

Fitzgerald, J. B. (2022). Working time, inequality and carbon emissions in the United States: A multi-dividend approach to climate change mitigation. In *Energy Research and Social Science*, 84. DOI: 10.1016/j.erss.2021.102385.

Fitzgerald, J. B., Schor, J. B., Jorgenson, A. K. (2018). Working hours and carbon dioxide emissions in the United States, 2007–2013. In *Social Forces*, 96 (4), 1851–1874. DOI: 10.1093/sf/soy014.

Franco-Watkins, A. M., Hickey, H. K., Johnson, J. G. (2019). Comparing process tracing paradigms: Tracking attention via mouse and eye movements. In *a handbook of process tracing methods: Second edition*, 96–110, available at: www.scopus.com.

Fremstad, A., Paul, M., Underwood, A. (2019). Work hours and CO2 emissions: Evidence from U.S. households. In *Review of Political Economy*, 31 (1), 42–59. DOI: 10.1080/09538259.2019.1592950.

Fritsche, I., Barth, M., Jugert, P., Masson, T., Reese, G. (2018). A social identity model of pro-environmental action (SIMPEA). In *Psychological Review*, 125 (2), 245–269. DOI: 10.1037/rev0000090.

Gascón, J. (2019). Tourism as a right: a «frivolous claim» against degrowth? In *Journal of Sustainable Tourism*, 27 (12), 1825–1838. DOI: 10.1080/09669582.2019.1666858.

Gascón, J., Cañada, E. (2017). El mundo es finito, también para el turismo: Del multiplicador turístico al conflicto redistributivo [the world is finite, also for tourism: From the tourist multiplier to the redistributive conflict]. In *Oikonomics*, 7, 28–34, available at: www.scopus.com.

Gunderson, R. (2018). Degrowth and other quiescent futures: Pioneering proponents of an idler society. In *Journal of Cleaner Production*, 198, 1574–1582. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.07.039.

Hacon, S. S., Oliveira, B. F. A., Silveira, I. (2018). Climate change risks in brazil: A review of the health sector impacts of 4 °C or more temperature rise. In *Impacts of 4 °C Or More Temperature Risk*, available at: www.scopus.com.

Hanbury, H., Bader, C., Moser, S. (2019). Reducing working hours as a means to foster low(er)-carbon lifestyles? An exploratory study on Swiss employees. In *Sustainability (Switzerland)*, 11(7). DOI: 10.3390/su11072024.

Herget, J. (2019). A continuous up and down. sea-level change along the german coasts. [Ein stetes Auf und Ab Meeresspiegelschwankungen an den deutschen Küsten]. In *Geographische Rundschau*, 71 (9), 4–9, available at: www.scopus.com

Hernández-Ramírez, J. (2018). La voracidad del turismo y el derecho a la ciudad. In *Revista Andaluza De Antropología*, 15, 22–46, available at: www.scopus.com

Hickel, J., Kallis, G. (2020). Is green growth possible? In *New Political Economy*, 25(4), 469–486. DOI: 10.1080/13563467.2019.1598964.

Hill, T. D., Jorgenson, A. K., Ore, P., Balistreri, K. S., Clark, B. (2019). Air quality and life expectancy in the United States: An analysis of the moderating effect of income inequality. In *SSM – Population Health*, 7. DOI: 10.1016/j.ssmph.2018.100346.

Hoegh-Guldberg, O. D., Jacob, M., Taylor, M., Bindi, S., Brown, I., Camilloni, A., Diedhiou, R. (2018). Chapter 3: Impacts of 1.5 °C global warming on natural and human systems. in global warming of 1.5 °C. an IPCC special report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways. In the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty. In *International Panel on Climate Change*, available at: www.scopus.com.

Homski, A. (2019). Efficiency of the R&D sector in the EU states. Does the source of funds matter? In *Res Papers Econ Finance*, 3 (2), 37–44, available at: www.scopus.com.

Hutchins, S. S., Bouye, K., Luber, G., Briseno, L., Hunter, C., Corso, L. (2018). Public Health Agency Responses and Opportunities to Protect Against Health Impacts of Climate Change Among US Populations with Multiple Vulnerabilities. In *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, 5 (6), 1159–1170. DOI: 10.1007/s40615–017–0402–9.

Ilina, I., Streltsova, E., Borodin, A., Yakovenko, I. (2019). The impact of public investment on the competitiveness of the Russian R & D sector. In *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*, 10 (1), 1128–1140, available at: www.scopus.com.

Jesic J., Okanovic A., Panic A. A. (2021). Net zero 2050 as an EU priroty: modeling a system for efficient investments in eco innovation for climate change mitigation. In *Energy, Sustainability and Society*, 11 (1). DOI: 10.1186/s13705–021–00326–0.

Jorgenson, A. K., Fitzgerald, J. B., Thombs, R. P., Hill, T. D., Givens, J. E., Clark, B., Schor, J. B., Huang, X., Kelly, O. M., Ore, P. (2020). The multiplicative impacts of working hours and fine particulate matter concentration on life expectancy: A longitudinal analysis of US states. In *Environmental Research*, 191. DOI: 10.1016/j.envres.2020.110117.

Jorgenson, A. K., Thombs, R. P., Clark, B., Givens, J. E., Hill, T. D., Huang, X., Kelly, O. M., Fitzgerald, J. B. (2021). Inequality amplifies the negative association between life expectancy and air pollution: A cross-national longitudinal study. In *Science of the Total Environment*, 758. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.143705.

Jorgenson, A., Schor, J., & Huang, X. (2017). Income inequality and carbon emissions in the United States: A state-level analysis, 1997–2012. In *Ecological Economics*, 134, 40–48. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2016.12.016.

Kallis, G. (2017). In defense of degrowth: Opinions and minifestos. In *Defense of Degrowth: Opinions and Minifestos*.

Keating, M., Davis, F. (2019). *Air of Injustice: African Americans and Power Plant Pollution*, available at: www.scopus.com.

Kelly, J. (2021). California congressman Mark Takano introduces legislation for A four-day workweek. In *Forbes*, available at: www.scopus.com.

Keyßer, L. T., Lenzen, M. (2021). 1.5 °C degrowth scenarios suggest the need for new mitigation pathways. In *Nature Communications*, 12 (1). DOI:10.1038/s41467–021–22884–9

Kislykh, O. A., Gurova, O. G. (2021). Razvitie obshchestva XXI veka pri izmenenii ekologii i klimata [Development of the Society of the XXI Century in the Context of Environmental and Climate Change]. *Materialy XVII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Razvitie sovremennogo obshchestva: vyzovy i vozmozhnosti» [Materials of the XVII International Scientific Conference «Development of Modern Society: Challenges and Opportunities»]*. Moscow, 46–50.

Knight, K. W., Schor, J. B., Jorgenson, A. K. (2017). Wealth inequality and carbon emissions in high-income countries. In *Social Currents*, 4 (5), 403–412. DOI: 10.1177/2329496517704872.

Koptseva, N.P. (2021). Health Assessment in View of Environmental Quality in Krasnoyarsk Territory (Siberia, Russia). In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 721(1), 012009.

Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2014a). The information basis for formation of positive ethnic identities in the process of acculturation of indigenous peoples of the Arctic Siberia (Krasnoyarsk, Russia). In *Life Science Journal,* 11(8), 479–483.

Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2014b). Modern specificity of legal regulation of cultural development of the indigenous peoples of the Arctic Siberia (the Altay Region, the Zabaikailsky Region, Republic of Buryatia, Russia). In *Life Science Journal,* 11(9), 314–319.

Koptseva, N., Kirko, V. (2014c). Ethic identification of indigenous people of the Siberian Arctic. In *American Journal of Applied Sciences,* 11(9),1574–1578.

Krozer, Y. (2017). Innovative offices for smarter cities, including energy use and energy-related carbon dioxide emissions. In *Energy, Sustainability and Society*, 7 (1). DOI: 10.1186/s13705–017–0104–5.

Lakens, D. (2021). Sample size justification. In *PsyArXiv*, available at: www.scopus.com.

Langenbach, B. P., Berger, S., Baumgartner, T., Knoch, D. (2020). Cognitive resources moderate the relationship between pro-environmental attitudes and green behavior. In *Environment and Behavior*, 52(9), 979–995. DOI: 10.1177/0013916519843127.

Le gouvernment de grand-duche de luxembourgh. (2021). *Research and Innovation Policy*, available at: www.scopus.com.

Lin, S. (2020). *Want to work only 32 hours a week?* available at: www.scopus.com.

Löfström, E., Klöckner, C. A., Nesvold I. H. (2020). Nature in Your Face – Disruptive Climate Change Communication and Eco-Visualization as Part of a Garden-Based Learning Approach Involving Primary School Children and Teachers in Co-creating the Future. In *Frontiers in Psychology*, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.568068.

Löfström, E., Svanæs, D. (2017). Eco-visualization: An exploration of the concept and its practical implications. In *ECEEE Summer Study Proceedings of Toulon/Hyéres*, available at: www.scopus.com.

Luzan, V.S., Sitnikova, A.A., Kistova, A.V., …Pimenova, N.N., Seredkina, N.N. (2020). History of world and russian mammoth studies. In *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 13(7), 1163–1181.

Mallinson, D. J., Cheng, K. J. G. (2021). The relationship between state-level carbon emissions and average working hours in the United States: A replication study. In *Environmental Sociology*. DOI:10.1080 /23251042.2021.1975350.

Marengo, J. A., Alves, L. M., Ambrizzi, T., Young, A., Barreto, N. J. C., Ramos, A. M. (2020). *Trends in extreme rainfall and hydrogeometeorological disasters in the metropolitan area of São Paulo: A review*. DOI:10.1111/nyas.14307. Available at: www.scopus.com.

Marengo, J. A., Souza, C. M., Jr., Thonicke, K., Burton, C., Halladay, K., Betts, R. A., Alves, L. M., Soares, W. R. (2018). Changes in climate and land use over the amazon region: Current and future variability and trends. In *Frontiers in Earth Science*, 6. DOI: 10.3389/feart.2018.00228.

Marscheider, N., Meya, J. (2017). Die internationale klimapolitik auf dem smartphone. globales lernen am beispiel des digitalen planspiels KEEP COOL mobil. Mit Bildung Die Welt Verändern? In *Globales Lernen Für Eine Nachhaltige Entwicklung*, 322–325, available at: www.scopus.com.

McGee, J. A., Greiner, P. T. (2018). Can reducing income inequality decouple economic growth from CO2 emissions? In *Socius*, 4, 1–11, available at: www.scopus.com.

Meya, J. N., Eisenack, K. (2018). Effectiveness of gaming for communicating and teaching climate change. In *Climatic Change*, 149(3–4), 319–333. DOI: 10.1007/s10584–018–2254–7.

Milano, C. (2018). Overtourism, malestar social y turismofobia. un debate controvertido. In *Pasos. Revista De Turismo y Patrimonio Cultural*, 16(3), 551–564, available at: www.scopus.com.

Minnaert, L., Maitland, R., Miller, G. (2011). What is social tourism? In *Current Issues in Tourism*, 14 (5), 403–415. DOI: 10.1080/13683500.2011.568051.

Nguyen, H. V., Nguyen, C. H., Hoang, T. T. B. (2019). Green consumption: Closing the intention-behavior gap. In *Sustainable Development*, 27(1), 118–129. DOI: 10.1002/sd.1875.

Nielsen, K. S., Clayton, S., Stern, P. C., Dietz, T., Capstick, S., Whitmarsh, L. (2021). How psychology can help limit climate change. In *American Psychologist*, 76(1), 130–144. DOI: 10.1037/amp0000624.

Okanovic, A. (2018). *Management of Competitiveness*, available at: www.scopus.com.

Panzer-Krause, S. (2019). Networking towards sustainable tourism: Innovations between green growth and degrowth strategies. In *Regional Studies*, 53 (7), 927–938. DOI: 10.1080/00343404.2018.1508873.

Parizhskoe soglashenie [The Paris Agreement] (2015). Available at: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (accessed 7 January 2022).

Perez, L. P. Rodrigues-Filho, S., Marengo, J. A., Santos, D.V., Mikosz, L. (2020). Climate change and disasters: Analysis of the Brazilian regional inequality. In *Sustentabilidade em Debate*, 11 (3), 260–277. DOI: 10.18472/SustDeb.v11n3.2020.33813.

Pollin, R. (2019). Advancing a viable global climate stabilization project: Degrowth versus the green new deal. In *Review of Radical Political Economics*, 51 (2), 311–319. DOI:10.1177/0486613419833518.

Power, A. (2018). Regional politics of an urban age: Can Europe's former industrial cities create a new industrial economy to combat climate change and social unravelling? In *Palgrave Communications*, 4 (1). DOI: 10.1057/s41599–018–0120-x.

Ramochnaia konvenciia Organizacii Ob»edinennykh Nacij ob izmenenii klimata [The United Nations Framework Convention on Climate Change] (1992). Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/docs/russian/a/18p2a01r.pdf (accessed 7 January 2022).

Regina Alvalá, C. D. S., Mariane Assis Dias, C. D., Saito, S. M., Stenner, C., Franco, C., Amadeu, P., Ribeiro, J., Souza de Moraes Santana, R. A. Nobre, C. A. (2019). Mapping characteristics of at-risk population to disasters in the context of Brazilian early warning system. In *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 41. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2019.101326.

Reynard, E., & Brilha, J. (2017). Geoheritage: Assessment, protection, and management. In *Geoheritage: Assessment, protection, and management*, 1–45, available at: www.scopus.com.

Rosenow, J., Kern, F. (2017). EU energy innovation policy: The curious case of energy efficiency. In *Research handbook on EU energy law and policy*, 501–517, available at: www.scopus.com.

Saito, S. M., Assis Dias, M. C., Ribeiro, D. F., Alvalá, R. C. S., Souza, D. B., Santana, R. A. S. M., Souza, P. A., Ribeiro, J. V. M., Stenner, C. (2021). Disaster risk areas in Brazil: Outcomes from an intra-urban scale analysis. In *International Journal of Disaster Resilience in the Built Environment*, 12(2), 238–250. DOI: 10.1108/IJDRBE-01–2020–0008.

Schilirò, D. (2019). *Sustainability, innovation, and efficiency: A key relationship*, available at: www.scopus.com

Schor, J. B., Jorgenson, A. K. (2019). Is it too late for growth? In *Review of Radical Political Economics*, 51 (2), 320–329. DOI:10.1177/0486613419831109.

Shao, Q., Shen, S. (2017). When reduced working time harms the environment: A panel threshold analysis for EU-15, 1970–2010. In *Journal of Cleaner Production*, 147, 319–329. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.01.115.

Shatz, M. M., Skachkov, Yu. B. (2020). Upravlenie ili adaptaciia (k probleme optimizacii razvitiia civilizacii) [Management or Adaptation (to the Problem of Optimizing the Development of Civilization)]. In *Klimat i priroda [Climate and Nature]*, 3 (36), 3–22.

Škrinjarić, T. (2020). R&D in Europe: Sector decomposition of sources of (in)efficiency. In *Sustainability (Switzerland)*, 12(4), 1–21. DOI: 10.3390/su12041432.

Slukovskiy, Z. I. (2020). Novaia kniga «Priroda i korennoe naselenie Arktiki pod vliianiem izmeneniia klimata i industrial'nogo osvoeniia: Murmanskaia oblast'» [The new book «Nature and Indigenous Population of the Arctic under the Influence of Climate Change and Industrial Development: the Murmansk Oblast»]. In *Arktika I Sever [Arctic and North]*, 39, 192–194. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2020.39.192.

Steffen, W., Rockström, J., Richardson, K., Lenton, T. M., Folke, C., Liverman, D., Summerhayes, C. P., Barnosky, A. D., Cornell, S. E., Crucifix, M., Donges, J. F., Fetzer, I., Lade, S. J., Scheffer, M., Winkelmann, R., Schellnhuber, H. J. (2018). Trajectories of the earth system in the Anthropocene. In *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 115 (33), 8252–8259. DOI: 10.1073/pnas.1810141115.

Stokgol'mskaia deklaraciia [Stockholm Declaration] (1972). Available at: http://webarchive.loc.gov/all/20150314024203/http%3A//www.unep.org/Documents.Multilingual/Default.asp?documentid%3D97 %26articleid%3D1503 (accessed 7 January 2022).

Stupak, I., Mansoor, M., Smith, C. T. (2021). Conceptual framework for increasing legitimacy and trust of sustainability governance. In *Energy, Sustainability and Society*, 11(1). DOI:10.1186/s13705–021–00280-x

Terminy MChS Rossii [Terms of The EMERCOM of Russia]. Available at: https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1164 (accessed 7 January 2022).

Thombs, R. (2018). The transnational tilt of the treadmill and the role of trade openness on carbon emissions: A comparative international study, 1965–2010. In *Sociological Forum*, 33 (2), 422–442. DOI:10.1111/socf.12415.

Thombs, R. P. (2017). The paradoxical relationship between renewable energy and economic growth: A cross-national panel study, 1990–2013. In *J World Syst Res*, 23 (2), 540–564, available at: www.scopus.com.

Travassos, L., Torres, P. H. C., Di Giulio, G., Jacobi, P. R., Dias De Freitas, E., Siqueira, I. C., Ambrizzi, T. (2021). Why do extreme events still kill in the São Paulo Macro Metropolis Region? Chronicle of a death foretold in the global south. In *International Journal of Urban Sustainable Development*, 13(1), 1–16. DOI: 10.1080/19463138.2020.1762197.

Wyss A. M., Knoch D., Berger S. (2022). When and how pro-environmental attitudes turn into behavior: The role of costs, benefits, and self-control. In *Journal of Environmental Psychology*, 79. DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101748.

Zabelina, E.V., Kurnosova, S.A., Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Shchukina, K.E. (2021). Economic behaviour strategies of the northern small-numbered indigenous peoples and their impact on subjective well-being. In *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 2021, 14(6), 797–809.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2022 15(2): 294–299

DOI: 10.17516/1997-1370-0909
УДК 130.2:316.613.4

Conceptual Reconstruction of Creativity in the Context of Socio-Cultural Transformation

Olga M. Khomushku[a], Maria S. Kukhta[b] and Margarita Yu. Raitina[c*]
[a]*Tuvan State University*
Kyzyl, Republic Tuva, Russian Federation
[b]*Tomsk Polytechnic University*
Tomsk, Russian Federation
[c]*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics*
Tomsk, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 17.02.2022, accepted 21.02.2022

Abstract. The article discusses the features of the transformation of understanding of creativity in the context of socio-cultural dynamics. It is noted that today creativity is considered as a factor of socio-cultural transformations that set a new quality of human life. The evolution of conceptualizations of creativity that have developed in the history of philosophical thought from antiquity to the present is considered. It has been determined that the comprehension of creativity is the result of conceptual reconstruction in its integrity, in which the conjugation of all reconstructing contexts is actualized: personal value system, socio-cultural contexts, style of philosophizing. It is concluded that the nature of creativity is given by a corresponding turn in philosophy and can be investigated on the basis of interdisciplinarity and complexity.

Keywords: creativity, communication, culture, socio-cultural context, creative qualities.

The work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, agreement № FEWM-2020-0036.

Research area: history, culturology.

Citation: Khomushku, O.M., Kukhta, M. S. Raitina, M. Yu. (2022). Conceptual reconstruction of creativity in the context of socio-cultural transformation. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 294–299. DOI: 10.17516/1997-1370-0909

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: hom17@mail.ru, eukuh@mail.tomsknet.ru, raitina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5280-4911 (Khomushku); 0000-0001-8643-785X (Kukhta); 0000-0002-2381-3202 (Raitina)

Концептуальные реконструкции творчества в контексте социально-культурных изменений

О.М. Хомушку[а], М.С. Кухта[б], М.Ю. Раитина[в]
[а]*Тувинский государственный университет*
Российская Федерация, Республика Тыва, Кызыл
[б]*Томский политехнический университет*
Российская Федерация, Томск
[в]*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники*
Российская Федерация, Томск

Аннотация. В статье изложены особенности трансформации понимания творчества в контексте социально-культурной динамики. Отмечено, что сегодня творчество рассматривается как фактор социокультурных трансформаций, задающих новое качество человеческого бытия. Проанализирована эволюция концептуализаций творчества, сложившихся в истории философской мысли от античности до современности. Определено, что осмысление творчества представляет собой результат концептуального реконструирования в его целостности, в которой актуализируется сопряженность всех контекстов реконструирования: личностная система ценностей, социокультурные контексты, стиль философствования. Сделан вывод, что природа творчества задана соответствующим поворотом в философии и может быть исследована на основе междисциплинарности и комплексности.

Ключевые слова: творчество, коммуникации, культура, социокультурный контекст, креативные качества.

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2020-0036.

Научная специальность: 07.00.00 – исторические науки, 24.00.00 – культурология.

Введение

Сегодня интерес к изучению творчества как важной онтологической характеристики мира и бытия человека не вызывает сомнения и является предметом культур-философского дискурса. Творчество рассматривается как фактор социокультурных трансформаций, задающих новое качество человеческого бытия. Современная культурная ситуация обусловливает необходимость развития творческого потенциала человека, креативных способностей, позволяющих соответствовать новым реалиям мира и раскрыть широкий контекст взаимовлияния творчества и социума. Соответственно, постижение творчества как одного из культурных оснований действительности является актуальным и было заложено на самых ранних этапах культурно-исторического развития общества.

Любое философское осмысление творчества представляет собой результат концептуального реконструирования творчества в его целостности, философско-теоретический образ, концептуальную реконструкцию творчества, в которой актуализируется сопряженность всех контекстов реконструирования, таких как личностная система ценностей, социокультурные контексты, стиль философствования. Указанное выше позволяет выявить основные тенденции эволюционирования философских концепций творчества в горизонте социально-культурных изменений.

Материалы и методы

Изменение социально-исторических условий, необходимость модернизации категориального и методологического аппарата в области теории и истории культуры задают новые исследовательские векторы и методологические горизонты постижения творчества. Трудности исследования творчества объясняются неоднозначностью трактовок и концептуализаций, сложившихся в истории философской мысли.

Представления о творчестве в историческом контексте отразили такие авторы, как О. Шпенглер, Д. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет. Экзистенциальное понимание творчества как самосозидание, обнаружение себя в новых качествах характерно для Ж.-П. Сартра, М. К. Мамардашвили, Ж. Маритена, К. Ясперса. Исследованием творчества с позиции его природы и сущности занимались, начиная с Платона, Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон, Н. А. Бердяев, Г. С. Батищев, А. Ф. Лосев, О. Б. Афанасьев и др.

В работе в качестве исследовательского арсенала авторы опирались на потенциал социокультурного подхода, позволяющего рассмотреть проблему постижения творчества, его динамичных трансформаций как культурного феномена, как сферы бытия сущностных сил человека, включающего качественные показатели сущностных глубинных характеристик человека. Отметим, что сама социокультурная методология представляет собой методологию, в которой синтезированы традиции ранее сложившихся подходов; гносеологический потенциал логико-гносеологического подхода, равно как и подхода социологического, ассимилирован социокультурным подходом, и это имеет свои основания.

Социокультурная трансформация трактовки творчества связана с конституированием культурного мира человека, определяющего его экзистенциальное пространство, что соотносится с личностными смыслами и ценностями эпохи и детерминировано культурно-историческим контекстом.

Так, в контексте античной социокультурной реальности творчество начинает рассматриваться как процесс создания ранее не существующего, усматривая стремление человека к совершенству и созиданию. Наиболее отчетливо проблема творчества была поставлена Платоном. Согласно Платону, творчество представляет собой искусство созидания, существуя в двух ипостасях. Во-первых, в качестве сущностного аспекта эйдоса, или первообраза, модели творения. Во-вторых, в виде творческого акта, в процессе которого план творения превращается в сотворенное. Для названия последнего Платон и употребляет понятия демиурга, творца, создателя. Согласно Платону, творчество может носить универсальный характер, когда любое нечто обретает свое бытие. Отметим, что именно в эпоху Античности происходит формирование эвристики как направления, позволяющего изучать творческое, неосознанное мышление человека. В дальшейшем эвристика получает новый импульс развития только в XX веке, уже как наука, изучающая процессы продуктивного творческого мышления.

Несколько иную интерпретацию творчества можно обнаружить в учении Аристотеля. Аристотель рассматривает понятие «перводвигатель» как принцип творчества, усматривая в нем субстанцию, а следовательно, источник изменения и появления нового, в то время как человеческий ум потенциален в становлении всего (Aristotel', 1976–1984). Последнее определяет творчество как атрибут человеческого бытия.

С точки зрения западноевропейской средневековой философии, которая исходит из доминантной категории – понятия Бога, творчество понимается как имманентное бытию (Августин, Ф. Аквинский). В свою очередь, дух, проявленный в человеке, есть его высшая сущностная основа, сообщающая возможность творчества человеку. Таким образом, Бог становится объективностью, определяющей и направление, и содержание творческой деятельности человека.

Социокультурная аура эпохи Возрождения, а далее Нового времени задает совершенно новые реалии, направленные на возвеличивание человека, его потенци-

ала и творческих возможностей, передавая от Бога к человеку способность творить и воплощать творения в реальность. Рационалистическая философская традиция определяет творчество, прежде всего, с позиции разума человека и его разумной деятельности, нацеленной на изменение мира силой разума, равного по мощи Разуму Бога. Начиная с Р. Декарта, cogito постулируется в качестве основы бытия, что задает возможность творчества (Dekart, 1950). При этом реконструкции творчества как деятельности «чистого разума» напрямую связаны с успехами в естествознании, признанием апогея научного познания и получением наукой самостоятельного статуса.

Философия рубежа XIX–XX веков развивалась под воздействием противоречивых культурно-исторических событий, радикального пересмотра научных оснований, что, по сути, обозначило конфликт разумного и неразумного в деятельности человека. Как следствие, в культуре наряду с рациональным пониманием мира актуализировались тенденции иррационализма, когда на место разума ставились иные проявления духовного (воля, интуиция, бессознательное) и акцент в понимании творчества был смещен в область иррационалистических интерпретаций. Значимость иррационального пронизывает все феномены и рассуждения XIX века. Человек оказывается не столько носителем разума, научного разума, сколько средоточием страстей, доведенных до крайности, до глубочайшей экзальтации, воплощением воли, жажды жизни и власти. Как отмечает В. И. Кудашов: «… иррационалистические … элементы мировоззрения проявились сначала в искусстве и философии искусства» (Kudashov, 2015). Впоследствии углубление в иррациональность приводит к открытию в субъективности подсознательного, бессознательного.

Вторая половина XX века привносит смену исследовательской парадигмы и актуализирует новые тенденции в рассмотрении творчества (постмодернизм, синергетика, универсальный эволюционизм, прагматизм и т. п.). Так, постмодернистская философия, задавшая основания для будущего коммуникативного поворота в культуре, определяет творчество в соответствии с характеристиками текучести, становления, процессуальности, нестабильности, коммуникативности. В данных условиях социокультурной доминантой является не столько прирост научного знания, сколько формирование знаний и умений, имеющих социокультурную значимость (т. е. адаптация личности к контексту) (Khomushku at all, 2020; Khomushku at all, 2016). Информационно-коммуникативная социальность требует от личности не просто воспроизведения некоторого готового знания, а прежде всего умения свободно вступать в коммуникации, осуществлять деятельность в стандартных и нестандартных условиях, самостоятельно отыскивая и создавая новые пути и способы решения задач при постоянно изменяющемся контексте (Koptseva et al., 2015). Таким образом, постмодернистский контекст привнес изменение в понятие новизны как особенности творчества. Если в классической философии новизна рассматривалась в качестве доминирующего признака концептуализаций результата творчества, то с конца XX – начала XXI века новизна в постмодернистской социокультурной реальности становится перманентной особенностью, отражающей вечное движение, хаотизацию, иногда иллюзорность социально-культурных процессов.

Сегодня прагматический поворот в культуре привел к формированию человека экономического, во многом нацеленного на утилитаризм, но в то же время способного к многозадачности в быстро меняющемся мире, что диктует необходимость развития творческих способностей (Borovinskaya, 2019). Так, Р. Флорида вводит понятие креативного класса как самого влиятельного в современном обществе (Florida, 2019). Смена научной рациональности коммуникативной делает востребованными новую образовательную стратегию и новый тип личности – коммуникативно-информационные. Таким образом, развитие креативных качеств, возможностей

для творчества является важным аспектом в современных комплексных исследованиях творчества. Так, философское знание, выполняя критическую функцию, позволяет отказаться от сложившихся стереотипов мышления. В. Гейзенберг отмечал, что ученому необходимо «совершить прыжок в пустоту» (Gejzenberg, 1989). Речь шла о готовности опровержения оснований прежней науки, достигая, таким образом, новых результатов. Следовательно, сегодня актуальным для исследователей любого профиля является инициирование творческой активности, обеспечивая будущему специалисту способности конструктивного сомнения, нестандартного мышления, генерации новых идей, определения перспектив деятельности (Raitina, 2015).

Данная интенция генерируется представлением о современной эпохе как веке проектной культуры, что находит отражение в концептуализациях инновационного университета, где отличительной чертой образования становится обучение проектному мышлению. Последнее достигается, в частности, и путем внедрения в процесс обучения проектно-ориентированных образовательных технологий. Тем самым подчеркивается, что специалист должен обладать инновационным мышлением, интенцией на творческое созидание, а это достигается за счет обучения проектированию, понимания характера проектных процессов как творческих по своей сущности.

В современном культурном пространстве происходит разрушение прежних смыслов научной деятельности, а совершенствование технологий позволяет воплотить ученым самые смелые замыслы, не задумываясь о последствиях. Таким образом, сфера научного творчества оказалась тем самым Франкенштейном, которого взрастила культура и который затем вырвался и стал неподвластен ей, оставил ее далеко позади себя. «Научившись довольно успешно покорять природу, люди неожиданно обрели куда более могущественного и коварного врага… в лице самих себя. Великие творения разума, позволившие накормить и согреть сотни миллионов, парадоксальным образом воплотились в средства массового уничтожения, невиданные по своей убойной силе» (Silin, 1997). Наука должна воспринимать себя как часть культуры, а не как «идола», которому все позволено, не оглядываясь на ценностные характеристики. Данный вопрос касается представления научно-инженерным сообществом о мере ответственности за свою деятельность, о пределах допустимого в научном эксперименте, обусловленного, прежде всего, глубиной мышления, аксиологическими установками. В связи с вышесказанным сегодня актуализируется акцентирование на аксиологических аспектах научного творчества, усиливается важность гуманитарной и нравственной экспертизы.

Вывод

Проблема творчества носит сложный, комплексный характер и определяется, как правило, на основе выделения специфических акцентов, исследовательского угла зрения определяемой проблемы (например, философская, педагогическая, психологическая, историческая трактовки). Вышеобозначенный теоретический обзор позволяет сделать вывод о том, что представление о творчестве менялось в соответствии со спецификой соответствующего поворота в философии (антропологический, коммуникативный, прагматический и др.), а также культурно-историческим контекстом эпохи. Интерпретация трактовки творчества связана с конституированием культурного мира человека, определяющим его экзистенциальное пространство. Таким образом, заключим, что осмысление творчества сегодня возможно, во-первых, как осмысление характеристики, имманентно присущей человеку, человеческой деятельности; во-вторых, как обобщенной проявленности универсальной креативности бытия, которая обеспечивает самообновление и развитие мира сущего и культуры в целом. Целостный анализ творчества, позволяющий отразить его современное видение, возможен на основе методологии комплексности и междисциплинарности.

Список литературы / References

Aristotel' (1976–1984) *Sobr. soch.: v 4 t. [Collected works in 4 volumes]*. M.: Mysl'.

Borovinskaya, D.N. (2019) *Problema kreativnosti v obrazovatel'noj perspektive: monografiya* [*The problem of creativity in the educational perspective: monograph*]. Tomsk: Izdatel'skij dom Tom. gos. un-ta. 220 p.

Dekart, R. (1950) *Izbrannye proizvedeniya* [*Selected works*]. M.: Gospolitizdat. 712 p.

Florida, R. (2019) *The Rise of Creative Class*. Hachette UK. 512 p.

Gejzenberg, V. (1989) *Fizika i filosofiya. Chast' i celoe* [*Physics and philosophy. Part and whole*]: Per. s nem. M.: Nauka. Gl. red. fiz.-mat. lit. 400 p.

Khomushku, O.M., Kukhta, M.S., Raitina, M. Yu. (2020) Socio-cultural Adaptation of Tuvan Students in Educational Environment of Tomsk. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 13, 7, 1137–1143. DOI: 10.17516/1997–1370–0631.

Khomushku, O.M., Kuhta, M.S. (2016) Etnokonfessional'nyj faktor v duhovnom vozrozhdenii Tuvy: social'no-filosofskij analiz [The ethno-confessional factor in the spiritual revival of Tuva: a socio-philosophical analysis]. In *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN*. 27, 5 (27), 119–126.

Koptseva, N.P., Liia, M., Kirko, V.I. (2015) The Concept of «Communication». In *Contemporary Research. In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, (8), 1560–1568. DOI:10.17516/1997–1370–2015–8–8–1560–1568.

Kudashov, V.I. (2015) Racional'nost' i irracional'nost' v nauchnoj kul'ture [Rationality and irrationality in scientific culture]. In *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 3, 117.

Raitina, M. (2015) Communicative Strategies of Philosophical Education in Masters' Training. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 206, 440–444. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.10.080.

Silin A. A. (1997) Koncepciya razvitiya v estestvoznanii i filosofii [The concept of development in natural science and philosophy]. In *Filosofskie nauki*, 2, 89.